

Вестник

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия **ЮРИСПРУДЕНЦИЯ**

● КОНСТИТУЦИИ ПОСТСОВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВ
С ПОЗИЦИИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА

● ПРОБЛЕМЫ ФИНАНСОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ
МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

● О ЧАСТНЫХ И ПУБЛИЧНЫХ ИНТЕРЕСАХ
В РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПОВ ПРАВОВОГО
РЕГУЛИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

● ПОВЫШЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ
ПРИВЛЕЧЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ К ТРУДУ
В УСЛОВИЯХ ИСПРАВИТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ

2015 / № 2

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

<i>Макеева Е.А.</i> ФЕНОМЕН РЕЛИГИИ В ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА.....	8
<i>Шановалов Н.И.</i> ОБЩЕЕВРОПЕЙСКАЯ АРМИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ГЕОЭКОНОМИЧЕСКУЮ СИТУАЦИЮ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА.....	12

РАЗДЕЛ II.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

<i>Багдасарян В.Э.</i> КОНСТИТУЦИИ ПОСТСОВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВ С ПОЗИЦИИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА... 19	19
<i>Валеев Х.А.</i> КОММУНИКАЦИОННАЯ ОТКРЫТОСТЬ КАК ФАКТОР ОПТИМИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ	32
<i>Верзилина И.Г.</i> О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ПРАВОВОГО СТАТУСА ЧЛЕНОВ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КОМИССИИ С ПРАВОМ СОВЕЩАТЕЛЬНОГО ГОЛОСА	38
<i>Горячих А.А.</i> ПРЕДЕЛЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ АКТИВНОГО ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРАВА: ПОНЯТИЕ И ВИДЫ	43
<i>Демьянов Е.В.</i> О РАБОТЕ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КОМИССИЙ В СТАВРОПОЛЬСКОМ КРАЕ ПО ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОВЕДЕНИЮ ВЫБОРОВ ГУБЕРНАТОРА СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ (14 СЕНТЯБРЯ 2014 Г.).....	49
<i>Чихладзе Л.Т.</i> ПРОБЛЕМЫ ФИНАНСОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ.....	56

РАЗДЕЛ III.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

<i>Барышников И.С.</i> ПРИНЦИП ЧЕСТНОЙ ДЕЛОВОЙ ПРАКТИКИ В ПРЕЦЕДЕНТНОМ ПРАВЕ АВСТРАЛИИ И ВЕЛИКОБРИТАНИИ	62
--	----

Борисова Л.В. О ЧАСТНЫХ И ПУБЛИЧНЫХ ИНТЕРЕСАХ В РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПОВ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ.....	69
Васильева О.Н., Маркичева И.А. ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ АУТСОРСИНГА В РОССИИ.....	76

РАЗДЕЛ IV. УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Антонян Е.А. ПОВЫШЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ К ТРУДУ В УСЛОВИЯХ ИСПРАВИТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ	80
Галушкин А.А. КИБЕРШПИОНАЖ – УГРОЗА СОВРЕМЕННОМУ ИНФОРМАЦИОННОМУ ОБЩЕСТВУ	87
Грушин Ф.В. УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ	92
Колчевский И.Б. Меликов Э.М. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ИСКЛЮЧАЮЩИЕ РЕЦИДИВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ПРОБЕЛЫ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ И ПУТИ РЕШЕНИЯ.....	96
Коновалова И.А. ОБЪЕДИНЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ГРУППЫ КАК ОСНОВА ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ	103
Кононов Э.А. Разувакин А.А. ПРОБЛЕМЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ЛИЦ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ И УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА СБЫТ КОНТРАФАКТНЫХ ЭКЗЕМПЛЯРОВ ПРОГРАММ ДЛЯ ЭВМ	107
Осипов М.С. МОТИВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И СПОСОБЫ ЕГО УСТАНОВЛЕНИЯ ПРИ ПОМОЩИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ИНТЕРНЕТ - СЕТЕЙ.....	115
Наши авторы	123

CONTENTS

SECTION I.

THE THEORY AND HISTORY OF LAW AND STATE, THE HISTORY OF DOCTRINES ON LAW AND STATE

<i>Ye. Makeyeva.</i> RELIGION IN THE LEGAL SYSTEM OF THE EUROPEAN UNION	8
<i>N. Shapovalov.</i> ALL-EUROPEAN ARMY AS AN INSTRUMENT OF INFLUENCING THE EU GEO-ECONOMIC SITUATION	12

SECTION II.

CONSTITUTIONAL LAW, CONSTITUTIONAL COURT PROCEEDING, MUNICIPAL LAW

<i>V. Bagdasaryan.</i> CONSTITUTIONS OF POST-SOVIET STATES FROM THE ANGLE OF STATE SOVEREIGNTY PROVISION.....	19
<i>Kh. Valeyev.</i> COMMUNICATION OPENNESS AS A FACTOR OF OPTIMIZING STATE AUTHORITIES ACTIVITY	32
<i>I. Verzilina.</i> ON SOME PROBLEMS OF THE LEGAL STATUS OF ELECTION COMMISSIONERS WITH ADVISORY VOTE	38
<i>A. Goriachikh.</i> THE LIMITS OF ACTIVE SUFFRAGE: CONCEPT AND TYPES.....	43
<i>Ye. Demyanov.</i> ON THE WORK OF ELECTION COMMISSIONS IN THE STAVROPOL TERRITORY ON ORGANIZING AND CONDUCTING THE ELECTIONS OF THE GOVERNOR OF THE STAVROPOL TERRITORY 14 SEPTEMBER 2014.....	49
<i>L. Chikhladze.</i> THE ISSUES OF FINANCIAL SUPPORT FOR MUNICIPAL EDUCATION	56

SECTION III.

CIVIL LAW, BUSINESS LAW, FAMILY LAW, INTERNATIONAL PRIVATE LAW

<i>I. Baryshnikov.</i> THE PRINCIPLE OF FAIR DEALING IN AUSTRALIAN AND BRITISH CASE LAW	62
<i>L. Borisova.</i> ON PRIVATE AND PUBLIC INTERESTS IN LEGAL REGULATION OF CIVIL RELATIONSHIPS.....	69
<i>O. Vasilyeva, I. Markicheva.</i> THE PROBLEMS OF OUTSOURCING LEGAL REGULATION IN THE RUSSIAN FEDERATION	76

SECTION IV.
CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY, CRIMINAL EXECUTIVE LAW

Ye. Antonian. INCREASING ECONOMIC EFFICIENCY OF CONVICT LABOUR AT CORRECTIONAL INSTITUTIONS.....	80
A. Galushkin. CYBERESPIONAGE – THREAT TO MODERN INFORMATION SOCIETY	87
F. Grushin. CRIMINAL EXECUTIVE LEGISLATION: CURRENT STATUS AND IMPROVEMENT PROSPECTS	92
I. Kolchevsky, E. Melikov. CIRCUMSTANCES EXCLUDING RECIDIVISM: LOOPHOLES IN LEGISLATION AND WAYS OF SOLUTION	96
I. Konovalova. ADOLESCENT SOCIAL GROUPING AS A BASIS OF CRIMINAL BEHAVIOR.....	103
E. Kononov, A. Razuvakin. THE PROBLEMS OF ADMINISTRATIVE AND CRIMINAL LIABILITY FOR COUNTERFEIT SOFTWARE COPIES MARKETING	107
M. Osipov. CRIMINAL MOTIVE AND MEANS OF ITS IDENTIFICATION THROUGH SOCIAL NETWORKS	115
Our authors	123

РАЗДЕЛ I.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

УДК 2:34(4)

Макеева Е.А.

Московский государственный областной университет

ФЕНОМЕН РЕЛИГИИ В ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Аннотация. В статье раскрывается специфика и значение феномена религии в странах Европейского союза. В основу анализа положено изучение нормативных актов, связанных с историческим компонентом конфессионального («религиозного») права европейских государств. Автор приходит к заключению, что, несмотря на действие основополагающих документов, определяющих развитие конфессиональных отношений и гарантий свободы совести и вероисповедания, существует ряд проблем, подлежащих изучению и решению в связи с углублением европейской интеграции.

Ключевые слова: конфессия, свобода вероисповедания, правовые системы, европейская интеграция.

Ye. Makeyeva

Moscow State Regional University

RELIGION IN THE LEGAL SYSTEM OF THE EUROPEAN UNION

Abstract. The article reveals a specific aspect and importance of religion in the European Union. The study is based on the analysis of the provisions of the EU law, the analysis of historical component in the development of «religious» confessional rights of European states. The author came to the conclusion that despite the existence of basic fundamental documents determining the development of state relations and guarantees of freedom of conscience and religion, there are a number of problems to be studied and addressed in connection with the deepening of European integration.

Key words: religious denomination, freedom of religion, legal systems, European integration.

Проблема классификации государств, в зависимости от позиции последних по отношению к религии, была предметом ряда исследований, в том числе посвященных системе от-

© Макеева Е.А., 2015.

ношений между государством и религиозными конфессиями. Речь идет о системах «подчинения», «координаций» и «разделения». Система «подчинения» означает подчинение церкви государству и государства церкви. Особенность этой системы характеризует роль, которую играют Английская корона и Парламент по отношению к Англиканской церкви. В этой связи необходимо упомянуть также Ватикан и Афонскую Республику (Святую Гору). Остановим внимание на указанных феноменах, которые обладают особым положением в Католической и Православной церквях и имеют большое значение для развития конфессионального права как Европейского союза, так и международного сообщества.

В феврале 1929 г. премьер-министр Италии Бенито Муссолини и представитель Римской католической церкви кардинал Пьетро Гаспарри, госсекретарь и влиятельная фигура в Ватикане в тот период, подписали так называемые Латеранские соглашения, закрепившие за Ватиканом статус суверенного государства. В мае того же года соглашения, состоящие из трех документов, были ратифицированы итальянским парламентом. Первый из них представлял собой договор, согласно которому Италия признавала за Ватиканом соответствующий статус. Второй документ содержал положение о выплате Святому престолу финансовой компенсации за период с 1871 г. Третий документ – Конкордат – урегулировал статус Католической церкви в Италии.

Нет необходимости подробно рассматривать то значение, которое в результате приобрела деятельность Святого Престола на международной арене. Упомянем лишь о праве ду-

ховного суверенитета над вселенской Католической церковью и юридического суверенитета над городом-государством Ватикан. А Ватикан, как отмечал Ф. Брольо, является анклавом, призванным обеспечивать территориальную и политическую независимость римского понтифика, осуществляющего высшую, полную, непосредственную власть над католической церковью и обеспечивающего абсолютную власть управления Святого Престола [1, с. 114]. Святой Престол установил дипломатические отношения более чем со 150 государствами. Возрастает роль и участие Ватикана в деятельности международных организаций: он в некоторых случаях выступает в качестве посредника при разрешении международных споров, регулирует проблемы религиозного права путем заключения конкордатов.

Очевиден тот факт, что у Католической церкви есть возможности донести до Европейского сообщества (ЕС) свое мнение и некоторым образом влиять на политику, проводимую Советом Европы и ЕС. Этих возможностей у Католической церкви заметно больше, чем у других христианских конфессий. В этом же плане примечателен пример православной Горы Афон, особый статус которой был подтвержден совместной декларацией стран-членов Европейского сообщества в мае 1979 г. В Декларации было заявлено о том, что особый статус, признанный за Горой Афон в соответствии со ст. 105 Конституции Греции, продиктован исключительно соображениями духовно-религиозного характера, и Сообщество берет на себя обязанность иметь это в виду при дальнейшей разработке положений права Сообщества [4, с. 55].

Прежде всего, речь шла о налоговых и таможенных льготах, праве на экономическую деятельность, а также праве на жительство. Действительно, на территорию горы Афон запрещен доступ женщинам; греческим гражданам необходимо получать «разрешение на пребывание» в компетентных органах, а иностранцы обязаны предоставить разрешение, выдаваемое МИД Греции. Территория Святой Горы является самоуправляемой автономией в составе Греции, а религиозная деятельность определяется Константинопольским вселенским патриархатом.

Примеры деятельности Святого Престола и Святой Горы подтверждают тезис о значении религиозного фактора для европейской интеграции и дальнейшего развития права Европейского союза. Для ЕС характерно значительное влияние Католической церкви (преимущественно в таких странах, как Испания, Португалия, Франция и др.). Исторически связаны с Реформацией лютеранские Дания и Швеция. К православной традиции принадлежит Греция. При рассмотрении значения религиозного фактора в тех или иных государствах необходимо упомянуть о политических партиях, которые либо были образованы по решению конфессиональных структур, либо при их участии (например, Христианско-демократический союз в Германии). Можно упомянуть о деятельности светской католической организации *Azzione Cattolica* («Католическое действие»), которая, согласно ст. 43 Конкордата 1929 г. (один из трех документов Латеранских соглашений), получив независимость от партийных структур, напрямую подчинялась церкви.

Нормативное регулирование общественных отношений, связанное с деятельностью Церкви, осуществляется на самых различных уровнях законодательно-представительных и исполнительных органов власти. Соответствующие нормы содержатся в конституциях и законах государств, региональных законах и актах. В качестве примера правотворчества органов исполнительной власти можно сослаться на декрет (постановление) Министерства образования Франции № 93/376 1993 г. Положения, составившие основу декрета Министерства, получили законную силу для всех частных школ, которых они касались [3, с. 131].

Каковы же тенденции развития «религиозного компонента»? Вероятно, следует отметить такой феномен, как поддержка религии и культуры, духовного наследия, благотворительной деятельности, предоставление определенных льгот. В настоящее время религиозные конфессии остаются важным элементом гражданского общества. Ст. 22 Хартии Европейского союза об основных правах гласит, что Европейский союз уважает культурное, религиозное и лингвистическое разнообразие [2, с. 327]. Необходимо отметить, что область отношений, связанная с религией, отличается высокой чувствительностью и щепетильностью по отношению к другим системам, составляющих культурную основу европейской интеграции. В этом смысле требуют изучения и решения определенные проблемы:

- свобода совести несовершеннолетних;
- вероятность дискриминации индивида внутри группы одинаковой религиозной принадлежности;

- юридический статус новых религиозных движений;
- защита религиозного чувства;
- «религиозное» семейное право.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Брوليو Ф., Мирабелли Ч., Онида Ф. Религии и юридические системы: введение в сравнительное церковное право. М.: Библейско-богословский ин-т св. ап. Андрея, 2008. 427 с.
2. Конституции зарубежных государств / сост. В.В. Маклаков; 5-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2007. 602 с.
3. Boussinesq J., Brisacier M., Poulat E. La laïcité française: mémento juridique. Paris: Seuil, 1994. 212 p.
4. Papastathis Ch. The Status of Mount Athos in Hellenic Public Law // The Mount Athos and the European Community / ed. A.-E.N. Tachiaos. Thessalonica: Institute for Balkan Studies, 1993. P. 55-75.

УДК 346.176.1

Шаповалов Н.И.*Московский финансово-промышленный университет «Синергия»*

ОБЩЕЕВРОПЕЙСКАЯ АРМИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ГЕОЭКОНОМИЧЕСКУЮ СИТУАЦИЮ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Аннотация. В статье представлен анализ изменений геополитической и геоэкономической ситуации Европейского союза, происходивших последние десять лет. Основное внимание уделено не очень успешной реализации проекта по созданию института общей внешней политики, политики безопасности и обороны и попыткам ревизии концепции безопасности Европейского союза от 2003 г. Прослежено стремление использовать идею создания общеевропейской армии как инструмента для достижения более тесной политической интеграции стран Евросоюза. Автор делает вывод, что современная геополитическая ситуация требует тщательного анализа в свете становления новой концепции безопасности Евросоюза.

Ключевые слова: Европейский союз, политическая интеграция, общеевропейская армия, геополитическая ситуация, геоэкономика.

N. Shapovalov*Moscow Financial and Industrial University «Synergiya»*

ALL-EUROPEAN ARMY AS AN INSTRUMENT OF INFLUENCING THE EU GEO-ECONOMIC SITUATION

Abstract. The article analyses the changes in geopolitical and geo-economic situation of the European Union for the last decade. The author focuses on The Common Foreign and Security Policy project and attempts to revise the concept of EU security of 2003. The idea of creating the all-European army as an instrument of political integration in the European Union has been traced to its roots. The author concludes that present geopolitical situation demands careful analysis in the light of a new EU security concept.

Key words: European Union, political integration, all-European army, geopolitical situation, geo-economics.

Геоэкономика – термин, появившийся в 60-е годы прошлого века, обозначает исследование закономерностей распределения и перераспределения сфер влияния различных государств и межгосударственных объединений с позиций их экономической мощи, обеспечивающей достижение внешнеполитических целей,

мирового или регионального могущества экономическим путем. В последнее время геоэкономика обсуждается все чаще не только в научных дискуссиях, она становится предметом дискуссий уже во властных структурах. Так, Комитет по международным делам Европейского парламента, начав обсуждение 160 поправок к годовому отчету Совета Евросоюза, направлен-

ному в Европарламент, в своих подкомитетах 29 января 2015 г. отметил, что мир стремительно меняется: «Быстрый рост экономических систем, которые сегодня находятся на стадии становления, в то время как наблюдается медленное восстановление Европейского союза после экономического кризиса 2008–2009 гг., подобное замедление фактически изменило геополитическую ситуацию в мире. Дифференциация между "Севером и Югом", растворилась, причиной этому <...> стала традиционная модель развития, которой продолжает следовать Европейский союз» [2].

Развивающиеся страны в течение последних десяти лет стали двигателями глобального экономического роста, сегодня на их долю приходится половина валового внутреннего продукта (ВВП) в мире. Депутаты Европарламента считают, что «цели устойчивого развития», определенные на встрече «двадцатки» в Рио-де-Жанейро (2012 г.) должны лечь в основу политики Европейского союза. Ориентируясь на устойчивое развитие и уничтожение бедности к 2030 г., Евросоюзу следует принять во внимание многополюсный характер мира, изменение географии бедности, воздействие геополитических проблем, таких как изменение климата, новые угрозы безопасности, эпидемии, негосударственные вооруженные формирования, изменения в финансировании развития и др. Европейский парламент, в соответствии с положениями ч. 2 ст. 223 и ч. 4 ст. 228 Договора о функционировании Европейского союза (Лиссабон, 2007 г.), стремится отслеживать эти проблемы, контактируя с национальными законодательными органами.

Европейский союз (ЕС), включая отдельные государства-члены, является крупнейшим донором помощи, реципиентами которой являются развивающиеся государства с низким доходом. Европейский парламент приветствует этот факт, однако сетует на то, что государства-члены Евросоюза вносят намного меньше, чем 0,7% валового национального дохода, которые они должны выделять в виде помощи самым бедным странам [5]. ЕС остается ведущим в мире участником оказания помощи в целях развития. Так, сумма выплат помощи ЕС в 2013 г. достигла 58,2 млрд. долл. США, что соответствует 0,41 % ВВП Союза. Эта сумма далека от обязательственных 0,7 % ВВП для государств-членов ЕС. Только четыре государства – Швеция, Люксембург, Дания и Соединенное Королевство – выполнили свои обязательства в этой области. Депутаты Европарламента считают важным для государств-членов следовать договоренностям о 0,7 % ВВП.

Тенденции экономического развития государств свидетельствуют о том, что многочисленные государства перемещаются от «нижнего уровня доходов» к «уровню среднего дохода». Тем не менее, эти страны все еще сталкиваются с трудностями: считается, что 73 % самых бедных людей в мире живут в странах среднего дохода, которые при этом имеют в своем распоряжении огромные ресурсы. Отсюда, по мнению депутатов Европарламента, напрашивается вывод о необходимости изменения традиционной модели сотрудничества, основанной на простой передаче помощи бедным странам. Целью политики оказания помощи Европейским союзом становятся

«политика развития», прежде всего «политика стабильного роста», «права человека» и «демократический политический режим».

Геоэкономическая ситуация кардинально изменилась способами, подорвавшими модель традиционного развития Евросоюза. Появилась острая нужда в подготовке приемлемой для ЕС внутренней политики в области миграции, торговли, финансов, сельского хозяйства, окружающей среды, совместимой с глобальными целями развития. Только приняв амбициозную и последовательную как внутреннюю, так и внешнюю политику, Европейский союз может надеяться на достижение глобального устойчивого развития. Подобная констатация свидетельствует о том, что модель развития Евросоюза, которая закреплена в концепции стратегии его безопасности, принятой 12 декабря 2003 г. Европейским советом, и предусматривающей расширение Евросоюза с созданием вокруг него буферной зоны из государств с демократической формой государственного режима и с «комфортными» правительствами (послушными Евросоюзу), не оправдала себя.

Безопасность Европейского союза и окружающей среды, как это вытекает из поправки Арно Данжана, члена Комитета по международным делам депутата от Франции, представителя группы европейской народной партии, нестабильна. Об этом свидетельствуют конфликты на Украине, в Сирии и Ираке, активность террористической организации ИГИЛ, ливийский кризис, террористическая угроза в Сахеле. Эти проблемы рассматриваются как прямая угроза

безопасности Евросоюза. А если учесть активизацию участия США и России в Азии, а также влияние финансового кризиса на национальные бюджеты государств-членов, делает вывод Арно Данжан, Европейский союз должен, насколько это возможно, взять на себя больше ответственности за собственную безопасность и оборону.

В чем, казалось бы, заключается проблема? С момента принятия стратегии безопасности Европейский союз окружал себя буферными государствами с демократическим политическим режимом и комфортными правительствами. Эта стратегия исправно действовала, пока к Европейскому союзу присоединились Финляндия, Эстония, Литва, Латвия, Польша, Румыния, Болгария и др.¹. Способы, изменившие мир в последние годы, подорвали традиционную модель развития Евросоюза. В ответ на этот исторический призыв к изменению, в Европейском совете в декабре 2013 г., впервые с момента вступления в силу Лиссабонского договора (2009 г.), была поднята тема общей внешней политики, политики безопасности и обороны. Европейский совет определил четыре критических области, где Евросоюз должен активизировать свою деятельность. Это развитие совместных проектов, таких как заправка самолетов в воздухе, развитие следующего поколения беспилотников (дронов) наблюдения, спутнико-

¹ Попытка присоединить Украину оказалась неудачной из-за «некомфортного» правительства, которое пришлось сменить. Правда методы, используемые при этом, нельзя никак назвать безупречными: профашистские организации, профашистские лозунги, против чего и выступил юго-восток Украины (Донбасс). Вероятно, это не входило в планы руководства Евросоюза.

вой связи и киберзащиты. Результаты деятельности в этих областях будут оценены Европейским советом в июне 2015 г. и, возможно, станут реальным тестом на доверие, позволяющим воспользоваться случаем, чтобы договориться о реальных шагах, направленных на политическую интеграцию.

Среди основных аргументов ревизии концепции стратегии безопасности Европейский совет выдвинул на первый план быстро меняющуюся стратегическую и геополитическую окружающую среду; ограниченные возможности государств-членов, которые не позволяют развернуться и выдержать вызовы современности из-за ограниченных оборонных бюджетов и факта фрагментации оборонных рынков, что в свою очередь подвергает опасности конкурентоспособность оборонной промышленности ЕС). Учитывая изменение геополитической ситуации, Европейский совет в декабре 2013 г. настоял на политической уместности сотрудничества в этой области. Тем самым подспудно была признана неэффективность политики ЕС, которая привела к изменению не в пользу Евросоюза стратегической и геополитической окружающей среды, ограничению возможностей государств-членов.

Не секрет, что институт общей внешней политики, политики безопасности и обороны, закрепленный в Маастрихтском договоре (1992 г.), был дополнен Амстердамским договором (1997 г.), где появился раздел, закрепляющий механизм осуществления общей внешней политики и политики безопасности. Но впоследствии ни Ниццкий (2001 г.), ни Лиссабонский (2007 г.) договоры, так и не сумели

выполнить свою задачу по созданию института общей внешней политики и политики безопасности, адаптированного к реалиям политической интеграции. «Политическая интеграция, по мнению ученых, является тем инструментом, при помощи которого Европейский союз будет функционировать как самостоятельный участник международных отношений. Однако, политическая интеграция может возникнуть только в случае постепенности и продуманности отдельных шагов, а также с учетом компромиссных моделей принятия решений, таких как политическая кооперация, которая уже сложилась и успешно функционирует. Только на этой основе может развиваться действительное политическое единство, в рамках которого Европейский союз мог бы функционировать эффективно» [4, с. 217].

В настоящее время не совсем корректно применять термин «общая внешняя политика», потому что органы внешних сношений, через которые государства-члены ЕС осуществляют внешнеполитическое сотрудничество, являются национальными и носят либо конституционный, либо специализированный характер. Значит, эти органы имеют правовую природу, отличную от правовой природы органов интеграции, и внешнеполитическая деятельность может осуществляться только в пределах компетенции, определенной национальной конституцией государства-члена. Соответственно, внешняя политика может быть только согласованной, если удастся ее согласовать, но отнюдь не общей.

Ностальгия по Великой Европе, как мы уже отмечали, «подталкивает Европейский союз к поиску путей

повышения интеграционного процесса» [3, с. 139]. «Однако, – отмечали также мы, – для осуществления политической интеграции должны быть условия, позволяющие ее реализовать. Государства, ревностно охраняющие свой суверенитет, не готовы воспринимать быстрые, преждевременные политические решения» [2, с. 39]. В сложившейся ситуации Председатель Еврокомиссии Жан-Клод Юнкер констатировал: «Европа в последнее время изрядно потеряла престиж, даже во внешней политике нас перестают принимать всерьез» [6]. Возможно, подобные мысли Ж.-К. Юнкеру были навеяны высказываниями помощника госсекретаря США Виктории Нуланд¹. Кроме того, Председатель Еврокомиссии заявил о необходимости создания единой европейской армии: «Такая армия помогла бы сформировать Евросоюзу общую внешнюю политику и политику безопасности, а также позволила бы Европе нести совместную ответственность за события в мире<...> Такая армия покажет всему миру, что между странами ЕС никогда не будет войны» [1]. Стремясь успокоить Соединенные Штаты и несговорчивых союзников по Евросоюзу, Ж.-К. Юнкер утверждал [6], что европейская армия не долж-

на конкурировать с НАТО, а должна укрепить Европу; к тому же, на содержании общеевропейской армии государства-члены Союза могли бы значительно сэкономить.

Идею с общей армией для Европы поддерживали некоторые депутаты Бундестага. Так, председатель Комитета по международным делам Бундестага. Норберт Реттген (ХДС) считает [6], что «общая армия – это **«европейское видение проблемы, время которого пришло»**. К тому же, утверждает он, «армия как выражение государственного качества пережила себя не только как идея, но и политически. Все же наши военные способности в сфере политики безопасности остаются недостаточными, до тех пор пока мы поддерживаем национальные мелкие армии» [6]. «Прошедшие 10 лет мало что дали для защиты Европы. **Требуется новые шаги**», – говорит Ханс-Петер Бартель (СДПГ), председатель комиссии по обороне Бундестага, и допускает, **что сегодня нет необходимости ждать общей концепции, с которой согласятся все государства-члены ЕС, а можно начинать с соглашений между отдельными национальными государствами** [6]. Следует отметить, что подобное заявление противоречит учредительным договорам ЕС и может преследовать далеко идущие цели на создание более узкой интеграции отдельных государств-членов.

Думается, что подобные высказывания лежат в русле политических устремлений Германии, которая уже переросла те рамки, в которых она находится в ЕС. Стране требуется политическое влияние, которое может

¹ В Интернете 7 февр. 2014 г. появилась аудиозапись телефонного разговора между помощником госсекретаря США по делам Европы и Евразии Викторией Нуланд и американским послом в Киеве Джеффри Пайатом о том, кто из лидеров украинской оппозиции должен попасть в новое правительство страны, в ходе которого прозвучала скандальная фраза, некорректная по отношению к Европейскому союзу... (<http://www.youtube.com/watch?v=v8jtnLVvsjU>).

обеспечить политическая интеграция, что позволит ей выйти в политике на тот же уровень, на котором она находится в экономике. Министр обороны ФРГ Урсула фон дер Ляйен, находясь с визитом в Польше, заявила 6 марта 2015 г. [6] о целесообразности создания общеевропейской армии, которая, по ее мнению, позволит укрепить европейскую политику в сфере безопасности в свете кризисов, подобных украинскому. При этом глава германского оборонного ведомства отметила, что такой масштабный проект не удастся осуществить быстро, на это уйдет немало времени. Тем не менее, она считает, что бундесвер должен стать образцом общеевропейской армии. Он уже имеет опыт в создании интернациональных подразделений. Впервые в истории бундесвер и польская армия обменялись подразделениями: немецкий батальон был передан под польское командование, а польский – под командование немецких офицеров. В 2014 г. Нидерланды предоставили 2100 солдат, командование которыми осуществляют немецкие офицеры. В свою очередь Германия планирует подчинить подразделение своих военно-морских сил Нидерландам.

Упомянутый уже Ханс-Петер Бартель не только счел необходимым разработать новую концепцию стратегии безопасности Евросоюза, но и вошел в состав экспертной группы по подготовке предложений для новой стратегии безопасности, работавшей с июня 2014 по январь 2015 гг. Был подготовлен доклад экспертной группы Центра европейских политических исследований (Centre for European Policy Studies, CEPS) во главе с Хавьером Со-

ланой под названием «Больше союза в Европейскую оборону (More Union in European Defence)»¹. По мнению экспертов, общая внешняя политика, политика безопасности и обороны является самым слабым звеном в проекте интеграционного объединения Европы. Эта проблема вызвана отсутствием реальной политической интеграции Европейского союза. Взяв на себя больше ответственности за коллективную безопасность и политику обороны в многополюсном мире, Европейский союз должен будет эффективнее справляться с текущими проблемами безопасности и продвигать в мире собственные ценности и интересы ЕС. Это, с точки зрения экспертов, также должно поднять моральный дух граждан ЕС. Высокий представитель по международным делам и безопасности в Еврокомиссии, используя учредительные договоры, должен стремиться к постоянному структурированному сотрудничеству в области общей внешней политики, политики безопасности и обороны для интеграции в этой области с государствами, имеющими аналогичный подход. А для этого, по мнению экспертной группы, должны использоваться в качестве катализатора общеевропейские вооруженные силы, нацеленные на предотвращение конфликтов, кризисное управление

¹ Центр европейских политических исследований – независимый неправительственный институт (Брюссель), основан в 1983 г. в качестве основной дискуссионной площадки по делам ЕС, но с тех пор нарастил исследовательский потенциал, дополнив его широкой партнерской сетью по всему миру, и считается одним из самых авторитетных мозговых центров, работающих в странах Европейского союза. Указанный доклад опубликован на сайте Центра 26 февр. 2015 г. (<http://www.ceps.eu/publications/more-union-european-defence>).

и миротворческие операции. И, что особенно важно, должны проводиться операции за пределами границ Европейского союза. Естественно, штаб Общеввропейских вооруженных сил должен находиться в Брюсселе, и политическое руководство вооруженными силами должно осуществляться Европейским союзом.

Далее, как следует из доклада, в национальных бюджетах государств-членов ЕС следует предусмотреть статью расходов на европейскую оборону, при этом следует усилить прозрачность и ответственность за соблюдением бюджетной дисциплины. Также должен быть учрежден Европейским советом независимый комитет, поддерживаемый Европейской службой внешних воздействий (European External Action Service, EEAS) и подчиненный соответствующему подразделению Еврокомиссии. Подобная структура позволит Европейской комиссии сформировать «дорожную карту» реальных шагов для внедрения этих рекомендаций в жизнь. К тому же положения Лиссабонского договора позволяют пойти гораздо дальше в сфере подготовки безопасности и обороны Европейского союза. Экзистенциальный кризис, в котором оказалась общая внешняя политика, политика безопасности и обороны, считает экспертная группа, обеспечивает уникальную возможность

достичь более глубокой интеграции в этой области. Между тем необходимо отметить, что на процесс политической интеграции влияют и иные более глубинные процессы, чем геоэкономическая ситуация.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Глава Еврокомиссии призвал создать армию Евросоюза [08.03.2015 г.] [Электронный ресурс] // РИА Новости [сайт]. URL: <http://ria.ru/world/20150308/1051471092.html#ixzz3ToQeinPP> (дата обращения: 08.05.2015 г.)
2. Шаповалов Н.И. Правовая природа органов политической кооперации, их место и роль в системе органов Европейского Союза // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2012. № 3. С. 34–40.
3. Шаповалов Н.И. Правовая система сообщества и ее унификация в Европейском Союзе // Вестник РУДН. Серия: юридические науки. 2012. № 1. С. 132–141.
4. Шаповалов Н. Правовые проблемы политизации ЕС. Saarbrücken: Dictus Publishing, 2013. 272 p.
5. [Briefing] The European year for development: Europe in the world. – Strasbourg (Europ. Parl.): Directorate-General for External Policies & European Parliamentary Research Service, 2015. 4 p.
6. Kommissionschef Juncker fordert eine EU-Armee // Die Welt am Sonntag. 2015. 8 Mart.

РАЗДЕЛ II. КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 342.4:342.1(47+57)

Багдасарян В.Э.

Московский государственный областной университет

КОНСТИТУЦИИ ПОСТСОВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВ С ПОЗИЦИИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА

Аннотация. В статье представлен компаративистский анализ ряда Конституций постсоветских государств (Казахстана, Беларуси, стран Прибалтики). Получает обоснование несuverенный характер данного типа конституций. Историческим контекстом, определяющим их несuverенность, автор оценивает поражение СССР в «холодной войне». Рассматриваются различные правовые механизмы десuverенизации. Другой отличительной чертой постсоветских Конституций автор определяет запрет или ограничение на установление государственной идеологии. При этом фактически ценностное и идейное содержание Конституций определяется идеологией либерализма. Геополитически фиксируются западноцентричные ориентиры в рассматриваемых конституционных текстах. Автор ставит задачу разработки общей для постсоветского пространства конституционной реформы, направленной на реинтеграцию и ресuverенизацию бывших республик СССР.

Ключевые слова: Конституция, суверенитет, постсоветские государства, идеология, либерализм.

V. Bagdasaryan

Moscow State Regional University

CONSTITUTIONS OF POST-SOVIET STATES FROM THE ANGLE OF STATE SOVEREIGNTY PROVISION

Abstract. The article presents a comparative analysis of several constitutions of post-Soviet states (Kazakhstan, Belarus, Baltic countries) and proves their non-sovereign character. The historical context which determines their non-sovereignty is the USSR's defeat in the cold war.

© Багдасарян В.Э., 2015.

Legal mechanisms of de-sovereignty are considered. Another feature of post-Soviet constitutions is a ban and restrictions imposed on state ideology, whereas the values and ideas expressed in them are based on liberalism and western-oriented. The author sets a task

Генезис системы, как известно, определяет в значительной мере ее содержание. Соответственно, и содержание Конституций постсоветских государств определялось условиями их принятия. Существует три основные модели генезиса конституций: 1) национально-освободительная революция; 2) социальная трансформация; 3) поражение в войне. Конституции постсоветских государств были приняты в период с 1992 по 1996 гг. Их принятие явилось финальным аккордом, подводящим итог проигранной СССР «холодной войны». Для войн нового типа, каковой являлась «холодная война», не предполагающих непосредственного ввода вооруженных сил на территорию противника, документы о капитуляции приобретают неклассический формат [12; 13]. Несуверенные Конституции постсоветских государств и были фактически документами, заявляющими о капитуляции побежденной в «холодной войне» стороны [1].

Конституции постсоветских государств принимались в единых сходных условиях. Дискурс конституционной реформы был единый. Он выражался, прежде всего, в рамках двух принципиальных установок. Первая – деидеологизация, запрет на государственную идеологию. Вторая – отказ от суверенного бытия в пользу так называемых «мировых», «общепризнанных» ценностей. Суверенизация в отношении к Москве оказывалась одновременно десуверенизацией в отношении иного

of elaborating a general constitutional reform aimed at re-integration and re-establishment of sovereignty of the former Soviet republics. *Key words:* constitution, sovereignty, post-Soviet states, ideology, liberalism.

геополитического аттрактора. Однако при этом существовала и определенная национальная специфика конституционного строительства. Геополитически поразить мировому проектировщику требовалось, прежде всего, осевое для постсоветского пространства государство – Российскую Федерацию. Это в российской Конституции 1993 года максимально удалось. В отношении других республик план был двойкий. С одной стороны, они, равно как и РФ, поражались в суверенности, но с другой, организовывались как буферный противовес России [2].

Остановимся более детально с точки зрения раскрытия принципов государственной суверенности на Конституциях двух групп постсоветских государств. Первая группа – страны, вошедшие, совместно с Россией, в Евразийский союз (Казахстан и Белоруссия), вторая – страны, принятые в ЕС (Эстония, Латвия, Литва).

Конституция Казахстана

Амбивалентность Конституции Казахстана проявляется уже в ее преамбуле. С одной стороны, заявляется, что государство Казахстан учреждено на «исконно казахской земли» [9]. Но эта исконность, как известно, не очевидна. Семипалатинск, Павлодар, Гурьев (в прошлом – Яик, где жили яицкие казаки исторически, но не казахи), Целиноград, переименованный ныне в Астану, – казахская исконность всех этих земель, по меньшей мере,

не бесспорна. Заявляя о казахской исконности территории, разработчик Конституции Казахстана тем самым, очевидно, предупреждал возможность новой сборки евразийского пространства [4; 5].

Одновременно в преамбуле Конституции Казахстана указывается целевой ориентир – «занять достойное место в мировом сообществе». Интегрируясь в мировое сообщество, Казахстан отстаивал дезинтеграционную линию в отношении прежней евразийской мир-системы. Таких противоречий в Конституции Казахстана довольно много.

В преамбуле говорится, что основанием принятия Конституции является приверженность «идеалам свободы, равенства и согласия» [9]. На первом месте в заявляемой триаде идеалов – «свобода». Насколько в действительности этот идеал соотносится с исторической жизнеустроительной традицией народов Евразии? Действительно, свобода является значимой ценностью. Но есть и более высокие идеалы, в том числе существование самой страны. Эти идеалы в Конституции не заявлены.

По сути, формула преамбулы Конституции Казахстана – «свобода, равенство, согласие» – есть очевидный перифраз знаменитой триады Великой Французской революции. Однако последняя ее составляющая – «братство» – оказалась заменена менее ценностно нагруженным понятием «согласие». В результате такой подмены она из универсальной идеологемы превратилась в идеологему преимущественно либеральную.

Статья 1 провозглашает в качестве высших ценностей государства «человека, его жизнь, права и свободы» [9].

Сходную формулировку высших ценностей дает, как известно, и статья 2 Конституции Российской Федерации [10]. Это общее проявление идеологии либерализма, характерное для всего постсоветского пространства.

Но вместе с тем, в Конституции Казахстана есть то, чего нет в Конституции Российской Федерации. Во второй части статьи 1 в перечне основополагающих принципов деятельности государства указывается, в частности, «казахстанский патриотизм». Дополнение ценностей прав и свобод принципом патриотизма меняет либеральный ракурс казахстанской Конституции.

Статья 4 Конституции Казахстана, как и России, устанавливает приоритет международных договоров перед национальным законодательством. Это, безусловно, поражает государственную суверенность. Но в казахстанской Конституции, в отличие от российской (статья 15), отсутствует положение о включенности в правовую систему «общепризнанных принципов и норм международного права». Среди других ограничителей взаимоотношений с внешним миром отмечается взятое на себя Казахстаном обязательство не применять первым вооруженной силы.

Несмотря на отсутствие в Конституции Казахстана категории «общепризнанных принципов и норм международного права», в ней, однако, используется категория «общечеловеческих прав» (статья 22) [9]. Само по себе использование этой дефиниции отражает состояние когнитивной зависимости в отношении к мировому центру.

Одной из наиболее одиозных статей российской Конституции является,

как известно, статья 13, запрещающая установление государственной идеологии в России. В Казахстане прямого конституционного запрета на государственную идеологию не существует. Статья 5 казахстанской Конституции устанавливает, что вмешательство государства в дела общественных объединений незаконно, равно как и возложение на них функций государственных органов. Подразумевался, очевидно, опыт советского партийно-государственного строительства. Это определенно ограничивает возможности государственного идеологического строительства, но не в той мере, как в России. К таким же препятствиям для государственного идеологического строительства относится запрет цензуры (статья 20) [9].

Ограничения государственного идеологического строительства сбалансированы в Конституции Казахстана ограничениями на идеологическую деятельность со стороны внешних акторов. Пункт 4 статьи 5 Конституции Казахстана устанавливает запрет на «финансирование политических партий и профессиональных союзов иностранными юридическими лицами и гражданами, иностранными государствами и международными организациями». Пункт 5 указанной статьи вводит ограничение на свободу «деятельности иностранных религиозных объединений». Руководители иностранными религиозными центрами в Казахстане могут назначаться только по согласованию с соответствующими государственными органами республики [9]. Сам факт введения в Конституции маркера «иностранное религиозное объединение», противопоставляемые национальным рели-

гиозным объединениям, отличает Казахстан в плане отстаивания государственной суверенности от неразличающей их Конституции Российской Федерации.

Среди других ограничителей взаимоотношений с внешним миром отмечается взятое на себя Казахстаном обязательство не применять первым вооруженной силы (статья 8). При современном развитии вооружения возможность нанесения превентивного удара является, как известно, единственной возможностью обеспечения национальной безопасности. К тому же, применение военной силы может предполагать союзнические обязательства (агрессия, к примеру, против одного из государств Евразийского союза). По действующей Конституции Казахстан, согласно статье 8, оказать вооруженную помощь своим союзникам, если не было непосредственного нападения на казахстанскую территорию, не может [9]. Для сравнения, ни одно из государств – членов ОДКБ соответствующих положений в своих конституциях не имеет.

Несмотря на отсутствие в Конституции Казахстана категории «общепризнанных принципов и норм международного права», в ней, однако, используется категория «общечеловеческих прав» (статья 22) [9]. Само по себе использование этой дефиниции отражает состояние когнитивной зависимости в отношении к мировому центру.

Важно применительно к оценке потенциала обеспечения государственного суверенитета проследить различие случаев использования определений субъектности права – «гражданин» и «каждый». Слово «каждый»

подразумевает, что соответствующее право распространяется не только на граждан, но и на иностранцев. Такое распространение может продуцировать угрозы формирования «пятой колонны», а потому должно быть оценено на предмет непротиворечивости в отношении государственного суверенитета. Вызывает сомнение, в частности, применение субъектности «каждый» в двух случаях Конституции Казахстана. Статья 20 фактически дает право иностранцам свободного распространения любой информации на территории Республики, т. е., по сути, ведения пропаганды. Статья 26 предоставляет иностранцам свободу ведения в Казахстане любой предпринимательской деятельности [9].

Либеральный характер Конституции Казахстана проявляется и в приводимом в статье 42 тексте клятвы вступающего в должность Президента Республики. Им в инаугурационной речи гарантируется только соблюдение прав и свобод граждан [9]. О том, что президент должен осуществлять политику по обеспечению государственного суверенитета и национальной безопасности страны, не говорится ни слова.

Так же, как и Россия, Казахстан обладает в подушевом эквиваленте мощной природно-сырьевой базой. Но подходы в отношении распоряжения сырьевыми ресурсами у членов Евразийского союза различны. Если российская Конституция допускает частную собственность на земельные недра, то казахстанская – только государственную. Подход Конституции Казахстана к вопросу о соотношении государственной и частной собственности излагается следующим образом:

«Земля и ее недра, воды, растительный и животный мир, другие природные ресурсы находятся в государственной собственности. Земля может находиться также в частной собственности на основаниях, условиях и в пределах, установленных законом» (статья 6) [9]. Сравним со статьей 9 Конституции России: «Земля и другие природные ресурсы могут находиться в частной, государственной, муниципальной и иных формах собственности» [10].

Статья 34 Конституции РФ запрещает любую деятельность, направленную на монополизацию. Конституция Казахстана формулирует свое отношение к монополии иначе. Предписаний о запрете деятельности, направленной на монополизацию, нет, но есть положение статьи о том, что «монополистическая деятельность регулируется и ограничивается законом» (статья 26). Это подразумевает легитимизацию существования монополий в Казахстане. Перспектива рыночных отношений в казахстанской Конституции выражена не столь радикально, как в российской конституционной версии.

Различаются также подходы российской и казахстанской Конституций к возможности обладания гражданами вторым иностранным гражданством. Статья 62 Конституции РФ такую возможность предоставляет. Конституция же Казахстана (статья 10) допускает только единственное казахстанское гражданство [9].

Конституция Республики Беларусь

Несмотря на сложившееся представление о Беларуси как государстве, наиболее последовательно из всех постсоветских республик противостоящем западному миропорядку, ее

принятая в 1994 году Конституция не-суверенна [15]. Внесенные в нее на референдумах 1996 и 2004 годов поправки, укрепившие президентскую власть, как фактор обеспечения суверенитета в республике, другие десоверенизационные положения не исправили. Отмена их находится, таким образом, в актуальной повестке конституционной реформы.

Амбивалентность Конституции Республики Беларусь, так же, как и Конституции Казахстана, обнаруживается уже в тексте преамбулы. С одной стороны, заявляется, что право на самоопределение опирается «на многовековую историю белорусской государственности» [8]. Исторические апелляции в данном случае еще более сомнительны, чем это проявлено в преамбуле казахстанской конституции. Никакой многовековой истории белорусской государственности не существует. Белоруссия исторически входила в состав других государств – литовского, польского, российского. Апелляция к многовековой истории потребовалась, очевидно, в условиях принятия Конституции в 1994 году для разрушения интеграционной версии русско-белорусского государственно-го единства.

Так же, как и в казахстанском случае, другой стороной преамбулы Конституции Беларусь является декларирование устремленности вхождения в западноцентричную мир-систему. Заявляется, что Республика Беларусь осознает себя «полноправным субъектом мирового сообщества» и подтверждает «свою приверженность общечеловеческим ценностям» [8]. Общечеловеческие ценности, как следует из дальнейшей развертки статей бе-

лорусской Конституции, – это именно ценности современной глобализируемой западной цивилизации.

Целевой ориентир государства формулируется в преамбуле Конституции как стремление «утвердить права и свободы каждого гражданина». Других целевых ценностных ориентиров не провозглашается. Это означает, что их либо нет, либо они вторичны по отношению к правам и свободам.

Как в российской и казахстанской Конституциях, высшей ценностью в Конституции Республики Беларусь заявляется «человек, его права и свободы» (статья 2). Одновременно это «цель государства и общества» [8]. Либеральное идеологическое основание конституционного строительства здесь налицо.

Беларусь не имеет, подобно России, запрета на установление государственной идеологии. Запрещается, вместе с тем, установление обязательной для граждан идеологии (статья 4) [8]. Ограничение на реализацию государственной идеологической политики, таким образом, существует, но не имеет столь же жесткой запретительной формулировки, как в России.

В качестве проявления демократии в статье 4 указывается «многообразие политических институтов, идеологий и мнений» [8]. По сути, под наименованием демократии транслируется система либерального устройства. О том, что демократия есть власть большинства (буквально – народовластие), не говорится ни слова. Многообразие идеологий означает также фактический запрет на артикуляцию национально значимого, цивилизационно идентичного для Беларуси перечня ценностей.

Откровенно десоверенизационный характер имеет исходное положение статьи 8 Конституции Беларусь. Оно формулируется следующим образом: «Республика Беларусь признает приоритет общепризнанных принципов международного права и обеспечивает соответствие им законодательства» [8]. Заявляется, во-первых, что существуют некие «общепризнанные принципы международного права». В белорусской версии, в отличие от российской, говорится только о принципах, но не о нормах. Во-вторых, утверждается их приоритет по отношению к национальному законодательству. В-третьих, провозглашается требование выстраивания законодательства Республики Беларусь в соответствии с международным правом.

В той же статье для Республики Беларусь предусматривается возможность вхождения в «межгосударственные образования». Используется не понятие «межгосударственное объединение», а именно «межгосударственное образование», предполагающее более высокую степень политической консолидированности. Через право вхождения в межгосударственные образования прописан фактически механизм государственной десоверенизации.

Белоруссия декларирует в качестве целевого ориентира во внешней политике государственный нейтралитет (статья 18) [8]. Это определенным образом сдерживает перспективы военного союза с Россией.

К препятствиям для государственного идеологического строительства относится устанавливаемый статьей 33 запрет цензуры. Такая запретительная мера установлена (и это не случайно) и

в других постсоветских конституциях. Запрет государственной цензуры лишает государство важнейшего инструмента в обеспечении информационной суверенности. Цензурирование СМИ и интернета существует во многих странах мира, имея соответствующее законодательное закрепление. Данный запрет в постсоветских государствах блокирует возможности осуществления государственной информационной и культурной политики. К таким же препятствиям может быть отнесено и другое положение статьи 33 о запрете монополизации государством средств массовой информации [8].

Апелляция белорусской Конституции к внешнему миру проявляется еще раз в декларации права «обращаться в международные организации с целью защиты своих прав и свобод, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты» (статья 61) [8]. Предполагается, таким образом, что решение международных организаций – более авторитетно, чем национальных.

В диссонансе с российской Конституцией, так же, как и в случае с Казахстаном, находится позиция белорусской Конституции о праве собственности на природные ресурсы. В собственности государства находятся не только недра, воды, леса, но и земли сельскохозяйственного назначения. Статья 13 дает все основания говорить о белорусской экономике как по преимуществу социалистической системе хозяйствования: «Собственность может быть государственной и частной. Государство предоставляет всем равные права для осуществления хозяйственной и иной деятельности, кроме запрещенной законом, и гарантирует

равную защиту и равные условия для развития всех форм собственности. Государство способствует развитию кооперации. Государство гарантирует всем равные возможности свободного использования способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности. Государство осуществляет регулирование экономической деятельности в интересах человека и общества, обеспечивает направление и координацию государственной и частной экономической деятельности в социальных целях. Недра, воды, леса составляют исключительную собственность государства. Земли сельскохозяйственного назначения находятся в собственности государства. Законом могут быть определены и другие объекты, которые находятся только в собственности государства, либо установлен особый порядок перехода их в частную собственность, а также закреплено исключительное право государства на осуществление отдельных видов деятельности. Государство гарантирует трудящимся право принимать участие в управлении предприятиями, организациями и учреждениями с целью повышения эффективности их работы и улучшения социально-экономического уровня жизни» [8]. Диссонанс с российской экономической моделью создает достаточно глубокие проблемы в рамках евразийской интеграции.

И Казахстан, и Беларусь, в отличие от России, дифференцированно рассматривают религиозные организации в зависимости от продуцируемых ими угроз в отношении государственного суверенитета. Согласно статье 16 Конституции Республики Беларусь,

разграничиваются религиозные организации по их «влиянию на формирование духовных, культурных и государственных традиций белорусского народа» (статья 16) [8]. Устанавливается прямой запрет на «деятельность религиозных организаций, их органов и представителей, которая направлена против суверенитета Республики Беларусь».

Конституции прибалтийских государств

При распаде СССР антисоветская риторика была, как известно, наиболее жестко выражена в республиках Прибалтики. Антисоветизм по настоящий день – важнейшая идеологическая компонента прибалтийских государств. Однако суверенизация в отношении Москвы оказалась сопряжена с десуверенизацией в отношении Запада. Реального суверенитета у Эстонской Республики, Латвийской Республики и Литовской Республики оказалось меньше чем, соответственно, у Эстонской ССР, Латвийской ССР и Литовской ССР. Советского Союза уже не существует, и поэтому декларация ими антисоветизма оказывается не позицией отстаивания суверенитета, а, наоборот, вывешиванием флага десуверенизации в отношении к Западу, заявлением об отказе от западных ценностей [14; 16].

В преамбуле Конституции Эстонской Республики указываются три исторические даты, как вехи государственообразования Эстонии. Первая дата – 1918 год – обретение независимости от России, вторая – 1938 год – преддверие включения в СССР, третья – 1992 год – конституционная легитимизация постсоветского эстонского государ-

ства [11]. Очевидно, что главной темой самоопределения в этой версии оказывается противопоставление Эстонии России.

Конституции прибалтийских государств структурно и стилистически различаются между собой. Особенно сильные отличия имеет Конституция Латвии. После восстановления суверенитета латвийского государства, в Латвии было восстановлено действие Конституции 1922 года. Написанный в иных исторических реалиях конституционный документ, несмотря на внесенные в него изменения, плохо адаптирован под современные вызовы. Из всех постсоветских Конституций, Конституция Латвии – преимущественно юридизированный, но не жизнеустроительный документ [6].

Идеологический пафос задает принятая только в 2014 году преамбула Конституции Латвии. Одна сторона этой идеологии – декларация европейскости Латвии. Используется формулировка «идентичность Латвии в европейском культурном пространстве» [6]. «Европейское культурное пространство» – это тот устанавливаемый разработчиком автором преамбулы цивилизационный коридор, который ограничивает суверенитет Латвии. Еще раз новая латвийская идентичность подчеркивается следующей формулировкой: «... осознавая себя как полноценную часть международного сообщества» [6]. Под *международным сообществом*, как следует из всего контента преамбулы, понимается геополитически доминирующий круг западных государств. Из такого позиционирования следует провозглашаемый целевой ориентир Латвии – «долгосрочность и демократическое

развитие Европы и мира» [6]. Европа ставится на первое место по отношению к миру, что еще раз акцентирует европейскую самоидентификацию. Демократическое же развитие в смысле рецептуры развития для мира в целом при унифицированном прозападном понимании сути демократии означает фактически поддержку глобальной политики Запада.

Вторая идеологическая сторона преамбулы Конституции Латвии – утверждаемая модель этнократии. Преамбула Конституции говорит не о латвийской, а именно о латышской нации, ее «непреклонной государственной воле» [6]. Латышский язык называется в качестве первоосновы сплоченности латышского общества. Западноцентризм в сочетании с этнократией определяет специфическую идейную смесь, предрасполагающую к реанимации нацизма.

В этнической версии говорит о Литовском государстве и преамбула Конституции Литвы. Субъектом создания Литвы провозглашается литовский народ, сохранивший «родной язык, письменность и обычаи», без какого-либо указания на многоэтничность современного общества [7].

И эстонская, и литовская Конституции содержат апелляцию к «общепризнанным принципам и нормам международного права» – главному конституционному индикатору несуверенности. Статья 3 Конституции Эстонии фиксирует включенность общепризнанных принципов и норм в правовую систему эстонского государства. Статья 123 эстонской Конституции отдает приоритет международным договорам перед законами Эстонии в случае их противоречия друг другу [11].

В Конституции Литвы категория общепризнанных принципов и норм международного права используется как ценностно-целевая основа осуществления внешней политики (статья 135). Заявляется, что современное Литовское государство «принимает участие в создании международного порядка, основанного на праве и справедливости». Что это за международный порядок, в построении которого принимает участие современная Литва? Очевидно, что речь идет о западноцентричной системе глобального миростроительства.

Специально оговаривается в Конституциях прибалтийских государств право иностранцев на ведение экономической деятельности, приобретение собственности. Очевидна ставка современной Прибалтики на привлечение иностранного капитала, пусть и в ущерб государственной суверенности.

Конституции прибалтийских государств в целом отличаются особой либеральностью в отношении деятельности иностранных резидентов. Специально оговаривается, что иностранцы обладают теми же свободами и правами, что и граждане соответствующего прибалтийского государства. При этом не указывается на возможные ограничения в реализации этих прав и свобод. Статья 9 Конституции Эстонии констатирует: «Права, свободы и обязанности всех и каждого, перечисленные в Основном Законе, распространяются в равной степени как на граждан Эстонии, так и на пребывающих в Эстонии граждан иностранных государств и лиц без гражданства» [11].

Статьей 30 эстонской Конституции предусматривается возможность за-

нятия должностей в государственном управлении и местном самоуправлении [11]. То, что в Конституции акцентированно оговаривается этот вопрос, означает предоставление «зеленого света» для десуверенизации системы государственного управления Эстонии. Потенциально может сложиться такая ситуация, что ключевые управленческие механизмы государства могут оказаться в руках неграждан Эстонии.

Неакцентированно возможность иностранцев оказывать влияние на государственную политику прибалтийских государств проявляется также в замене в части прав идентификатора «гражданин» на идентификатор «каждый». Так, статья 102 Конституции Латвии предоставляет каждому право вступать в политические партии, а статья 105 – каждому обладать собственностью [6]. Никаких ограничений для иностранцев в этих правах из латвийской Конституции не следует. Конституция Литвы использует на этот случай вместо «гражданин» понятие «человек», что также снимает связь предоставляемых прав с национальной гражданской принадлежностью. Формула статьи 25 «Человеку не должны чиниться препятствия в поиске, получении и распространении информации и идей» подразумевает, что правом на информационную пропаганду в Литве обладают не только литовские граждане, но и иностранцы, т. е. любой человек [7]. Тот же подход реализуется в статье 26, предоставляющей любому человеку право ведения религиозной пропаганды.

Статья 44 Конституции Эстонии предоставляет иностранцам право запрашивать и получать интересующую их информацию у государственных

органов и органов местного самоуправления, если законом не установлено иное. Обязанность государственных и муниципальных органов предоставлять информацию по соответствующим запросам иностранцев – прямое указание на несuverенность государства. Запрет на цензуру в Конституциях прибалтийских государств фактически блокирует возможности суверенной информационной политики (ст. 45 Конституции Эстонии, ст. 99 Конституции Латвии, ст. 44 Конституции Литвы). Конституция Литвы усиливает запрет на установление цензуры еще и установлением запрета на монополизацию государством средств массовой информации.

Статья 10 Конституции Литвы, утверждая единство и неделимость территории республики на какие-либо государственные образования, допускает принципиальную возможность изменения государственных границ (как расширения, так и сокращения территорий) при наличии соответствующих международных договоров [7]. Международные договора Литвы оказываются в правовом отношении выше принципа территориальной суверенности государства. Такую же возможность изменения границ предоставляет и статья 122 Конституции Эстонии [11].

Декларация о приверженности либерализму для прибалтийских государств являлась предъявляемым на уровне Конституций основанием пропуска в Европу. Прибалтийские Конституции в результате оказались либеральнее Конституций западноевропейских государств. Пример такого рода дает статья 46 литовской Конституции, открывающей описание

характера экономической системы следующим положением: «Хозяйство Литвы основывается на праве частной собственности, на личной свободе хозяйственной деятельности и личной инициативе» [7].

Однако существуют некоторые положения, делающие прибалтийские государства более суверенными, в сравнении с конституционным обликом Российской Федерации. Если российская конституция заявляет о независимости Центрального Банка от государства, то конституции Эстонии и Литвы – о его ответственности перед государственными органами.

Составной частью Конституции Литвы являются два исторических документа – Конституционный акт Литовской Республики о неприсоединении Литовской республики к постсоветским восточным союзам и Конституционный акт о членстве Литовской республики в Европейском союзе. Никакой равноудаленности от внешних сил нет. Указанные документы ярко иллюстрируют сделанный Литвой геополитический выбор. В отношении Востока декларируется невозможность какого-либо сближения в будущем: «1. Развивать взаимовыгодные связи с каждым государством, ранее находившимся в составе СССР, однако никогда и ни под каким видом не присоединяться к любым вновь создаваемым на основе бывшего СССР политическим, военным, экономическим или иным союзам либо содружествам государств. 2. Деятельность, целью которой является вовлечение Литовского государства в указанные в статье первой настоящего Конституционного акта союзы или содружества государств, считается враждебной в

отношении независимости Литвы, и ответственность за нее устанавливается в соответствии с законами. 3. На территории Литовской Республики не может быть никаких военных баз и воинских частей России, Содружества Независимых Государств или входящих в него государств». Проходит двенадцать лет, и позиция Литвы в отношении перспектив интеграции с Западом формулируется совершенно иначе. Приводилась следующая система доводов в отношении евроинтеграции: «выражая убежденность в том, что Европейский Союз уважает права и основные свободы человека, а членство Литвы в Европейском Союзе будет способствовать более эффективному обеспечению прав и свобод человека, подчеркивая тот факт, что Европейский Союз с уважением относится к национальной идентичности и конституционным традициям своих государств-членов, стремясь к обеспечению полноправного участия Литовской Республики в европейской интеграции, а также обеспечению безопасности Литовской Республики и благосостояния ее граждан» [7].

О перспективе Конституции Евразийского союза

Конституции стран Евразийского союза имеют определенные различия. Эти различия при постановке вопроса о дальнейшей интеграции могут стать основанием конституционной реформы и, в частности, легальным предложением необходимости ревизии Конституции РФ.

Возможно вести речь и о двух уровнях Конституции. Первый – национальные Конституции, второй – Евразийская Конституция. Евразий-

ская Конституция может блокировать действие ряда десоверенизационных положений постсоветских Конституций национальных государств. Двухуровневая модель была, как известно, предложена ранее для Европы. Наряду с национальными Конституциями, предполагалось введение Конституции Европейского союза. Текст ее был разработан и представлен на утверждение. Проект не был реализован ввиду срыва в ратификации в ряде европейских стран [3]. Но то, что он не состоялся в Европе, не означает запрет на использование данного опыта в собственных целях.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Багдасарян В.Э. Сравнительный конституционный анализ. Конституция РФ как конституция побежденного государства // Либеральная конституция России 1993 года: проблема смены. Материалы научно-экспертной сессии. Москва, 6 декабря 2013 года. М.: Наука и политика, 2014. С. 14-43.
2. Блищенко В.И., Солнцева М.М. Кризисы и конфликты на постсоветском пространстве. М.: Аспект-пресс, 2014. 304 с.
3. Введение в право Европейского Союза: учеб. пособие для вузов / Под ред. Кашкина С.Ю. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Эксмо, 2010. 384 с.
4. Дубовиков А.М. Уральское казачество в пореформенный период. 1861-1904 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2000. 515 с.
5. Изюмов А.И. Уральская казачья община // Вопросы истории. 1998. №3. С. 129-134.
6. Конституция Латвийской Республики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.satv.tiesa.gov.lv/?lang=3&mid=8> (дата обращения: 24.06.2015).
7. Конституция Литовской Республики [Электронный ресурс]. URL:

- http://www3.lrs.lt/home/Konstitucija/Konstitucija_RU.htm (дата обращения: 24.06.2015).
8. Конституция Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=6351> (дата обращения: 24.06.2015).
 9. Конституция Республики Казахстан [Электронный ресурс]. URL: <http://www.akorda.kz/ru/category/konstituciya> (дата обращения: 24.06.2015).
 10. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.constitution.ru/> (дата обращения: 24.06.2015).
 11. Конституция Эстонской Республики [Электронный ресурс]. URL: http://www.concourt.am/armenian/legal_resources/world_constitutions/constit/estonia/estoni-r.htm (дата обращения: 24.06.2015).
 12. Мяло К.Г. Россия и последние войны XX века (1989—2000). К истории падения сверхдержавы. М.: Вече, 2002. 480 с.
 13. Панарин И. Первая мировая информационная война. Развал СССР. СПб.: Питер, 2010. 256 с.
 14. Симонян Р.Х. Россия и страны Балтии. М.: Академия, 2003. 456 с.
 15. Федута А. Лукашенко. Политическая биография. М.: Референдум, 2005. 704 с.
 16. Фреден Л. Тени прошлого над Россией и Балтией // Россия в глобальной политике. 2005. № 3. С. 122-130.

УДК 32.324

Валеев Х.А.*Центральная избирательная комиссия Республики Башкортостан, г. Уфа*

КОММУНИКАЦИОННАЯ ОТКРЫТОСТЬ КАК ФАКТОР ОПТИМИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ

Аннотация. В статье рассматривается деятельность Центральной избирательной комиссии Республики Башкортостан и применяемые в ее практике коммуникационные ресурсы в целях информационного обеспечения выборов. Проведен анализ актуальных проблем развития информационного общества в условиях изменений в общественно-политической сфере современного российского государства. Автор обобщен опыт взаимодействия со средствами массовой информации Центральной избирательной комиссии Республики Башкортостан в ходе досрочных выборов Президента Республики Башкортостан 14 сентября 2014 г. Выявлены факторы повышения эффективности использования коммуникационных ресурсов в политико-правовом процессе выборов.

Ключевые слова: коммуникационные ресурсы, избирательная кампания, средства массовой информации, Башкортостан.

Kh. Valeyev*Central Election Commission of the Republic of Bashkortostan*

COMMUNICATION OPENNESS AS A FACTOR OF OPTIMIZING STATE AUTHORITIES ACTIVITY

Abstract. This article describes the activities of the Central election commission of the Republic of Bashkortostan and communication resources it applied in order to provide information support for elections. The current problems connected with Russian information society development under the conditions of socio-political changes are considered. The author generalizes the experience of interaction between the Central election commission of the Republic of Bashkortostan and mass media during the preterm President of the Republic of Bashkortostan election on September, 14, 2014. Some factors have been revealed to raise the efficiency of using communication resources in election process.

Key words: communication resources, election campaign, mass media, Bashkortostan.

В современной жизни информация как никогда оказывается инструментом власти. Развитие технологий меняет свойства информационного пространства власти. Использование коммуникационных ресурсов позво-

ляет создать оптимальные условия для удовлетворения информационных потребностей и реализации прав граждан, органов государственной власти, общественных организаций. Это в свою очередь повышает уровень политической культуры общества и

способствует развитию демократии, поскольку расширяется сфера механизмов, с помощью которых граждане могут реально выразить свои интересы, потребности, убеждения, взгляды и тем самым влиять на процесс принятия политических решений. Господство информационных технологий способно решительно изменить всю общественную жизнь, однако направленность этих изменений до сих пор остается неочевидной и дискуссионной. Более того, в самих дискуссиях на эту тему косвенно проявляется борьба за власть в современном обществе, поскольку власть в информационном обществе в решающей степени определяется способностью порождать, манипулировать и интерпретировать смысловые значения.

Коммуникация и власть – взаимосвязанные, но концептуально самостоятельные феномены. Необходимо отметить, что в существующих парадигмах имеет место стремление установить иерархию между этими понятиями. Первая из них выражена в научных взглядах Карла Дойча (1912–1992), основоположника коммуникативно-кибернетической парадигмы в политологии. К. Дойч отмечал, что коммуникация – это техническая составляющая политической власти [1, с. 24–28]. По его мнению, если информационный обмен в государстве происходит быстро, с минимальными потерями и искажениями, то политическая система данного государства эффективна. В случае если информационные каналы обладают плохой пропускной способностью, то политическая система нуждается в реформировании. Другая парадигма предполагает, что коммуникация определяет

специфику всех общественных структур, в том числе и властных. Согласимся с мнением современного исследователя А.И. Соловьева, который считает, что до XX века коммуникация была только технической составляющей власти, но лишь с появлением и усилением роли средств массовой коммуникации ее значение возрастает [2, с. 116–123]. Несмотря на значительное количество научных исследований, посвященных проблемам функционирования политической коммуникации, характеристике отдельных видов политико-коммуникативных технологий, таких как информирование или связи с общественностью («публик рилейшнз»), требуется уточнение целого ряда аспектов, связанных с интерпретацией сущности политико-коммуникационных технологий и определением их роли в деятельности органов государственной власти.

Федеральный закон (2002 г.) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» содержит понятие «информационное обеспечение выборов». Емкое и многогранное, данное понятие включает в себя не только виды распространения информации о выборах в период избирательной кампании и является одной из гарантий (механизмом реализации) избирательных прав граждан Российской Федерации, но и предполагает реализацию политическими акторами своих намерений и действий в период политической борьбы. На наш взгляд, информационное обеспечение избирательного процесса – это ограниченная временными рамками системная информационно-агитационная деятельность

участников избирательного процесса, предполагающая регулирование отношений, складывающихся в сфере сбора, обработки, производства и распространения специальной информации, касающейся выборов, их гласности и прозрачности, реализации интересов и прав граждан, и побуждающих их к осознанному волеизъявлению.

Нормативно-правовой акт регламентирует два вида специфической информации: информирование избирателей и предвыборную агитацию. При этом информирование избирателей (всех участников избирательной кампании) должно отвечать принципам достоверности, объективности и беспристрастности, т. е. равного подхода ко всем кандидатам, политическим партиям, избирательным блокам. К предвыборной агитации федеральное законодательство не предъявляет перечисленных требований. Средства массовой информации (СМИ) не являются субъектами агитационной деятельности, а лишь предоставляют эфирное время и печатную площадь для размещения агитационных материалов или проведения совместных агитационных мероприятий.

В условиях глобализации политического пространства использование компьютерной коммуникации привело к кардинальной модернизации государственного управления. В условиях развития информационного общества, изменений в общественно-политической сфере все актуальнее становится перспектива «электронной демократии». Распространение получили веб-сайты органов государственной власти, веб-страницы политических партий и общественно-политических

организаций. Однако, необходимо отметить, что на современном этапе официальные веб-сайты некоторых политических акторов практически не учитывают потенциал коммуникативных технологий в социально-политическом устройстве общества. В силу этого в условиях трансформирующегося информационного общества Интернет-представительство органов государственной власти как способ информационного взаимодействия государства и общества является наиболее оптимальным при модернизации государственного управления в области развития институтов прямой демократии.

Интернет в современных условиях используется в качестве социального конструктора виртуальных сообществ, который становится реальным, а также универсальным инструментом социально-политического проектирования. Целью создания официального сайта органа государственной власти является обеспечение всех видов политической коммуникации максимально эффективными способами, что требует использования комплекса коммуникативных средств для информирования населения о стратегии их действий. Целесообразность введения официальных веб-сайтов подтверждается реализацией бесперебойной обратной связи.

При взаимодействии органов власти с общественностью личные контакты и информирование через документооборот, которые занимают определенное время, замещаются Интернет-коммуникативными средствами с их ключевыми характеристиками: интерактивностью, глобальностью, открытостью. Официальный

Интернет-сайт Центральной избирательной комиссии Республики Башкортостан (ЦИК РБ) выступает в качестве основного коммуникационного ресурса для сетевой организации деятельности государственного органа, равно как и эффективного управления избирательным процессом, поскольку обеспечивает доступ участников избирательного процесса (политических акторов) к информационным ресурсам.

Особую значимость в рассматриваемом нами контексте приобретает вопрос регулирования СМИ и воздействия последних на общественное мнение. Если исходить из того, что использование информации напрямую связано с проблемой управления, то средства массовой информации, рассчитанной на массовое потребление, можно рассматривать как особую социально-информационную систему, выполняющую функции ориентации. Отмечая глобальные изменения в современном информационном обществе, связанные с непрерывно развивающимися возможностями массовой коммуникации, необходимо иметь в виду, что эти изменения влияют не только на условия жизни, но, прежде всего, на способ мышления и систему восприятия современного человека. СМИ представляют собой модус, который обнаруживает свое воздействие во всех сферах жизни [3, с. 23; 4, с. 100–115]. В период избирательных кампаний ЦИК РБ, понимая всю значимость ресурса СМИ, тесно взаимодействует с ними и участниками общественно-политического процесса. В основу взаимодействия заложены следующие принципы: объективное освещение избирательных кампаний; достовер-

ность распространяемой информации; соблюдение равенства прав кандидатов и избирательных объединений; свобода деятельности организаций, осуществляющих выпуск СМИ.

Средства массовой информации стали надежным каналом информирования избирателей, способом гражданского контроля, обеспечения гласности и прозрачности избирательного процесса, средством предвыборной агитации. Практической основой исполнения плана по информационному сопровождению выборов стало взаимодействие ЦИК РБ с редакциями и журналистами. СМИ своевременно извещаются обо всех значимых событиях избирательной кампании, получают соответствующие пресс-релизы, интересующие их материалы. Центральная избирательная комиссия Республики Башкортостан имеет большой опыт взаимодействия со средствами массовой информации. Так, в период подготовки и проведения досрочных выборов Президента Республики Башкортостан информационно-разъяснительная работа ЦИК РБ проводилась в соответствии с планом совместных действий с Агентством по печати и средствам массовой информации Республики Башкортостан по информационному обеспечению досрочных выборов Президента Республики Башкортостан 14 сентября 2014 г.

План включал 33 крупных мероприятия информационного характера. По ходу избирательной кампании проводились дополнительные мероприятия по информированию избирателей с участием государственных СМИ. В соответствии с планом на сайте ЦИК РБ с начала избирательной кампании

было размещено более 350 информационных сообщений. На сайте ЦИК РФ постоянно публиковались сообщения из Башкортостана. По предложению ЦИК РБ на сайте информационного агентства «Башинформ» создан раздел «Выборы-2014». На основе материалов, предоставляемых Центризбиркомом, в этом разделе размещено 134 сообщения об избирательных кампаниях 2014 г.

На сайтах республиканских печатных изданий, включая молодежные СМИ, было размещено свыше 70 новостей о событиях избирательной кампании. По инициативе ЦИК РБ были подготовлены три информационных видеоролика о голосовании 14 сентября – «Порядок голосования», обращенный ко всем избирателям, «Голосование инвалидов», «Голосование молодых избирателей», которые демонстрировались на телеканале БСТ и муниципальном телеканале «Вся Уфа» в период с 28 августа по 14 сентября 2014 г. Информационно-разъяснительная работа проводилась ЦИК РБ совместно с республиканскими телерадиоканалами, филиалами всероссийских телерадиокомпаний, районными и городскими газетами, а также студиями муниципального телевидения и радио. В печатных СМИ публиковались интервью членов ЦИК РБ, председателей территориальных избирательных комиссий, информационно-аналитические материалы и статьи. В день голосования 14 сентября 2014 г. были проведены пресс-конференции и брифинги, также была организована работа информационного центра «Выборы-2014» с аккредитацией журналистов российских и республиканских СМИ.

Освещая избирательную кампанию, редакции строили свою работу в соответствии с Календарным планом ЦИК РБ (республиканские издания) и территориальных избирательных комиссий (местные издания). Именно через СМИ избирательные комиссии на местах доводили информацию о своей деятельности и ходе избирательной кампании до большинства избирателей, стимулируя электоральную активность граждан, формируя общественное мнение. Активно были задействованы как территориальные комиссии, так и местные печатные издания по информационному сопровождению выборов. Так, за период с июля по август 2014 г. во всех городских, объединенных и районных изданиях были опубликованы интервью председателя ЦИК РБ и его заместителя, председателей ТИК, проведены «прямые линии» председателей ТИК с участием представителей СМИ. Организаторы выборов на местах активно выходили в теле-радиоэфир с целью проинформировать население о предстоящем событии.

Всего с начала избирательной кампании на страницах республиканских газет опубликовано свыше 160 материалов на выборную тематику, в городских, районных и объединенных изданиях – свыше 2,5 тыс. публикаций, связанных с выборами Президента республики, депутата республиканского парламента и депутатов органов местного самоуправления. Взаимодействие ЦИК РБ со СМИ носит конструктивный и творческий характер, что позволяет максимально емко и доступно довести до избирателей полную и объективную информацию. Таким образом, в сравнении с преды-

дущими избирательными кампаниями в результате большей открытости и доступности ЦИК РБ и избирательных комиссий на местах, большей информированности журналистов об их деятельности, использования целого комплекса коммуникационных ресурсов с применением аудиовизуальных, текстовых форм информирования населения облегчило распространение официальной информации и отчетности, что в свою очередь способствовало увеличению количества активных участников в осуществлении государственного управления.

В качестве факторов повышения эффективности использования коммуникационных ресурсов в таком политико-правовом процессе, как выборы, можно выделить, во-первых, информацию, предоставляемую гражданам и другим участникам избирательного процесса, которая должна быть наиболее полной и объективной, во-вторых, источники информации,

которые должны быть достоверным для получателя, в-третьих, работу с населением, которая должна строиться на учете обратной связи, предполагающей хорошее знание своей аудитории. В-четвертых, максимально должны использоваться информационные технологии и медиа-пространство для широкого информирования населения о деятельности государственных органов.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Дойч К. Нервы управления: модель политической коммуникации. М.: Наука, 1993. 124 с.
2. Соловьев А.И. Политология: политическая теория, политические технологии. М.: Аспект Пресс, 2003. 559 с.
3. Урсул А.Д. Информация и мышление. М.: Знание, 1970. 50 с.
4. Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: учеб. пособие / отв. ред. М.Н. Володина. М.: МГУ, 2003. 460 с.

УДК 342.846

Верзилина И.Г.*Избирательная комиссия Кировской области, г. Киров*

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ПРАВОВОГО СТАТУСА ЧЛЕНОВ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КОМИССИИ С ПРАВОМ СОВЕЩАТЕЛЬНОГО ГОЛОСА

Аннотация. В демократическом государстве на выборах, проходящих открыто и гласно, фактор увеличения количества членов избирательных комиссий с правом совещательного голоса, наблюдателей и других контролеров за организацией избирательного процесса, должен приветствоваться. Правоприменительная практика при организации и проведении выборов в последние годы выявила ряд пробелов в избирательном законодательстве, свидетельствующих о недостаточном урегулировании правового статуса членов избирательных комиссий с правом совещательного голоса. В статье обосновывается необходимость устранения этих пробелов, поскольку они порождают возможность злоупотребления своими правами некоторыми недобросовестных субъектов избирательных правоотношений. На этой основе автор предлагает внести дополнительные поправки в закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации».

Ключевые слова: избирательная комиссия, избирательное законодательство, право совещательного голоса, организация избирательного процесса.

I. Verzilina*Election Commission of the Kirov Region*

ON SOME PROBLEMS OF THE LEGAL STATUS OF ELECTION COMMISSIONERS WITH ADVISORY VOTE

Abstract. In a democratic state the factor of increasing the number of election commissioners with advisory vote, observers and other supervisors of elections should be welcomed. But recent practice in election organization has revealed a number of loopholes in the electoral legislation demonstrating the lack of regulation of the legal status of election commissioners with advisory vote. The article proves the necessity to close these loopholes as they give rise to the abuse of rights by some unfair participants of electoral legal relationships. Thus the author proposes to make amendments to the law "On Basic Guarantees of Electoral Rights and the Right of Citizens of the Russian Federation to Participate in a Referendum".

Key words: election commission, electoral legislation, advisory vote, organisation of elections.

С каждой избирательной кампанией и избирательным циклом растет количество членов избирательных комиссий с правом совещательного голо-

са. Число их повысилось за счет резкого увеличения в последние годы зарегистрированных избирательных объединений и их региональных отделений. Казалось бы, в демократическом обще-

© Верзилина И.Г., 2015.

стве на выборах, проходящих открыто и гласно, фактор увеличения количества членов избирательных комиссий с правом совещательного голоса, наблюдателей и других контролеров за организаторами избирательного процесса, должен приветствоваться. Мы полагаем, что, безусловно, должен, но только с соблюдением всеми вышеназванными участниками избирательного процесса одного из основных постулатов демократии – «права должны коррелироваться с ответственностью». Правоприменительная практика при организации и проведении выборов в последние годы выявила ряд пробелов в избирательном законодательстве, свидетельствующих, по нашему мнению, о недостаточной урегулированности правового статуса членов избирательных комиссий с правом совещательного голоса. Актуальность названной проблематики и необходимость корреляции этих пробелов обусловлена тем, что они порождают возможность злоупотребления своими правами некоторых недобросовестных субъектов права.

Институт членов избирательной комиссии с правом совещательного голоса был введен¹ в Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (далее – № 67-ФЗ) «новеллой», по которой «кандидат, избирательное объединение, выдвинувшее список кандидатов, со дня представления в избирательную комиссию документов

¹ Федеральный закон от 21 июля 2005 г. №93-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации о выборах и референдумах и иные законодательные акты Российской Федерации» (действ. ред. от 24.11.2014 г.)

для регистрации кандидата вправе назначить одного члена этой избирательной комиссии с правом совещательного голоса, а в случае регистрации кандидата, списка кандидатов – по одному члену избирательной комиссии с правом совещательного голоса в каждую нижестоящую избирательную комиссию...». В соответствии с п. 22 ст. 29 закона № 67-ФЗ член комиссии с правом совещательного голоса обладает равными правами с членом комиссии с правом решающего голоса по вопросам подготовки и проведения выборов, референдума, за исключением права:

- а) выдавать и подписывать бюллетени, открепительные удостоверения;
- б) участвовать в сортировке, подсчете и погашении бюллетеней;
- в) составлять протокол об итогах голосования, о результатах выборов, референдумов;
- г) участвовать в голосовании при принятии решения по вопросу, отнесенному к компетенции соответствующей комиссии, и подписывать решения комиссии;

д) составлять протоколы об административных правонарушениях.

Анализируя нормативные положения и правоприменительную практику, мы пришли к выводу о правовой неопределенности статуса члена комиссии с правом совещательного голоса. Поддерживая мнение [2] о том, что «воля субъекта избирательного процесса (процесса референдума) в части, касающейся назначения членов комиссии с правом совещательного голоса, имеет правообразующее значение» и, следовательно, члены избирательных комиссий с правом совещательного голоса являются «рупорами полити-

ческих партий как части общества либо представителями кандидатов или инициативной группы», мы не можем полностью согласиться с выводом, что именно в силу этого обстоятельства законодательство Российской Федерации не возлагает на членов Центральной избирательной комиссии (ЦИК) с правом совещательного голоса ряд обязанностей, которые предусмотрены для членов ЦИК с правом решающего голоса. В данном случае имеет место правовая неопределенность в установлении границ ответственности членов избирательных комиссий с правом совещательного голоса и других лиц, осуществляющих общественный контроль на выборах.

Тема осуществления общественно-го контроля на выборах в последнее время все чаще становится предметом исследований в области избирательного права, а также предметом рассмотрения на различных совещаниях, организуемых избирательными комиссиями. Так, рассматривая проблемы общественного контроля, И.Б. Борисов [1], соглашаясь, с тем, что общественный контроль на выборах необходим как обществу, так и государственной власти, приходит к выводу, что при этом контроль не должен подменять собой работу организаторов выборов и не должен превращаться в борьбу за власть, оставаясь бесконтрольным со стороны общества. По мнению И.Б. Борисова, факты недобросовестной работы избирательных комиссий, отдельных членов избиркомов не должны умалчиваться, а должны быть предметом широкого обсуждения, однако если общественному контролю предоставить неограниченные возможности, то можно нарушить

эффективную деятельность государства, что, в конечном счете, подрывает и саму демократию, и такие перекосы едва ли будут способствовать реализации политических прав и свобод.

Можно согласиться с И.Б. Борисовым в том, что в России политический контроль над выборами в настоящее время стал приобретать несколько искаженные формы, что во многом обусловлено, как уже было сказано ранее, пробелами в действующем российском избирательном законодательстве. В частности, действующим законодательством (п. 20 ст. 29 закона № 67-ФЗ) предусмотрен уведомительный порядок назначения членов комиссии с правом совещательного голоса, по существу не требующий принятия какого-либо решения той избирательной комиссией, в которую назначается член комиссии. При этом нижестоящие комиссии часто не располагают достоверной информацией, уведомлялась ли вышестоящая комиссия о таком назначении и наделен ли в действительности гражданин полномочиями члена комиссии с правом совещательного голоса.

В целях предотвращения случаев злоупотребления правом со стороны членов комиссий с правом совещательного голоса в отношении нижестоящих комиссий считаем целесообразным дополнить Федеральный закон № 67-ФЗ нормой, аналогичной п. 23.1 ст. 21 Избирательного кодекса Азербайджанской Республики. В этой связи ст. 29 закона следует дополнить п. 20.1 следующего содержания: «Член комиссии с правом совещательного голоса в течение трех дней со дня поступления в избирательную комиссию письменного уведомления кандидата,

избирательного объединения о назначении члена комиссии с правом совещательного голоса вместе с заявлением гражданина о согласии быть членом комиссии с правом совещательного голоса утверждается соответствующей избирательной комиссией».

Кроме того, в законе № 67-ФЗ не четко определены нормы, устанавливающие временной период действия статуса члена избирательной комиссии с правом совещательного голоса. Так, в соответствии с п. 24 ст. 29 данного закона полномочия члена избирательной комиссии с правом совещательного голоса прекращаются в день окончания соответствующей избирательной кампании, то есть, исходя из содержания п. 20 ст. 2 закона № 67-ФЗ, – в день представления избирательной комиссией, организующей выборы, отчета о расходовании средств соответствующего бюджета, выделенных на подготовку и проведение выборов. Предлагаем определить временные рамки окончания действия полномочий члена избирательной комиссии с правом совещательного голоса 30 днями после официального опубликования результатов избирательной кампании.

Также полагаем целесообразным установить срок для ознакомления и представления копий документов членам избирательных комиссий при реализации их права, установленного подпунктом «г» п. 23 ст. 29 закона № 67-ФЗ. В этом подпункте норму следует дополнить фразами: (после слова «вправе») «в сроки, установленные пунктом 4 статьи 20 настоящего Федерального закона»; (после слов «и получать») «в срок не позднее десяти дней со дня поступления письменного обращения».

Федеральным законом № 67-ФЗ не предусмотрены полномочия избирательной комиссии (кроме участковых избирательных комиссий) по принятию решения об отстранении от работы члена комиссии в случае нарушения им закона о выборах, а также совершения действий, препятствующих работе комиссии. В соответствии с п. 22 ст. 29 данного закона член комиссии с правом совещательного голоса является членом коллегиального органа, который в соответствии с законом должен обеспечивать реализацию и защиту избирательных прав граждан и осуществлять подготовку и проведение выборов. Тем самым, на члена избирательной комиссии с правом совещательного голоса возлагается ответственность не только за защиту избирательных прав назначившего его кандидата, но и за защиту избирательных прав других граждан, а также за организацию выборов. В связи с этим необходимо внести в закон нормы, предусматривающие возможность принятия не только участковой избирательной комиссией, но и иными комиссиями решения об отстранении члена избирательной комиссии от дальнейшего участия в работе комиссии в случае нарушения им закона о выборах, а также совершения действий, препятствующих работе комиссии.

Предлагаем ст. 29 закона дополнить п. 23.1 следующего содержания: «Член комиссии с правом решающего голоса и член комиссии с правом совещательного голоса немедленно отстраняется от участия в ее работе, а иные лица удаляются с заседания комиссии, если они нарушают закон о выборах, референдуме. Мотивированное решение об

этом принимается комиссией в письменной форме. Правоохранительные органы обеспечивают исполнение указанного решения и принимают меры по привлечению отстраненного члена комиссии, а также иных лиц к ответственности, предусмотренной федеральными законами».

В целях недопущения злоупотребления использованием широких полномочий члена избирательной комиссии с правом совещательного голоса полагаем возможным рассмотреть вопрос о дополнительном установлении административной ответственности за действия (в том числе со стороны членов комиссий), препятствующие работе избирательных комиссий, путем дополнения соответствующей статьей гл. 5 Кодекса об административных правонарушениях РФ. Таким образом, полномочия контролеров за выбора-

ми должны иметь, по нашему мнению, свои законодательно установленные разумные пределы. Мы разделяем мнение, что иногда «корпус контролеров на выборах противопоставляется корпусу организаторов выборов» [1]. Функция контроля состоит не в том, чтобы вызвать паралич властных органов, а в том, чтобы разделить с ними ответственность, способствовать их лучшей работе и полной реализации прав избирателей.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Борисов И.Б. Общественный контроль как фактор легитимности власти // Юридический мир. 2012. № 9. С. 58–61.
2. Чуров В.Е., Эбзеев Б.С. Демократия и управление избирательным процессом: отечественная модель // Журнал российского права. 2011. № 11. С. 5–20.

УДК 342.815

Горячих А.А.*Избирательная комиссия Московской области, г. Москва*

ПРЕДЕЛЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ АКТИВНОГО ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРАВА: ПОНЯТИЕ И ВИДЫ

Аннотация. В статье сформулировано авторское определение пределов осуществления активного избирательного права как конституционно-правового явления. Пределы активного избирательного права рассматриваются в контексте ограничения прав как механизма обеспечения равенства прав граждан и предотвращения злоупотребления правом. В работе проведен анализ существующих подходов к ограничению прав и свобод, рассмотрены пределы осуществления активного избирательного права в современной российской избирательной системе, проведена их классификация.

Ключевые слова: выборы, избирательная система, активное избирательное право, ограничение избирательных прав.

A. Goriachikh*The Election Commission of the Moscow Region*

THE LIMITS OF ACTIVE SUFFRAGE: CONCEPT AND TYPES

Abstract. The article formulates the author's definition of the limits of active suffrage as a constitutional and legal phenomenon. The author studies the limits of active suffrage in the context of rights limitation as a mechanism to ensure the equality of human rights and prevent the abuse of rights. The article analyses the existing concepts on the limitation of rights and freedoms, considers the limits of the active suffrage in modern Russian electoral system and their classification.

Key words: elections, electoral system, suffrage, voting right, limits of voting rights.

Понятие пределов осуществления права широко распространено как в законодательстве, так и в научной литературе. Так, в соответствии с ч. 3 ст. 17 Конституции Российской Федерации осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц. Согласно ч. 3 ст. 55 Конституции, права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ

конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Законодательное ограничение прав и свобод человека так или иначе связано с установлением определенных рамок – пределов осуществления права, установление которых необходимо для эффективного обеспечения реализации и защиты соответствующего права, с учетом принципа равенства прав и свобод, декларированного ч. 2 ст. 19 Конституции.

Научное понимание ограничения конституционных прав и свобод в целом однозначно, и предлагаемые определения этого понятия достаточно близки. Так, Б.С. Эбзеев рассматривает ограничение конституционных прав и свобод как изъятия из конституционного статуса человека и гражданина [4]. Некоторые авторы отождествляют ограничение права с понятием установленных законодательством пределов реализации человеком (гражданином) своих прав (свобод) [1, с. 6; 3, с. 12]. Поскольку речь идет о конституционных правах и свободах, важно понимать, что вводимые федеральным законом ограничения не должны затрагивать само существо конституционного права и приводить к утрате его реального содержания, не должны ограничивать пределы и применение основного содержания соответствующих конституционных норм [2].

Выявление и установление пределов осуществления права имеет важное значение не только в теории конституционного права, но и в практике правотворчества и правоприменения, поскольку именно пределы осуществления права являются механизмом, способным обеспечить соблюдение принципа равенства прав граждан и предотвратить злоупотребление правом. Пределы осуществления избирательных прав граждан, и, в частности, активного избирательного права, в этом смысле не только не являются исключением, но и представляют собой яркий пример, иллюстрирующий необходимость выработки четкого понимания пределов осуществления конституционных прав и подробной регламентации таких пределов в отношении каждого конкретного правоотношения.

Реализация гражданином активного избирательного права является важнейшим актом гражданской, общественной активности. Только при условии надлежащего обеспечения реализации данного права, предусматривающего установление процедуры проведения выборов, четкое соблюдение соответствующих норм в ходе организации избирательной кампании, проведения голосования и определения результатов выборов, а также возможностей для защиты права, порядок избрания соответствующих органов и должностных лиц государственной власти или местного самоуправления можно считать подлинно демократическим, а результаты таких выборов – легитимными. Соответственно, установление пределов осуществления гражданином активного избирательного права является крайне ответственной задачей, поскольку чрезмерное умаление данного конституционного права может иметь серьезные последствия на саму демократическую основу государственного строя нашей страны. В то же время установление таких пределов неизбежно и абсолютно необходимо для качественной и эффективной организации избирательного процесса.

Данные обстоятельства определяют необходимость дальнейшей разработки и совершенствования научных представлений о пределах осуществления активного избирательного права и законодательного регулирования соответствующих институтов избирательного процесса. Какие же пределы осуществления активного избирательного права существуют в российской избирательной системе на сегодняшний день? Прежде всего необходимо

отметить, что выше, говоря о пределах осуществления конституционных прав, мы упоминали о пределах, предусмотренных непосредственно Конституцией или принятыми в соответствии с ней федеральными законами. Такие пределы осуществления права можно условно назвать «правовыми». Вместе с тем, на наш взгляд, наиболее широкое понимание пределов осуществления права должно включать все факторы объективной действительности, так или иначе ограничивающие абсолютный характер или препятствующие реализации рассматриваемого права.

Применительно к активному избирательному праву, помимо ограничений права, непосредственно предусмотренных законом, реализация данного права может быть ограничена иными факторами, которые законом предусмотрены быть не могут. К таким факторам относятся, например, плохо организованная работа по информированию избирателей о месте и времени голосования, низкая транспортная доступность избирательного участка или недоступность помещения избирательной комиссии для лиц с ограниченными возможностями, наличие нарушений в процедуре голосования, подсчета голосов избирателей и иных нарушений избирательного законодательства в ходе проведения избирательной кампании. В качестве специфического фактора, препятствующего реализации активного избирательного права можно назвать даже низкий уровень правовой культуры, неосведомленность гражданина о порядке реализации права. Такое обстоятельство, как, например, ошибка, допущенная при подсчете голосов на избиратель-

ном участке, способно не только ограничить, но фактически полностью перечеркнуть активное избирательное право гражданина. Подобные факторы ограничения права могут быть названы «неправовыми».

Отметим, что некоторые из перечисленных примеров отнюдь не являются прямым нарушением избирательного законодательства и даже могут входить в число естественных факторов (например, удаленность помещения избирательной комиссии от места жительства избирателя в сельской местности). Вместе с тем, выделение данной категории факторов в качестве пределов осуществления активного избирательного права имеет смысл, поскольку в конечном итоге данные факторы ограничивают возможность осуществления права, а значит на них должно быть обращено особое внимание как при разработке нормативных актов, регламентирующих проведение выборов, так и в практике деятельности избирательных комиссий и иных органов государственной власти и местного самоуправления.

Рассматривая исключительно правовые пределы осуществления активного избирательного права, можно классифицировать их еще по одному признаку. В зависимости от источника возникновения и закрепления пределы осуществления активного избирательного права могут быть *естественными* или *позитивными*. Природа активного избирательного права подразумевает ряд **естественных ограничений**, связанных с его реализацией, которые находят закрепление в нормах избирательного права. В частности, активным избирательным правом обладают толь-

ко граждане Российской Федерации (за исключением случаев, предусмотренных законом), проживающие на территории соответствующего избирательного округа. Активного избирательного права лишены лица, признанные недееспособными по решению суда. Данные факторы являются *естественными пределами осуществления активного избирательного права*. Таким образом, хотя естественные пределы осуществления активного избирательного права и находят отражение в нормах законодательства, их подлинным источником является сама природа избирательных правоотношений. Б.С. Эбзеев называет это имманентными пределами прав и свобод [5]. Условно к этой группе можно отнести также достижение лицом возраста совершеннолетия, однако данный фактор тяготеет и ко второй группе, поскольку сам этот возраст установлен законом.

Другой разновидностью пределов активного избирательного права являются **позитивные ограничения**. Их отличительной особенностью является то, что они не являются имманентно присущими избирательным правоотношениям, но вводятся законодателем с целью эффективной организации избирательного процесса. К таким пределам относятся, например, право на участие в голосовании исключительно на том избирательном участке, где избиратель зарегистрирован по месту жительства, лишение активного избирательного права лиц, осужденных к лишению свободы, невозможность проголосовать через своего представителя по доверенности.

К этой же категории следует отнести установленные законом пределы

обжалования избирателями нарушений избирательных прав и решений избирательных комиссий об итогах голосования. Долгое время этот вопрос был камнем преткновения не только в теории избирательного права, но и в практике судебного правоприменения. Дело в том, что в соответствии со ст. 4 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации по общему правилу гражданин наделен правом на обращение в суд за защитой только своих собственных прав, свобод и законных интересов. Однако вопрос о том, какой объем права на обжалование решений избирательных комиссий адекватен защите активного избирательного права отдельного избирателя, оставался неоднозначным и вызвал значительный общественный резонанс. Правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации была сформулирована в постановлении от 22.04.2013 г. № 8-П по жалобам граждан А.В. Андропова, О.О. Андроновой, О.Б. Белова и др., Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и регионального отделения политической партии «Справедливая Россия» в Воронежской области. Суд указал, что гражданам, принимавшим участие в выборах в качестве избирателей, должна быть обеспечена возможность обжалования только тех решений и действий (бездействия) избирательных комиссий, которые связаны с установлением итогов голосования на том избирательном участке, на котором эти граждане принимали участие в выборах. Таким образом, источником (формой нормативного закрепления) позитивных пределов осуществления активного избирательного права может быть не только феде-

ральный закон, но и правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации.

Чтобы отличить естественные пределы осуществления активного избирательного права от позитивных, достаточно гипотетически представить процедуру проведения голосования без соответствующего ограничения. Например, выборы главы муниципального образования, при проведении которых активным избирательным правом обладают избиратели, зарегистрированные по месту жительства вне территории данного муниципального образования, лишены смысла и теряют свое основное назначение как институт представительной демократии. Это сигнализирует о том, что данный предел осуществления активного избирательного права является естественным (имманентным) и нормальное функционирование избирательных правоотношений в его отсутствие невозможно. В то же время, выборы, на которых лица, отбывающие наказание в виде лишения свободы, не лишены активного избирательного права, гипотетически возможны, хотя, вероятно, и нецелесообразны. Это указывает на позитивный характер данного ограничения. Таким образом, разделение пределов осуществления активного избирательного права на естественные и позитивные позволяет выявить нормы, изменение которых потенциально возможно при возникновении соответствующей необходимости в ходе законодательного регулирования избирательного процесса, и нормы, имеющие коренное значение для избирательных процедур, изменение которых невозможно в рамках существующей парадигмы.

В качестве еще одного варианта классификации пределов осуществления активного избирательного права можно предложить их разделение по кругу субъектов на *общие*, субъектами которых являются все граждане, являющиеся избирателями на соответствующих выборах, и *специальные*, для которых установлен особый круг субъектов. В соответствии с вышеупомянутым положением ч. 2 ст. 19 Конституции о равенстве прав человека и гражданина, большинство существующих пределов осуществления активного избирательного права, предусмотренных действующим нормативным регулированием, распространяются на **общий** круг субъектов. Вместе с тем, Конституция допускает ограничение права не только по объему реализации, но и по кругу ее субъектов. Применительно к реализации активного избирательного права **специальными пределами** являются запрет голосования лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, а также лиц, признанных судом недееспособными.

Итак, проанализировав разновидности существующих пределов осуществления активного избирательного права, мы можем вывести определение данного понятия. В широком смысле под **пределами осуществления активного избирательного права** следует понимать совокупность правовых и неправовых факторов, ограничивающих возможности реализации права гражданина на участие в голосовании в качестве избирателя. В более узком смысле пределы осуществления активного избирательного права представляют собой регламентированные законом правовые ограничения, уста-

навливающие субъектный состав и порядок реализации права избирать.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Квитко А.Ф. Конституционно-правовые основы ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 28 с.
2. Лапаева В.В. Проблема ограничения прав и свобод человека и гражданина в Конституции РФ (опыт доктринального осмысления) // Журнал российского права. 2005. № 7. С. 13–23.
3. Рассолова Е.Ш. Ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: конституционно-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 25 с.
4. Эбзеев Б.С. Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности. М.: Норма, 2007. 384 с.
5. Эбзеев Б.С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. М.: Юрид. лит., 2005. 576 с.

УДК 342.846.4(470.630)»2014.09.14»

Демьянов Е.В.*Избирательная комиссия Ставропольского края, г. Ставрополь*

О РАБОТЕ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КОМИССИЙ В СТАВРОПОЛЬСКОМ КРАЕ ПО ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОВЕДЕНИЮ ВЫБОРОВ ГУБЕРНАТОРА СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ (14 СЕНТЯБРЯ 2014 Г.)

Аннотация. В статье раскрываются особенности организации и проведения выборов Губернатора Ставропольского края 14 сентября 2014 г. в контексте правоприменительной практики. На основании проведенного анализа данной избирательной кампании, а также по итогам одновременного проведения выборов в органы местного самоуправления, автор ставит вопросы, которые требуют законодательного урегулирования как на федеральном уровне, так и на уровне субъекта Российской Федерации. В процессе формирования и становления избирательной системы Российской Федерации вопросы правоприменительной практики заняли особое место, так как выступают в качестве двигателя поступательного развития института выборов и критерия качества подготовки нормативных актов. В этой связи автор указывает на опыт рассмотрения этих вопросов краевой избирательной комиссией и внесения актуальных изменений в региональное законодательство.

Ключевые слова: выборы, избирательная комиссия, законодательство о выборах, законодательная инициатива.

Ye. Demyanov*Election Commission of the Stavropol Territory*

ON THE WORK OF ELECTION COMMISSIONS IN THE STAVROPOL TERRITORY ON ORGANIZING AND CONDUCTING THE ELECTIONS OF THE GOVERNOR OF THE STAVROPOL TERRITORY 14 SEPTEMBER 2014

Abstract. The article describes the features of the organization and conduct of elections of the Governor of the Stavropol Territory 14 September 2014 in the context of law enforcement. Based on the analysis of the election campaign, the author raises the issues that require legislative regulation both at the federal level and at the level of the Russian Federation subject. The author argues that in the process of formation and establishment of the electoral system of the Russian Federation law enforcement issues occupy a special place. They act as the engine of progressive development of the institution of elections and test the quality of regulations.

Key words: elections, election commission, electoral law, legislative initiative.

14 сентября 2014 г. впервые за последние 14 лет на территории Ставропольского края прошли прямые выбо-

ры Губернатора Ставропольского края. Подготовку и проведение выборов осуществляли: Избирательная комиссия Ставропольского края, 37 терри-

ториальных избирательных комиссий и 1287 участковых избирательных комиссий, в том числе 19 участковых избирательных комиссий, сформированных территориальными избирательными комиссиями из резерва составов участковых комиссий на избирательных участках, образованных в местах временного пребывания избирателей. Всего в выборах приняло участие 937724 избирателей (47,88 % от общего числа избирателей, включенных в списки). По итогам избирательной кампании Владимир Владимирович получил 84,22 % голосов избирателей (более 50 процентов голосов избирателей, принявших участие в голосовании) и был избран Губернатором Ставропольского края.

Организационный уровень проведения данных выборов показал, что избирательные комиссии с поставленной задачей успешно справились. Избирательная кампания проходила в строгом соответствии с федеральным и краевым законодательством, четко соблюдался календарный план, позволяющий осуществлять постоянный контроль за ходом выполнения мероприятий и обеспечивать успешное проведение выборов. С учетом сложности предстоящей избирательной кампании Избирательной комиссией Ставропольского края в помощь кандидатам разработаны перечни и формы документов, представляемых кандидатами в Избирательную комиссию Ставропольского края при проведении выборов Губернатора Ставропольского края, а также Рекомендации по вопросам сбора подписей депутатов представительных органов муниципальных образований и (или) глав муниципальных образований Став-

ропольского края и представления в Избирательную комиссию Ставропольского края листов поддержки кандидата и связанных с ними документов [2]. В помощь избирательным комиссиям был разработан рабочий блокнот участковой избирательной комиссии.

Одним из важных аспектов подготовки к выборам Губернатора Ставропольского края стало обеспечение законности, правопорядка и безопасности их проведения. В этой связи Избирательной комиссией Ставропольского края было организовано взаимодействие с прокуратурой Ставропольского края, Главным управлением Министерства внутренних дел по Ставропольскому краю. Были предусмотрены меры обеспечения работы избирательных участков в случае возникновения внештатных и чрезвычайных ситуаций. Этому было посвящено специальное постановление Избирательной комиссии Ставропольского края [1]. Совместно с органами местного самоуправления, структурами МЧС были предприняты меры по обеспечению противопожарной безопасности на избирательных участках и в помещениях для голосования.

В ходе подготовки и проведения выборов проведено 34 заседания Избирательной комиссии Ставропольского края, принято порядка 300 постановлений Избирательной комиссии Ставропольского края по вопросам избирательной кампании по выборам Губернатора Ставропольского края. Во всех заседаниях комиссии принимали участие члены комиссии с правом совещательного голоса, присутствовали представители средств массовой ин-

формации. В результате проведенного анализа правоприменительной практики в ходе избирательных кампаний в единый день голосования 14 сентября 2014 г. Избирательной комиссией Ставропольского края выявлен целый ряд проблем и разработаны предложения по совершенствованию как краевого, так и федерального законодательства.

Так, согласно с п. 8 ст. 59 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» соответствующая комиссия до дня голосования периодически направляет в средства массовой информации для опубликования сведения о поступлении и расходовании средств избирательных фондов, редакции муниципальных периодических печатных изданий соответственно уровню выборов обязаны публиковать указанные сведения. Однако, законодателем не учтен тот факт, что существует ряд муниципальных образований, на территории которых отсутствуют муниципальные периодические печатные издания, и при проведении выборов в органы местного самоуправления у избирательных комиссий отсутствует возможность реализации требований данной нормы. Этому факту корреспондируют и положения Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»¹, согласно которым применение органами местного само-

управления средств массовой информации является скорее правом, чем обязанностью. Учитывая сложившуюся практику, целесообразно на законодательном уровне установить возможность обнаружения указанных сведений в том порядке, в каком происходит обнаружение муниципальных правовых актов согласно уставу соответствующего муниципального образования.

Аналогичная ситуация складывается с применением п. 10 ст. 48 закона «Об основных гарантиях избирательных прав ...», согласно которому политическая партия, выдвинувшая кандидатов, которые зарегистрированы избирательной комиссией, не позднее чем за 10 дней до дня голосования публикует свою предвыборную программу не менее чем в одном государственном или муниципальном периодическом печатном издании, а также размещает ее в сети Интернет. Для такой публикации используется бесплатная печатная площадь, предоставляемая избирательным объединениям, кандидатам в соответствии с законом «Об основных гарантиях избирательных прав ...», иным законом, либо такая публикация оплачивается из средств избирательного фонда политической партии, избирательного фонда кандидата, выдвинутого этой политической партией.

Вместе с тем, в Ставропольском крае существует ряд муниципальных образований, на территории которых отсутствуют муниципальные периодические печатные издания. На территории этих муниципальных образований у избирательного объединения, выдвинувшего кандидата, который не создал избирательный фонд (краевым

¹ Федеральный закон от 12.06.2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (в действ. ред. от 03.02.2015 г.)

законом¹ предусмотрен случай, когда создание кандидатом избирательного фонда (необязательно), возникают вопросы при реализации требований п. 10 ст. 48 закона «Об основных гарантиях избирательных прав ...». В связи с этим целесообразно предусмотреть возможность доведения до сведения избирателей предвыборной программы политической партии путем, определенным в уставе муниципального образования для официального опубликования (обнародования) муниципальных правовых актов.

Одним из актуальных вопросов правоприменительной практики в области избирательного законодательства является определение такого понятия, содержащегося в законе «Об основных гарантиях избирательных прав ...», как «выборные муниципальные должности». Согласно пп. «б» п. 7 ст. 48 того же закона запрещается проводить предвыборную агитацию, выпускать и распространять любые агитационные материалы лицам, замещающим «выборные муниципальные должности». Однако, закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», устанавливающий принципы организации местного самоуправления, такого понятия не содержит. Разница в формулировках препятствует однозначному толкованию указанной нормы закона «Об основных гарантиях избирательных прав ...», в связи с чем представляется необходимым обеспечение кор-

респонденции норм двух указанных федеральных законов.

Возникли проблемы в правоприменении приложения № 1 («Сведения о размере и об источниках доходов, имуществе, принадлежащем кандидату (супругу и несовершеннолетним детям) на праве собственности, о вкладах в банках, ценных бумагах») к закону «Об основных гарантиях избирательных прав ...», согласно которому кандидат сообщает сведения о размере и об источниках своих доходов (доходов супруга и несовершеннолетних детей), имуществе, принадлежащем ему (его супругу и несовершеннолетним детям) на праве собственности (в том числе совместной).

Понятие совместной собственности в данном случае не согласуется с понятием, установленным ст. 34 Семейного кодекса Российской Федерации, в соответствии с которой к имуществу, нажитому супругами во время брака (общему имуществу супругов), относятся доходы каждого из супругов от трудовой деятельности, предпринимательской деятельности и результатов интеллектуальной деятельности, полученные ими пенсии, пособия, а также иные денежные выплаты, не имеющие специального целевого назначения (суммы материальной помощи, суммы, выплаченные в возмещение ущерба в связи с утратой трудоспособности вследствие увечья либо иного повреждения здоровья, и др.). Общим имуществом супругов являются также приобретенные за счет общих доходов супругов движимые и недвижимые вещи, ценные бумаги, паи, вклады, доли в капитале, внесенные в кредитные учреждения или в иные коммерческие

¹ Федеральный закон от 12.06.2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (в действ. ред. от 03.02.2015 г.).

организации, и любое другое нажитое супругами в период брака имущество независимо от того, на имя кого из супругов оно приобретено либо на имя кого или кем из супругов внесены денежные средства. Таким образом, необходимо уточнение нормы закона «Об основных гарантиях избирательных прав ...» в отношении вопроса об определении понятия совместной собственности супругов.

Актуальным вопросом является вопрос о применении пп. «б» п. 7 ст. 48 закона «Об основных гарантиях избирательных прав ...», согласно которому запрещается проводить предвыборную агитацию, выпускать и распространять любые агитационные материалы лицам, замещающим государственные или выборные муниципальные должности при исполнении ими своих должностных или служебных обязанностей. В этой части положения закона «Об основных гарантиях избирательных прав ...» в отличие, например, от Федерального закона от 22 февраля 2014 г. № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», не содержат нормы о том, что указание в предвыборном агитационном материале должности такого лица не является нарушением указанного запрета. Поэтому правовой статус размещения в агитационном материале кандидата изображения лиц, замещающих государственные или выборные муниципальные должности, законодательством до конца не установлен. Следует отметить, что на территории Ставропольского края в ходе проведения выборов в единый день голосования 14 сентября 2014 г. есть практика принятия судебных ре-

шений, которыми такие материалы признаются законными¹.

После завершения избирательной кампании Избирательной комиссией Ставропольского края в Центральную избирательную комиссию Российской Федерации направлены предложения по совершенствованию федерального законодательства. По итогам проведения выборов в органы местного самоуправления в Ставропольском крае 14 сентября 2014 г. был выявлен ряд вопросов, требующих дополнительного законодательного регулирования на уровне субъекта Российской Федерации. Особенностью работы избирательных комиссий 14 сентября 2014 г. стало то, что избирателям в соответствии с Федеральным законом «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и Законом Ставропольского края «О некоторых вопросах проведения выборов в органы местного самоуправления в Ставропольском крае» при проведении выборов в органы местного самоуправления была предоставлена возможность проголосовать досрочно. В соответствии со ст. 21.1 Закона Ставропольского края «О некоторых вопросах проведения выборов в органы местного самоуправления в Ставропольском крае» досрочное голосование проводится путем заполнения избирателем бюллетеня в помещении соответствующей участковой избирательной комиссии за девять и менее дней до дня голосования.

В соответствии с п. 2 ст. 64 закона «Об основных гарантиях избиратель-

¹ Федеральный закон от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (в действ. ред. от 30.03.2015 г.).

ных прав ...» о времени и месте голосования территориальные и участковые избирательные комиссии обязаны оповестить избирателей не позднее чем за 10 дней до дня голосования через средства массовой информации или иным способом, а при проведении досрочного голосования – в том порядке и в те сроки, которые предусмотрены законом, но не позднее, чем за пять дней до проведения голосования. В Законе Ставропольского края «О некоторых вопросах проведения выборов в органы местного самоуправления в Ставропольском крае» порядок и сроки оповещения избирателей о времени и месте досрочного голосования не предусмотрены, в связи с чем потребовалось внесение соответствующих изменений в норму ст. 21.1 Закона Ставропольского края «О некоторых вопросах проведения выборов в органы местного самоуправления в Ставропольском крае».

В соответствии с п. 18 ст. 38 закона «Об основных гарантиях избирательных прав ...» избирательная комиссия в течение установленного законом срока, который не должен превышать десять дней, обязана проверить соответствие порядка выдвижения кандидата, списка кандидатов требованиям закона и принять решение о регистрации кандидата, списков кандидатов либо об отказе в регистрации. В соответствии с ч. 7 ст. 15.1 Закона Ставропольского края «О некоторых вопросах проведения выборов в органы местного самоуправления в Ставропольском крае» соответствующая избирательная комиссия в течение 10 дней со дня принятия документов для регистрации кандидата, списков кандидатов, указанных в ч. 3 ст. 15.1 За-

кона Ставропольского края «О некоторых вопросах проведения выборов в органы местного самоуправления в Ставропольском крае», обязана принять решение о регистрации кандидата, списка кандидатов. Таким образом, срок проверки избирательной комиссией соответствия порядка выдвижения кандидата, списка кандидатов требованиями Закона Ставропольского края «О некоторых вопросах проведения выборов в органы местного самоуправления в Ставропольском крае» не был установлен. Кроме того, Законом Ставропольского края «О некоторых вопросах проведения выборов в органы местного самоуправления в Ставропольском крае» не было предусмотрено право избирательного объединения, выдвинувшего кандидатов, назначить доверенных лиц.

В соответствии с ч. 1 ст. 15 Закона Ставропольского края «О выборах Губернатора Ставропольского края»¹ в поддержку выдвижения кандидата должны быть собраны подписи депутатов представительных органов муниципальных образований и (или) избранных на муниципальных выборах глав муниципальных образований. В ходе избирательной кампании по выборам Губернатора Ставропольского края возникла проблема обеспечения достоверности информации о депутатах представительных органов муниципальных образований и избранных на муниципальных выборах главах муниципальных образований, содержащейся в Государственной автоматизированной

¹ Закон Ставропольского края от 26.06.2008 г. № 37-кз «О некоторых вопросах проведения выборов в органы местного самоуправления в Ставропольском крае» (в действ. ред. от 06.04.2015 г.).

системе Российской Федерации «Выборы». В целях устранения данной проблемы Закон Ставропольского края «О выборах Губернатора Ставропольского края» дополнен положением, согласно которому соответствующий представительный орган муниципального образования направляет в Избирательную комиссию Ставропольского края информацию о досрочном прекращении полномочий депутата (депутатов) представительного органа муниципального образования, избранного на муниципальных выборах главы муниципального образования в течение трех дней со дня принятия решения о досрочном прекращении полномочий (принят Закон Ставропольского края от 6 апреля 2015 г. № 28-кз «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Ставропольского края»).

Анализируя вышесказанное, можно сделать вывод о том, что в процессе формирования и становления избирательной системы и избирательного права Российской Федерации вопросы правоприменительной практики занимают особое место. Они выступают в качестве двигателя поступательного развития института выборов и критерия качества подготовки нормативных актов. Анализ применения норм законодательства позволяет выявлять и своевременно устранять пробелы и противоречия в законодательстве, что актуально в современных условиях динамично развивающегося избирательного права Российской Федерации. И

именно этим обусловлено наличие у большинства избирательных комиссий субъектов Российской Федерации законодательной инициативы в соответствующих законодательных (представительных) органах.

ЛИТЕРАТУРА:

1. О порядке действий членов участковых избирательных комиссий в случае возникновения нештатных ситуаций при проведении выборов Губернатора Ставропольского края и оборудовании резервного передвижного избирательного участка на базе автобуса: постановление Избирательной комиссии Ставропольского края от 8 августа 2014 г. № 133/1266-5 / Избирательная комиссия Ставропольского края [сайт]. URL: http://stavizbirkom.ru/_/lawbase/2014/08/1266.pdf (дата обращения 11.04.2015 г.).
2. О Рекомендациях для кандидатов на должность Губернатора Ставропольского края по вопросам сбора подписей депутатов представительных органов муниципальных образований и (или) глав муниципальных образований Ставропольского края и представления в избирательную комиссию Ставропольского края листов поддержки кандидата и связанных с ними документов: постановление Избирательной комиссии Ставропольского края от 27 мая 2014 г. № 109/1107-5 / Избирательная комиссия Ставропольского края [сайт]. URL: <http://stavizbirkom.ru/elref/14-sentyabrya-2014-goda/resheniya-izbiratelnoj-komissii-sk/> (дата обращения: 11.04.2015 г.).

УДК 342.951:351.82

Чихладзе Л.Т.*Московский государственный областной университет*

ПРОБЛЕМЫ ФИНАНСОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация. Настоящая статья посвящена одной из самых актуальных проблем местного самоуправления в Российской Федерации. Финансовое обеспечение функционирования муниципальных образований является весьма важной задачей для органов государственной власти федерации и ее субъектов. Решение данной задачи способствует развитию эффективного и самостоятельного уровня публичной власти, а также реализации многих вопросов местного значения, направленных на обеспечение жизнедеятельности населения муниципального образования.

Ключевые слова: местное самоуправление, муниципальное образование, бюджетный процесс, местный бюджет.

L. Chikhladze*Moscow State Regional University*

THE ISSUES OF FINANCIAL SUPPORT FOR MUNICIPAL EDUCATION

Abstract. The article is concerned with one of the most acute problems of the local government in the Russian Federation. Financial support of municipal education is a very important task for public authorities of the Federation and its subjects. The solution of this problem promotes the development of effective and independent level of public authorities, as well as the implementation of many local programs aimed at supporting municipal education.

Key words: local government, municipal education, budget process, local budget.

Одной из важных проблем формирования эффективного местного самоуправления в Российской Федерации является недостаточная финансовая обеспеченность муниципальных образований. Тем самым, именно бюджетный вопрос является краеугольным камнем большинства проблем местного самоуправления. Соответственно, при наличии ограниченной местной базы финансирования органы местного самоуправления не могут или не в полной мере могут реализовывать во-

просы местного значения, что, в свою очередь, отрицательно сказывается на качестве предоставляемых населению муниципальных услуг.

Местные бюджеты являются самым многочисленным элементом бюджетной системы Российской Федерации и составляют одну из основ финансового функционирования страны. На сегодняшний день вопросы их формирования и усиления остаются одной из наиболее важных проблем в отношениях между бюджетами различных уровней. Представляется, что назрела

необходимость реформирования взаимоотношений между такими субъектами бюджетных отношений, как органы государственной власти, субъектов федерации и местного самоуправления. Одним из важнейших вопросов является необходимость выработки четкой стратегии оздоровления системы финансирования местного (базового) уровня.

Базовый Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 06.10.2003 № 131-ФЗ (далее – *Федеральный закон о местном самоуправлении 2003 г.*) четко регламентирует границы, функции и полномочия муниципальных органов власти. Вместе с тем, многие положения закона направлены на ограничение независимости местных бюджетов. В этой связи следует согласиться с А.Н. Ершовым, по мнению которого «с одной стороны, объявленная реформа местного самоуправления должна, казалось бы, способствовать решению вопросов местного финансирования в пользу большей автономии местных бюджетов, но с другой – в стране выстроена бюджетная и налоговая вертикаль, которая прямо противоречит идее местной автономии и препятствует ее реализации на практике» [3, с. 83].

Экономическая самостоятельность местного самоуправления невозможна без создания собственной доходной части местных бюджетов. Ведь органы местного самоуправления финансируют реализацию таких вопросов местного значения, как среднее образование, здравоохранение, культура, детские дошкольные учреждения, коммунальные услуги, охрана окружа-

ющей среды. В развитых европейских государствах (ФРГ, Франция, Бельгия) со сбалансированными межбюджетными отношениями муниципальные бюджеты в большинстве своем бездефицитны. Последнее связано с неукоснительным соблюдением соотношения доходов и расходов. В Российской Федерации в последние годы наблюдается тенденция установления на федеральном уровне закрепленных доходов выше уровня закрепленных расходов. Исходя из этого, получается, что выполнение долговых обязательств государства (внутренних) лежит на плечах нижестоящих уровней бюджетной системы. Такая же ситуация сложилась и на уровне субъекта федерации. Последние сосредоточивают на своем уровне все возможные доходы. При этом у муниципалитетов остаются не обеспеченные финансами бюджетные обязательства. Итогом подобных «бюджетных игр» явилось то, что местный (базовый) уровень оказался наиболее незащищенным в плане финансовой независимости, но обладающим при этом целым спектром полномочий, включая социальные [1, с. 58].

Ключевые позиции в системе финансирования регионального и местного уровня занимают «финансовые инъекции». Они имеют разные формы: субвенции, дотации, средства фондов финансовой поддержки, взаимные расчеты. Данные формы сочетаются с системой дифференцированных нормативов отчислений от налогов различных уровней: федерального и регионального. Связка «бюджет – налоги» является основным инструментом системного финансового выравнивания. Представляется невозможным эффективное исполнение регионами и

муниципалитетами задач, входящих в список их полномочий при отсутствии надежного финансового фундамента в виде источников доходов. Думается, нельзя отрицать того факта, что при имеющемся неравенстве экономических потенциалов муниципалитетов можно обойтись без механизмов выравнивания «сверху – вниз». Наоборот, это является основным стимулом для разработки механизмов повышения эффективности межбюджетного регулирования.

Между тем невозможно закрывать глаза на сильнейшую зависимость подавляющей части бюджетов (около 90 %), а, по сути, практически всех местных бюджетов, от финансовых вливаний из региональных бюджетов. Данный массив межфинансового распределения определяется не только объективными экономическими обстоятельствами (недостаточность налоговых потенциалов местного уровня), но и в существенной степени – «проводимой государством бюджетно-налоговой политикой, нацеленной на максимальную федеральную централизацию налоговых ресурсов (ее проведение диктуется требованиями получившей высший государственный приоритет концепции укрепления «вертикали власти»)» [5, с. 121].

В России сложилась поразительная ситуация: «На долю налоговых и неналоговых доходов муниципальных образований приходится около 20 %, а остальное – это средства вышестоящих бюджетов. Данная обстановка наглядно показывает, сколь велико отклонение от линии, характеризующей реальную бюджетную самостоятельность. Предполагается, что бюджетная самостоятельность достигается

при условии приближения числа собственных доходов и безвозмездных перечислений к пропорции 50 : 50» [5, с. 122]. Качество и полнота финансового обеспечения формируются под воздействием непостоянства федерального бюджетного и налогового законодательства. Подобный финансовый климат не позволяет регионам долгосрочно прогнозировать поступление доходов как на среднесрочную, так и на долгосрочную перспективу. Это, в свою очередь, ведет к падению интереса муниципалитетов к развитию закрепленных за ними доходных источников.

В целом у государственной политики РФ по отношению к местному уровню власти проявились следующие черты:

- недостаточность собственных доходов муниципальных бюджетов дает возможность расходовать средства лишь на текущие нужды муниципальных образований. Кроме того это препятствует компетентной реализации собственных полномочий, например, развитию ЖКХ, а также решению наиболее острых проблем в сфере образования, здравоохранения и социальной сферы в целом:

- хронический дефицит средств в региональных бюджетах не дает возможности инвестировать в развитие и улучшение состояния объектов социально-бытовой инфраструктуры ЖКХ;

- также нельзя опустить проблему в различии подходов к формированию доходов бюджетов различных субъектов, имеющих статус муниципального образования.

В соответствии с Федеральным законом о местном самоуправлении

2003 г. все муниципальные образования должны иметь свой бюджет, четко установленные собственные доходные и расходные полномочия, муниципальную собственность, а также – при принятии соответствующих законов и законов субъектов Федерации – исполнять делегированные государственные полномочия.

Доходная база местных бюджетов значительно дифференцируется в зависимости от типов муниципальных образований. Эта дифференциация параллельно проходит со значительным различием социально-экономического потенциала муниципалитетов, что ведет к крайне неравномерному перераспределению налоговых доходов по типам образований. Например, в бюджете городских округов аккумулируется порядка 65 % налоговых доходов, тогда как тогда как в бюджетах муниципальных районов – 30 %, а бюджеты поселений вправе рассчитывать лишь на 5 % налоговых поступлений [4, с. 123].

По-прежнему формирование налогово-бюджетной сферы муниципальных образований не стимулирует местные администрации к развитию экономики территорий и повышению местной налоговой базы. Вызывает вопросы и установленный законом подбор источников налоговой (бюджетной) базы муниципалитетов. Акцент делается на доходы и имущества граждан, а не на объемы хозяйственной деятельности на соответствующей территории. Это также является причиной низкой заинтересованности местных администраций по развитию производственно-экономической базы территорий.

В ходе муниципальной реформы 2003 г. был сделан акцент на единую

сетку отчислений от федеральных и региональных налогов (для одной группы муниципальных образований), подлежащих зачислению в региональные бюджеты. При этом абсолютно не учитывается крайне высокая дифференциация экономического и налогового потенциала территорий, в том числе налоговой базы по потенциально передаваемым налогам. Единые нормативы отчислений налоговых платежей, применяясь в различных условиях на различных территориях, ведут к ситуации, когда у одних недостаток средств, а у других избыток. Это и есть первопричина перераспределения средств из вышестоящего бюджета и выравнивания бюджетной обеспеченности. Подобная грубая дифференциация поступлений не равноценна тем потребностям, которые имеют муниципальные образования [2, с. 55].

Подобная практика отнесения поступлений от регулирующих налогов в состав собственных доходов муниципальных образований создает лишь иллюзию самостоятельности местных бюджетов. Эти доходы только отчасти можно назвать собственными. Их величина – это не результат деятельности органов местного самоуправления, а лишь решение органа субъекта Федерации по нормативу отчисления налогов для данной территории.

Сложилась практика закрепления за муниципальными бюджетами различных нормативов отчислений от региональных налогов на долгосрочной основе. Думается, что эта вынужденная мера связана с неравенством экономического развития территорий. Между тем у подобной концепции есть и минусы, так как частое изменение налоговых нормативов не позволяет

предугадать конечный итог совокупных поступлений. В результате местные налоги как особый инструмент налогово-бюджетной системы становятся неэффективными.

Бюджетный кодекс Российской Федерации не позволяет муниципальным образованиям устанавливать местные налоги. Думается, что данная ситуация требует разъяснения. Так, например, согласно части 1 статьи 132, органы местного самоуправления устанавливают местные налоги и сборы. В данном случае следует отметить, что местные и другие налоги, собираемые в Российской Федерации, устанавливаются в Налоговом кодексе РФ, то есть на федеральном уровне. Муниципальные органы в строго установленных законом случаях могут вводить, а не устанавливать налоги, то есть выбрать из перечня те налоги, которые заранее были определены. Однако рамки налога определяются на уровне субъекта. Отметим, что размеры налогов не могут превышать тех, что установлены на федеральном уровне. В Конституции Российской Федерации 1993 г. говорится об установлении, а не о введении местных налогов и сборов. Таким образом, положения Налогового кодекса РФ вступают в противоречия с Конституцией РФ. Как следствие этого вопросы расширения возможностей муниципалитетов в установлении местных налогов и сборов остаются нерешенными. На наш взгляд, сложившаяся ситуация противоречит также статье 9 Европейской хартии местного самоуправления 1985 г. В частности, пункт 1 данной статьи закрепляет тезис о праве органов местного самоуправления на обладание достаточными соб-

ственными финансовыми ресурсами, которыми они могут свободно распоряжаться. Пункт 2 статьи 9 Хартии логически продолжает предыдущий пункт, устанавливая требование соразмерности финансовых ресурсов, предоставленных законом или Конституцией полномочиям. Однако, как показывает практика, собственные и выделяемые ресурсы недостаточны. Цель увеличения собственных финансовых средств преследует российское местное самоуправление с самого начала его становления. При этом мнения специалистов и непосредственных представителей муниципальных органов (глав администраций, депутатов) разнятся. Одни винят несправедливое дифференцирование налоговых отчислений в зависимости от места в иерархии, при котором базовый уровень получает лишь малую часть от «налогового пирога». Другие жалуются не на количество ресурсов, а на их качество, считая, что количества налогов достаточно, но их собираемость сложна ввиду тех или иных недочетов в области гражданского, градостроительного, земельного законодательства и некоторых других.

Т.В. Сумская отмечает, что «... доходы от местных налогов не являются определяющими при формировании местных бюджетов, хотя играют одну из главных ролей в формировании местного бюджета. К примеру, поступления от налога на имущество физических лиц в городских округах составляют около 0,5 % налоговых доходов, в поселениях этот показатель несколько выше – 1,7 %. Поступления от земельного налога более значимы для муниципалитетов. В городских округах земельный налог формирует 13,4 % налоговых

доходов, в поселениях 38,4 %» [5, с.1]. Приведенные ниже данные свидетельствуют о том, что количество средств, поступающих в бюджет, определенно мало. Между тем увеличение налоговых поступлений – первоочередная задача муниципалитета.

Формирование собственных доходов из вновь открытых резервов – основная цель муниципалитета. В Бюджетном послании Президента Федеральному собранию РФ «О бюджетной политике 2013–2015 гг.» неоднократно упоминается о том, что муниципалитеты должны наращивать эффективность нынешних налогов, а также искать новые источники: «... органы местного самоуправления должны иметь достаточные и действенные стимулы для расширения собственной доходной базы бюджетов».

Сказанное выше позволяет сделать вывод о том, что особенностью формирования доходной базы местных бюджетов все еще остается их зависимость от федеральных и региональных налогов, безвозмездных перечислений. Следует отметить, что в Российской Федерации пока еще не произошло улучшение ситуации с обеспечением финансовыми ресурсами органов местного самоуправления.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ежевский Д.О. Проблемы финансово-экономической обеспеченности муниципальных образований государственных участников СНГ // Международная научно-практическая конференция: «Проблемы устойчивого развития экономики: реальность и перспективы». Кутаисский университет. Грузия, Кутаиси, 2013. С. 57–61.
2. Ежевский Д.О. Проблема муниципальных финансов в условиях глобальной нестабильности // Актуальные проблемы развития современного образования и общества в условиях глобализации. Материалы международного круглого стола. М.: МИЭМП, 2009. С. 52–55.
3. Ершов А.Н. Уроки и реформа местного самоуправления в России. Казань: Центр инновационных технологий, 2009. 276 с.
4. Коротина Н.Ю. Возможности роста доходов муниципальных образований // Муниципалитет: экономика и управление. Выпуск N 2(3), сентябрь 2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://municipal.uara.ru/ru-ru/issue/2012/02/09/> (дата обращения 07.04.2015).
5. Сумская Т.В. Проблемы формирования бюджетов местного самоуправления. 2009. 177 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nsu.ru/exp/ref/Media:4ef1a2d68846c8c01300028e15.pdf> (дата обращения 07.04.2015).

РАЗДЕЛ III. ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

УДК 347,1

Барышников И.С.

*Российская правовая академия
Министерства юстиции Российской Федерации, г. Москва*

ПРИНЦИП ЧЕСТНОЙ ДЕЛОВОЙ ПРАКТИКИ В ПРЕЦЕДЕНТНОМ ПРАВЕ АВСТРАЛИИ И ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Аннотация. В статье приведены результаты анализа содержания и понятия принципа честной деловой практики в юрисдикциях «общего права». Автор, основываясь на доктрине и прецедентной практике Австралии и Великобритании, выявляет общие черты и различия, присущие пониманию и применению этого принципа в названных правовых порядках. Приводятся примеры конкретных судебных решений, лежащих в основе возникновения и развития данного принципа. Основываясь на зарубежном опыте, автор дает рекомендации по совершенствованию действующего гражданского законодательства Российской Федерации.

Ключевые слова: добросовестность, честная деловая практика, принципы права, прецедентная практика, реформа гражданского законодательства.

I. Baryshnikov

Russian Law Academy of the Russian Federation Ministry of Justice

THE PRINCIPLE OF FAIR DEALING IN AUSTRALIAN AND BRITISH CASE LAW

Abstract. The article analyses the notion of the principle of fair dealing in common law jurisdictions. The author identifies the commonalities and differences in understanding the principle

© Барышников И.С., 2015.

of fair dealing in Australian and British case law. The examples of concrete cases lying at the heart of the emergence and development of fair dealing doctrine are provided. The rec-

В современный период развития российского гражданского законодательства происходит его глобальное реформирование с целью обеспечения надлежащего порядка осуществления гражданских прав и исполнения обязанностей на основе начала добросовестности. Поэтому большее внимание следует уделять опыту зарубежных правопорядков, для которых существование и, что важно, прямое применение на практике наиболее общих, принципиальных положений, создающих модели надлежащего поведения участников гражданского оборота, не является чем-то новым.

Многие современные правопорядки содержат в себе нормы об общих положениях о добросовестности. Примером этому может служить Гражданский кодекс Федеративной республики Германия, содержащий статью, предписывающую сторонам при исполнении обязательств руководствоваться началами доброй совести (ст. 242 «Добросовестное исполнение») [7]. Сходные нормы отражены и в Гражданском кодексе Нидерландов: так, п. 6.2 устанавливает стандарты разумности и справедливости в отношениях между кредитором и должником [5]. Что касается отечественного гражданского права, то в нем достаточно давно назрела необходимость включения схожих положений в законодательство, что и было сделано путем внесения изменений в ст. 1 Гражданского кодекса РФ¹. Однако для того, чтобы

ommendations to elaborate the current civil law of the Russian Federation are given.

Key words: conscientiousness, fair dealing, principles of law, case law, civil law reform.

понять, каким образом включение в законодательство принципа добросовестности повлияет на отношения участников гражданского оборота, необходимо обратиться к опыту стран, успешно использующих его при разрешении дел в судах.

Наиболее ярко и наглядно, применительно к конкретным спорам, роль принципиальных положений в целом и принципа честной деловой практики демонстрируется в прецедентной практике стран англосаксонской правовой системы. Изучение решений судов юрисдикций «общего права» вызывает неподдельный интерес на фоне всеобщей гармонизации законодательства, развития отечественной правоприменительной практики и необходимости «осваивать» новые положения, включаемые в действующее законодательство. Среди стран, относящихся к англосаксонской правовой семье, наибольший интерес для нас представляют Австралия и Великобритания: первая – как пример прогрессивного подхода ко внедрению в прецедентную практику обязательств, основанных на принципах права; вторая – в качестве юрисдикции, признавшей существование таких обязательств только в последнее время. Несмотря на то, что для правоприменительной практики стран «общего права» прямое применение принципиальных положений при разрешении дел не является чем-то новым, по настоящее время спорными остаются ряд вопросов, которые неизбежно встают перед правоприменителем, когда он кладет в основу сво-

¹ Эти изменения в действующий ГК РФ были внесены федеральным законом от 30.12.2012 г. № 302-ФЗ.

его решения принципы и общие положения права.

Фундаментальным вопросом, конечно же, является то, до каких пределов суд может распространять действие принципов на правоотношения: ограничиться этапом исполнения обязательств, процессом заключения договора или распространить их и на переговорный процесс? Иными словами, каковы пределы судейского усмотрения? Вопрос этот решается не столько в области теории и практики права, сколько в экономической политике государства. Что действительно представляется возможным решить в рамках науки гражданского права, так это вопрос о том, связывают ли такие обязательства стороны независимо от указания на них в договоре (являются ли они подразумеваемыми), или же для этого требуется прямое волеизъявление или специальное указание в законе. Рассмотреть эту проблему предлагается на примере принципа честной деловой практики, прочно обосновавшегося в последние 30 лет в прецедентной практике в качестве мощного инструмента по разрешению споров в странах англосаксонской правовой системы и постепенно прокладывающего себе дорогу в отечественное законодательство.

В общем смысле принцип честной деловой практики в обязательственных правоотношениях подразумевает честность в отношениях сторон. Как высказался австралийский судья сэр Энтони Мэйсон, «принцип честной деловой практики означает верность обещаниям и исключение недобросовестного поведения» [9, с. 66]. В Великобритании данный принцип был впервые выражен судьей лордом Бин-

гамом в деле *Interfoto Picture Library v Stiletto Visual Programmer Ltd* [8] как принцип честного и открытого ведения дел, существующий в различных правовых порядках. Исследователь частного права Дэвид Томас, сравнивая подходы к пониманию принципа честной деловой практики в Австралии и Великобритании, приходит к выводу, что суды Австралии более «продвинуты» в применении этого принципа и в целом с большей готовностью воспринимают новые принципы при разрешении дел [12]. Так, при разрешении конкретных дел суды Австралии (а в особенности – региона Новый Южный Уэльс) широко используют данный принцип в различных ситуациях: от рассмотрения дел, связанных с процессом переговоров сторон, до исполнения договорных обязательств.

Дела *Renard Constructions Pty v Minister of Public Works* [11] и *Burger King Corporation v Hungry Jack Pty Ltd* [2] в которых несоблюдение контрагентами обязанности по честному и открытому ведению дел послужило основой для принятия решения, стали отправной точкой в применении судами Австралии принципа честной деловой практики. Помимо этого, они важны и тем, что в каждом из них признается наличие особых обязанностей, вытекающих из этого принципа, и что неисполнение данных обязанностей может послужить поводом для обращения за судебной защитой [6, с. 87]. Считается, что именно решение по делу *Renard Constructions Pty v Minister of Public Works* лежит в основе доктрины честной деловой практики в Австралии. Дело, фабулу которого составляют отношения между Министерством государственного имущества (заказчик)

и подрядчиком «Renard Constructions Pty» в рамках контракта на строительство насосной станции, изменило представление о роли и влиянии на правоотношения принципов права в целом, и о принципе честной деловой практики в частности.

Для того, чтобы понять мотивы, которыми руководствовался судья Апелляционного суда Нового Южного Уэльса Престли при принятии решения, необходимо кратко осветить обстоятельства дела. Итак, в рамках исполнения контракта на строительство насосной станции Подрядчик допустил просрочку сдачи очередного этапа строительства, и Заказчик уведомил его о необходимости объяснить причину просрочки, так как в противном случае по условиям договора предполагалось его расторжение. Подрядчик в своем ответе сообщил Заказчику, что тот, в свою очередь, все еще не поставил материалы, необходимые для производства работ, и что после получения указанных материалов работы будут закончены в кратчайшие сроки. Однако Заказчик дал указание продолжать работы, не выполнив требования Подрядчика, что повлекло дальнейшую задержку в сроках сдачи работ (причем обязательства по поставке материалов Заказчиком и по производству работ Подрядчиком не имели формальной связи). Надзорный орган Министерства, не проинформированный должным образом Заказчиком об обстоятельствах дела и опасавшийся что задержка вызвана неудовлетворительным качеством работ, рекомендовал расторгнуть договор, используя предусмотренную возможность, со ссылкой на просрочку исполнения обязательств. Подрядчик, в свою оче-

редь, воспротивился этому и отметил, что он в состоянии продолжить работы после выполнения своих обязательств Заказчиком. Дело было передано на рассмотрение в Верховный Суд Нового Южного Уэльса и было обжаловано в Апелляционный суд.

Основным вопросом, стоящим на рассмотрении суда, был следующий: был ли обязан Заказчик действовать в соответствии с требованиями честной деловой практики и разумности (которые не воспринимались как имеющие реальное влияние на правоотношения) и не расторгать договор в ситуации, когда возможность исполнения обязательств Подрядчиком напрямую зависела от действий Заказчика. Решая этот вопрос, Апелляционный суд пришел к выводу о существовании совершенно конкретных обязательств, имеющих в своей основе представления о честной деловой практике и разумности, следовать которым необходимо вне зависимости от их закрепления в тексте договора или законе. К ним и относятся обязанности действовать в соответствии с представлениями о честной деловой практике и разумности. Стоит отметить, что при рассмотрении этого дела учитывалось и то, какие последствия будет иметь решение не только для сторон, но и для всех участников гражданского оборота в целом. Так, судья Престли в своем решении утверждает: «Идеи добросовестности, разумности, справедливости имеют большое значение сами по себе. Результатом их внедрения является то, что люди, включая судей и других юристов, из всех слоев общества, привыкают к судам, руководствующимся стандартами честной деловой практики, добросовестности, разум-

ности, применительно к договорным отношениям, что накладывает свой отпечаток на поведение всех участников таких отношений» [11]. Таким образом, это решение превратило разумность и честную деловую практику в достаточно прочный инструмент, позволяющий судам давать оценку поведению участников делового оборота.

Следующим прецедентом, вновь поднявшим вопрос о применении принципа честной деловой практики, стало дело *Burger King Corporation v Hungry Jack Pty Ltd*. Спор между сторонами возник по поводу возможного расторжения договора франчайзинга, инициированного компанией «Burger King Corporation». Предыстория дела такова, что другая компания – «Hungry Jack Pty Ltd», будучи крупнейшим франчайзи «Burger King» в Австралии, обязалась открывать четыре новых ресторана ежегодно, самостоятельно или путем заключения договора франчайзинга с третьими лицами. Условием открытия каждого ресторана являлось финансовое и организационное одобрение франчайзера. Спустя некоторое время, компания-франчайзер начала попытки освоения австралийского рынка самостоятельно, путем открытия новых ресторанов и одновременно с этим прекратила деятельность, связанную с одобрением новых ресторанов (как «Hungry Jack Pty Ltd», так и других организаций), что сделало невозможным для «Hungry Jack Pty Ltd» выполнение своих обязательств по открытию четырех новых ресторанов ежегодно. Основываясь на последнем, «Burger King Corporation» заявила о расторжении договора франчайзинга [2].

Апелляционный суд вынес единое решение об отказе в удов-

летворении требований «Burger King Corporation», основываясь на том, что франчайзер не имел права расторгать контракт, так как в свою очередь нарушил подразумеваемые условия контракта, а именно обязанность вести себя в соответствии со стандартами честной деловой практики. Для того чтобы установить наличие такой обязанности, суд обратился к прецедентной практике, включая и рассмотренное нами ранее дело, а также проанализировал то, как обязанность по честному ведению дел включается в договоры в других правовых порядках (!). В итоге суд пришел к выводу, что в данном случае обязанность по разумному и честному ведению дел присутствует в договоре, так как его условия ставят исполнение обязательств одной стороны в зависимость от воли и намерений другой [10].

Таким образом, можно смело утверждать, что австралийская прецедентная практика признает как само наличие обязательств по честному ведению дел, так и их «подразумеваемый» характер. Это означает, что даже не будучи прямо закрепленными в тексте договора, они все равно устанавливают обязанность для контрагентов вести дела честно и разумно. Противоположная ситуация складывалась в правоприменительной практике Великобритании. До недавнего времени суды отказывались признавать универсальный характер принципа честной деловой практики и порожаемых им обязательств. Так, в деле *Walford v Miles* [13] Палата Лордов, которая рассматривала дело, отвергла предположение о том, что обязанность по честному ведению дел распространяется на переговорный процесс. В деле

Bedfordshire v Fitzpatrick [1] суд отверг аргумент одной из сторон, возражавшей против расторжения контракта по причине нарушения сроков. Позиция, основанная на включенном в договор соглашения о том, что стороны будут принимать во внимание имевшиеся между ними долгосрочные деловые отношения и оказывать необходимое содействие друг другу с целью наилучшего исполнения обязательств, была оставлена без внимания судом по причине ее «слишком общего характера».

Ситуация изменилась только в последнее время. В 2010 г. дело *CPG Group Ltd v Qatari Diar Real Estate Investment Company* [4] снова выдвинуло вопрос о признании особого рода обязанностей, проистекающих из требований честной деловой практики и делового сотрудничества. Стороны договорились о совместном приобретении и реконструкции помещений футбольного клуба «Челси» в Вестминстере. Впоследствии «CPG Group Ltd» решило продать свою долю в совместном предприятии с «Qatari», в то время как разрешение на производство работ еще не было предоставлено уполномоченными органами. Наличие этого разрешения и указание разрешенных работ являлись ключевыми факторами для всего проекта, они, в том числе, определяли и цену договора купли-продажи доли «CPG Group Ltd» в совместном предприятии. Важно и то, что «Qatari» приняло на себя обязательства «предпринимать все возможные, но коммерчески обоснованные усилия, для того, чтобы достичь наилучшего результата в плане объема производимых работ».

В процессе получения разрешения возникли трудности, в результате которых не удалось согласовать полный

объем работ, что, соответственно, уменьшило покупную цену доли «CPG Group Ltd», которое обратилось в суд с требованием о взыскании убытков, так как посчитало, что «Qatari» не предприняло все возможные меры для достижения результата (получения разрешения) и нарушило обязательства, порождаемые принципом честной деловой практики. В процессе разрешения дела судья обратился к прецедентной практики Великобритании, Соединенных Штатов Америки и Австралии для того, чтобы признать наличие таких обязанностей. Эта позиция получила свое развитие в деле *Compass Group UK and Ireland Ltd v Mid Essex Hospital Service NHS Trust* [3]. Суд признал сторону виновной в нарушении обязательства, исходящего из обязанности честно вести дела и сотрудничать с контрагентом для достижения целей соглашения.

Из этих примеров становится очевидно, что прецедентная практика Великобритании постепенно движется в сторону принятия новых для нее положений, касающихся применения принципа честной деловой практики и порождаемых им обязанностей сторон вести себя соответствующим образом. Рассматривая приведенные выше подходы к применению права для разрешения дела, можно прийти к однозначному выводу, что в правовых системах Австралии и Великобритании они применяются независимо от того, хотят ли стороны быть связанными обязательствами, имеющими свое начало в представлении о добросовестности и честной деловой практике, или же нет. Это обязывает участников гражданского оборота действовать с постоянной оглядкой на то, как мо-

гут быть оценены их действия с точки зрения таких представлений в случае возникновения спорной ситуации, что является для них сильным дисциплинирующим фактором.

В то же время, обращая взгляд на отечественное законодательство, необходимо отметить, что, хотя введение принципа добросовестности в ст. 1 Гражданского кодекса РФ и является существенным шагом к повышению ответственности участников гражданских правоотношений, без дальнейшего продолжения и развития положений о добросовестности и честной деловой практике они обречены иметь декларативный характер. Для внедрения таких принципиальных положений в российской правоприменительной практике, сохраняющей тенденции к позитивистскому подходу, необходимо прямое их закрепление в тексте закона, которое позволит суду иметь формальное основание для их применения.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Bedfordshire v Fitzpatrick / LexisWeb.co.uk. [Электронный ресурс]. URL: <http://lexisweb.co.uk/cases/1998/october/bedfordshire-county-council-v-fitzpatrick-contractors-ltd> (дата обращения: 14.04.2015 г.).
2. Burger King Corporation v Hungry Jack Pty Ltd / wikiJuris [Электронный ресурс]. URL: http://wikijuris.net/cases/burger_king_v_hungry_jacks_2001 (дата обращения: 14.04.2015 г.).
3. Compass Group UK and Ireland Ltd v Mid Essex Hospital Service NHS Trust / LexisWeb.co.uk. [Электронный ресурс]. URL: <http://lexisweb.co.uk/cases/2012/march/compass-group-uk-and-ireland-ltd-ta-medirect-v-mid-essex-hospital-services-nhs-trust> (дата обращения: 14.04.2015 г.).
4. CPG Group Ltd v Qatari Diar Real Estate Investment Company / LexisWeb.co.uk. [Электронный ресурс]. URL: <http://lexisweb.co.uk/cases/2010/june/cpc-group-ltd-v-qatari-diar-real-estate-investment-company> (дата обращения: 14.04.2015 г.).
5. Dutch Civil Code / Dutch Civil Law [Электронный ресурс]. 2014. URL: <http://www.dutchcivillaw.com/civilcodebook066.htm> (дата обращения: 14.04.2015 г.).
6. Finn P. Commerce, the Common Law and Morality // Melbourne University Law Review. 1989. Vol. 17 (Iss. 1). P. 87-99.
7. German Civil Code / Bundesministeriums der Justiz und für Verbraucherschutz [Электронный ресурс]. URL: http://www.gesetze-im-internet.de/englisch_bgb/englisch_bgb.html (дата обращения: 14.04.2015 г.).
8. Interfoto Picture Library v Stiletto Visual Programmer Ltd / LegalMax [Электронный ресурс]. URL: <http://www.legalmax.info/members2/conbook/interfot.htm> (дата обращения: 14.04.2015 г.).
9. Mason A. Contract, Good Faith and Equitable Standards of Fair Dealing // Law Quarterly Review. 2000. № 116. P. 66-94.
10. Mina R. A Franchiser's Duty of Good Faith and Fair Dealing // FindLaw Australia [Электронный ресурс]. URL: <http://www.findlaw.com.au/articles/742/a-franchiser8217s-duty-of-good-faith-and-fair-deal.aspx> (дата обращения: 14.04.2015 г.).
11. Renard Construction Pty v Minister of Public Works / wikiJuris [Электронный ресурс]. URL: http://wikijuris.net/cases/renard_v_mpw_1992 (дата обращения: 14.04.2015 г.).
12. Thomas D. Contractual obligations of good faith // Construction Law International. 2012. Vol. 7 (Iss. 3). P. 31-34.
13. Walford v Miles / LegalMax [Электронный ресурс]. – URL: http://www.legalmax.info/members2/conbook/walford_.htm (дата обращения: 14.04.2015 г.).

УДК 347.91

Борисова Л.В.*Московский государственный областной университет*

О ЧАСТНЫХ И ПУБЛИЧНЫХ ИНТЕРЕСАХ В РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПОВ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация. В статье на основе анализа существующих в научной литературе точек зрения исследовано содержание понятий «частный интерес» и «публичный интерес». Обращается внимание на присущий им процесс взаимопроникновения (конвергенции), который выражен в особенностях реализации принципов правового регулирования гражданских отношений. В случае изменений норм такого регулирования переход должен осуществляться с учетом сбалансированного соотношения частных и публичных интересов, при котором использование одного не должно исключать или умалять значение другого.

Ключевые слова: частный интерес, публичный интерес, частное право, публичное право, принципы гражданского права.

L. Borisova*Moscow State Regional University*

ON PRIVATE AND PUBLIC INTERESTS IN LEGAL REGULATION OF CIVIL RELATIONSHIPS

Abstract. On the basis of the analysis of the viewpoints in modern scientific literature the concepts of «private interest» and «public interest» are studied. The author focuses on the process of their interpenetration (convergence) which is inherent and modifies legal regulation of civil relationships. In case of change of the standards of this regulation the transfer should be made with the account of a balanced ratio of public and private interests.

Keywords: private interest, public interest, civil law, public law, the principles of civil law.

В последнее время в цивилистической науке появляется все большее количество работ, посвященных исследованию проблемы разделения права на частное и публичное [11, с. 2]. При этом, как отмечается, публичное право имеет целью удовлетворение общественных (государственных) интересов, осуществляется во имя социально-служебных (публичных) прав, а право частное обеспечивает удовлетворение интересов отдельных

(частных) лиц, реализацию прав лично-свободных [1, с. 25]. Несмотря на такое объяснение, содержание понятий *частный* и *публичный интерес* в современной цивилистике остается не вполне определенным.

Одни авторы отождествляют публичные интересы с интересами государственными, которые, в свою очередь, признаются проявлением интересов общественных, поскольку государство призвано выражать волю народа. Как отмечает А.В. Костин, под

публичным интересом следует понимать «принявшую форму сознательного побуждения и проявляющуюся в жизни в виду желаний, намерений и стремлений общую и ничью в отдельности потребность всего народа и государства», только государство в своей деятельности руководствуется публичным интересом [14, с. 15–16]. Т.В. Сойфер также предлагает разделять интерес публичный и общественный. По мнению автора, о преобразовании общественного интереса в публичный допустимо говорить лишь в случае его совпадения с интересами государства, когда конкретные потребности общества могут одновременно рассматриваться и как потребности государства [17, с. 37].

Под публичным интересом нередко понимается совокупность наиболее типичных и значимых потребностей всех членов общества. Например, В.Е. Чиркин ставит публичные и общественные интересы в один ряд, указывая, что «эти интересы различны, но они могут быть в конечном счете интересами всего общества<...> или интересами определенного социального или иного слоя, который стремится определить свое, наиболее благоприятное для него место в обществе» [19, с. 92]. Но наиболее многочисленная группа ученых занимает промежуточную позицию, согласно которой публичными признаются не все общественные интересы, а лишь та их часть, которая признана государством посредством законодательного закрепления как этих интересов, так и способов их реализации и мер их защиты. Например, по мнению О.Ю. Ильиной, публичные интересы – это «признанные государством общественные ин-

тересы, выраженные в нормах права и обеспеченные принудительной силой государства» [8, с. 37]. Аналогичная позиция Л.В. Тумановой: «публичные интересы – однозначно признанные интересы, имеющие поддержку государства и правовую защиту» [18, с. 23].

В науке существуют и иные воззрения на содержание данного понятия. Так, ряд ученых (К.И. Скловский, В.А. Бублик и др.) раскрывают публичный интерес как совокупность частных интересов, утверждая, что он «отличается от частного не качественно, а количественно, выражая <...> совокупность частных интересов того или иного коллектива или социума» [16, с. 50]. Неоднозначны подходы и к определению сопряженного понятия «частный интерес». Большинство авторов определяют данный интерес как интерес, характеризующий особенности конкретной личности, относящийся к частной жизни каждого индивидуума, касающийся отдельных лиц и реализующийся, как правило, в персональном порядке, либо коллективно [9, с. 419].

Т.В. Сойфер предлагает под *частным интересом* понимать интерес, направленный на удовлетворение индивидуальных потребностей конкретного лица. Владелец такой потребности самостоятельно выбирает средства для ее реализации, формируя собственный частный интерес, действует исходя из собственной частной пользы в целях присвоения и получения определенного блага. При правовой регламентации частного интереса их носителям обычно предоставляется возможность самостоятельно и автономно определять характер своих действий, направленных на его реализацию [17, с. 37]. Д.И. Дедов так-

же определяет частные интересы как интересы конкретного лица, которые проявляются в конкретном правоотношении. При этом, по мнению автора, если такие интересы защищены правом, то эти частные интересы становятся одновременно публичными [6, с. 37]. Таким образом, исходя из содержания представленных трактовок, общим в подходах ученых является то, что интерес публичный есть интерес государства и (или) общества, тогда как частный – интерес конкретного (частного) лица.

В праве частные и публичные интересы тесно переплетены, как верно заметил Н.М. Коршунов [13, с. 117], находятся в процессе конвергенции, включающей в себя управомочивающий, запрещающий и обязывающий способы правового регулирования, направленного на стимулирование или ограничение индивидуально-волевой обусловленности возникновения, содержания и реализации прав и обязанностей участников частных и публичных сфер общественных отношений. На наш взгляд, конвергенция частных и публичных интересов весьма ярко проявляется в реализации принципов правового регулирования гражданских отношений, являющихся одним из критериев разделения права на отрасли [3; 4; 11, с. 13].

В цивилистической науке до настоящего времени не решен вопрос о составе принципов гражданского права. Наряду с основными началами, закрепленными в ст. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), в их число включаются принципы разумности [2], справедливости [7, с. 13], гуманизма [10, с. 7] и др. В свете последних изменений в

ГК РФ, остается нерешенной проблема принципов корпоративного права как подотрасли гражданского права. Вступивший в силу Федеральный закон от 30.12.2012 г. № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» определил корпоративные отношения в качестве составной части предмета гражданского права, что создает основу для включения в состав гражданско-правовых принципов разделения компетенции органов управления; пропорциональности вклада в уставный капитал объему прав участия в корпорации; приоритета интересов корпорации над интересами акционеров (участников); равенства при распределении дохода с капитала; независимости членов совета директоров и исполнительных органов корпорации и др. [12, с. 21–25]. При этом при формулировании и закреплении в ГК РФ или иных федеральных законах о юридических лицах данных принципов необходим учет обновлений отечественного гражданского законодательства. Например, в соответствии с Федеральным законом от 5.05.2014 г. № 99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации», корпоративными юридическими лицами (корпорациям) признаются не только коммерческие, но и некоммерческие организации (потребительские кооперативы, общественные организации, ассоциации (союзы), товарищества собственников недвижимости, казачьи общества, внесенные

в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации, а также общины коренных малочисленных народов Российской Федерации) (ст. 651). Данная особенность предполагает пересмотр обозначения и содержания принципов «равенства при распределении дохода с капитала», «пропорциональности вклада в уставный капитал объему прав участия в корпорации» и др.

Своеобразие корпоративных правоотношений, сочетающих в себе элементы частных и публичных отношений, позволяет участникам безоговорочно использовать общеотраслевые принципы гражданского права: равенство участников, неприкосновенность собственности, свобода договора, недопустимость произвольного вмешательства кого-либо в частные дела, обеспечение восстановления нарушенных прав, их судебной защиты и др. (ст. 1 ГК РФ «Основные начала гражданского законодательства»). Нормы действующего ГК РФ (п. 1 ст. 2, п.1 ст. 731, п.1 ст. 789, п. 3 ст. 845, п.1 ст.888 и др.) отражают и закрепляют принцип равенства участников гражданских отношений, которые не обладают друг перед другом какими-либо преимуществами. Равенство является важной характеристикой гражданских отношений, к которым метод «власть и подчинение», свойственный налоговому, финансовому, административным и иным публичным отношениям, не применяется.

Вместе с тем, в целях охраны публичных интересов в гражданском законодательстве имеются необходимые изъятия из рассматриваемого принципа. Например, ГК РФ устанавливает повышенные требования к предпри-

нимателям как профессиональным участникам гражданского оборота, закрепляет правила без виновной ответственности за вред, причиненный источником повышенной опасности, действиями (бездействиями) органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры или суда, недостатками товаров, работ или услуг и др. Аналогичные исключения характерны для принципов недопустимости произвольного вмешательства в частные дела и свободы договора. Как известно, первый из них обращен, прежде всего, к публичной власти и ее органам, прямое, непосредственное вмешательство которых в частные дела, в том числе в хозяйственную деятельность, участников имущественных отношений (товаровладельцев-собственников) допустимо только в случаях, прямо предусмотренных законом. Органы государственной власти и местного самоуправления не вправе указывать гражданам и юридическим лицам, осуществляющим предпринимательскую деятельность, какие товары (работы, услуги) им производить, на каких условиях и по каким ценам их реализовывать и т. д. В то же время, например, согласно ч. 1 ст. 152.2 ГК РФ, не являются нарушением данного принципа сбор, хранение, распространение и использование информации о частной жизни гражданина в государственных, общественных или иных публичных интересах.

Одну из важнейших идей частного правового регулирования гражданских отношений отражает принцип свободы договора. Он предоставляет его участникам возможность самостоятельно определять содержание правоотношения и устанавливать прави-

ла, действию которых оно подчиняется (ст. 421 ГК РФ). Однако всякая свобода договора, предоставляемая субъектам гражданского права, уравнивается развитием публично-правовых начал. Для яркой иллюстрации конвергенции частного и публичного интереса можно привести французскую легенду, рассказывающую о суде над человеком, который, размахивая руками, нечаянно разбил нос другому человеку. Обвиняемый, в оправдание, утверждал, что его никто не может лишить свободы размахивать своими собственными руками. Судебное решение по этому делу гласило: обвиняемый виновен, так как свобода размахивать руками одного человека заканчивается там, где начинается нос другого человека. Подобная граница в осуществлении личных интересов отражает то, что «выгодно не одному, а всем, на чем все могут сойтись», т. е. уже не личный, а некий общественный (публичный) интерес, понимаемый как разновидность социальной потребности, которая обусловлена объективным состоянием развития общества и направлена на самосохранение и дальнейшее совершенствование общества. Будучи осознан и выражен в суждении, данный интерес становится общественной целью, которая, как правило, воспринимается субъектом уже не как его личная («внутренняя»), а как некая «внешняя» [5, с. 143].

В гражданском праве подобная публичная граница определяется правилами о недопустимости заключения договора, противного закону (ст. 422 ГК РФ) и добрым нравам (п.1 ст. 1 ГК РФ). В предусмотренных законом случаях одна из сторон вправе требовать понуждения к заключению договора

(ст. 445, 527 и 529 ГК РФ). Участники договорных отношений не вправе злоупотреблять своими правами, должны осуществлять их разумно и добросовестно (ст. 10 ГК РФ). В данных правилах во многом видится действие морального регулирования гражданских отношений, внутренним гарантом которых выступает совесть человека, а внешним – общественный (публичный) интерес.

Частные и публичные интересы переплетаются и при реализации иных принципов правового регулирования гражданских отношений (добросовестности, разумности, неприкосновенности собственности и др.) [11, с. 73]. Особенно важным представляется достижение сбалансированности в их соотношении. В цивилистической науке последних лет высказываются предложения о замене жесткой презумпции императивности гражданско-правовых норм на диспозитивную. Данная проблема, например, обсуждалась при согласовании редакции норм договорного права при принятии законопроекта «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации». По мнению разработчиков, в отечественной судебной практике с советских времен закрепились жесткая презумпция императивности норм гражданского права в части регулирования договорных отношений. Законодательные положения, регламентирующие такие отношения, рассматриваются судами в качестве императивных, за исключением норм, в которых содержится оговорка, прямо закрепляющая право сторон догово-

риться об ином («если иное не установлено договором»). Таким образом, российские суды де-факто применяют нормы ГК РФ исходя из принципа императивности: запрещено все, за исключением прямо разрешенного в тексте ГК РФ. При таком подходе принцип свободы договора (право участников оборота заключать любой, пусть даже и не названный в ГК РФ договор, условия которого не были бы прямо запрещены законом) является декларацией, лишенной практического смысла [15].

В судебной практике презумпция императивности существенно повышает вероятность признания недействительным любого договора или его части, не укладывающегося в закрепленные в ГК РФ «шаблоны». Например, по делу адвокатского бюро «Бизнес-Адвокат» Адвокатской палаты Тамбовской области с иском к сельскохозяйственному производственному кооперативу «Маяк Ленина» о взыскании 200 000 рублей штрафа на основании пункта 5.4 соглашения об оказании юридической помощи Президиум Высшего Арбитражного Суда указал¹ на то, что ст. 782 ГК РФ закрепляет право заказчика и исполнителя на односторонний отказ от исполнения договора возмездного оказания услуг и условия, при которых он допускается. Согласно п. 1 этой статьи, условием отказа заказчика от исполнения обязательств по договору является оплата исполнителю фактически понесенных им расходов. Из смысла названной нормы следует, что отказ заказчика от исполнения договора возможен в любое время: как до начала исполнения услуги, так и в процессе оказания услуги. Поскольку

право сторон (как исполнителя, так и заказчика) на односторонний отказ от исполнения договора возмездного оказания услуг императивно установлено ст. 782 ГК РФ, оно не может быть ограничено соглашением сторон. Согласно п. 1 ст. 422 ГК РФ, договор должен соответствовать обязательным для сторон правилам, установленным законом и иными правовыми актами (императивным нормам), действующим в момент его заключения. Следовательно, предусмотренная пунктом 5.4 соглашения неустойка, ограничивающая право заказчика на расторжение договора, в соответствии со ст. 168 ГК РФ является ничтожной.

Свобода субъектов частного права в договорных отношениях существенно ограничена по сравнению с иными развитыми правовыми порядками. В зарубежной практике большинство норм, регулирующих права и обязанности сторон договора, являются диспозитивными. С учетом этой практики представляется приемлемым предложение о переходе в определении прав и обязанностей сторон договорных отношений от императивных норм к диспозитивным [15]. Однако такой переход должен осуществляться с учетом сбалансированного соотношения частных и публичных интересов, при котором использование одного из них не должно исключать или умалять значение другого.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Белов В.А. Гражданское право: учебник [Т. 1. Общая часть: введение в гражданское право]. М.: Юрайт, 2011. 521 с.
2. Борисова Л.В. О принципах правового регулирования корпоративных отно-

¹ Постановление Президиума ВАС РФ от 07.09.2010 г. № 2715/10 по делу № А64-7196/08-23.

- шений в свете новых изменений в ГК РФ // Вопросы правоведения. 2014. № 4 (26). С. 168–178.
3. Борисова Л.В. О структуре частного законодательства и права // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2014. № 2. С. 22–27.
 4. Борисова Л.В. Об основаниях (критериях) деления права на частное и публичное // Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2013. № 1. С. 11–17.
 5. Виниченко Ю.В. Разумность в гражданском праве Российской Федерации: дисс. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2003. 190 с.
 6. Дедов Д.И. Юридический метод: научное эссе. М.: Волтерс Клувер, 2008. 160 с.
 7. Иванова, С.А. Принцип справедливости в гражданском праве России: автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. Владимир, 2006. 45 с.
 8. Ильина О.Ю. Проблемы интереса в семейном праве Российской Федерации. М.: Городец, 2007. 192 с.
 9. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (часть первая): учебно-практический комментарий (постатейный) / под ред. А.П. Сергеева. М.: Проспект, 2010. 620 с.
 10. Кондратюк Д.Л. Нравственно-правовые принципы в гражданском праве России (на примере справедливости, гуманизма, разумности и добросовестности): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 24 с.
 11. Концепция частного и публичного права России / под ред. В.И. Иванова, Ю.С. Харитоновой. М.: Юнити-Дана, 2013. 175 с.
 12. Корпоративное право / под ред. И.С. Шиткиной. М.: Волтерс Клувер, 2008. 648 с.
 13. Коршунов Н.М. Конвергенция частного и публичного права: проблемы теории и практики. М.: Норма, 2011. 240 с.
 14. Костин А.В. Интерес публично-территориальных образований в гражданском праве (окончание) // Законодательство. 2002. № 4. С. 13–19.
 15. Проект поправок в ГК РФ: резолюция Партнерства относительно поправок в ГК (23 апреля 2012 г.) / Содействие развитию корпоративного законодательства (некоммерческое партнерство) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.civillegislation.ru/public/upload/file/resolution.pdf> (дата обращения: 12.05.2015 г.).
 16. Скловский К.И. Собственность в гражданском праве. 5-е изд., перераб. М.: Статут, 2010. 893 с.
 17. Сойфер Т.В.. Частные и публичные интересы: проблемы квалификации // Новое гражданское законодательство: баланс публичных и частных интересов: мат. для VII ежегод. науч. чтений памяти проф. С.Н. Братуся. М.: Ин-т законод. и сравнит. правовед. при Правительстве РФ, 2012. С. 25–39.
 18. Туманова Л.В. Состояние и перспективы развития законодательства о защите публично-правовых отношений. СПб.: Ун-т МВД России, 2001. 400 с.
 19. Чиркин В.Е. О понятии и классификации юридических лиц публичного права // Журнал российского права. 2010. № 6. С. 87–101.

УДК 334.7:346(470)

Васильева О. Н., Маркичева И.А.*Финансовый университет при Правительстве РФ, г. Москва***ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ АУТСОРСИНГА В РОССИИ**

Аннотация. Аутсорсингом можно признать один из способов оптимизации деятельности субъектов предпринимательской деятельности за счет концентрации усилий на основной деятельности и передачи непрофильных функций и корпоративных ролей внешним специализированным юридическим лицам (аутсорсинговым организациям). В статье рассматриваются понятие и правовая природа договора аутсорсинга. На основе анализа доктринальных критериев отнесения договора к непоименованным в гражданском законодательстве авторами делается вывод о возможности отнесения договора аутсорсинга к договорам об оказании услуг и выполнении работ.

Ключевые слова: аутсорсинг, предпринимательская деятельность, договор о выполнении работ, договор возмездного оказания услуг.

O. Vasilyeva, I. Markicheva*Financial University under the Government of the Russian Federation***THE PROBLEMS OF OUTSOURCING LEGAL REGULATION
IN THE RUSSIAN FEDERATION**

Abstract. Outsourcing can be regarded as one of the ways to optimize entrepreneurship by concentrating on the core activity and delegating non-core functions and corporate roles to external specialized legal entities (outsourcing organizations). The article considers the concept and legal nature of the outsourcing contract. The authors make a conclusion of the possibility of qualifying the outsourcing contract as a paid services agreement or an operational contract.

Key words: outsourcing, entrepreneurship, operational contract, paid services agreement.

Сегодня в российской предпринимательской практике все большую популярность приобретает такая форма взаимоотношений участников гражданского оборота, как аутсорсинг. Многие компании, стремясь к снижению экономических издержек и повышению эффективности работы, передают сторонним организациям выполнение определенных задач, бизнес-процессов и функций. В то же время, развитие технологий аутсорсинга

в России тормозится из-за несовершенства законодательной базы. Сам термин «аутсорсинг» заимствован из английского языка (outsourcing) и означает использование чужих (внешних) ресурсов. Как верно отмечал Генри Форд еще 80 лет назад, «если есть что-то, что мы не умеем делать лучше и дешевле, чем наши конкуренты, то нет смысла делать это вообще; такую работу мы должны передать тем, кто ее выполнит с заведомо лучшим результатом» [4, с. 124]. Подобным об-

разом рассуждают предприниматели и сегодня.

Итак, в общем виде аутсорсинг – это передача на договорной основе определенных функций другим организациям, выполнение ими определенных задач или бизнес-процессов, как правило (но не всегда) не являющихся частью основной деятельности компании, но необходимых для полноценного функционирования бизнеса. Как отмечает О.Н. Васильева, аутсорсинг – это разновидность оказания услуг на возмездной основе [2, с. 167]. Легальное определение договора аутсорсинга в нашей стране до сих пор отсутствует. Однако гражданское законодательство, устанавливая свободу договора, а также закрепляя положение о том, что стороны могут заключить договор, как предусмотренный, так и не предусмотренный законом или иными правовыми актами (ч. 2 ст. 421 Гражданского кодекса РФ¹), дает основание полагать, что заключение такого договора возможно и не противоречит закону.

Следует отметить, что отсутствует и единый подход к пониманию понятия «аутсорсинг» в доктрине. Более того, существуют две совершенно противоположные исследовательские точки зрения по вопросу возможности включения в российское законодательство данного института. Сторонники разработки специальных норм, регулирующих договор аутсорсинга, полагают, что аутсорсинг представляет собой самостоятельный вид отношений, а соответствующий договор обладает своими предметом и спецификой субъектного состава и

требует отдельного правового регулирования [6, с. 5]. При исследовании юридической природы договоров аутсорсинга и аутстаффинга В.С. Витко и Е.А. Цатурян пришли к противоположному выводу. По их мнению, договор «аутсорсинга» не представляет собой самостоятельный вид договора: под данной конструкцией всегда скрывается или договор о выполнении работ, или договор об оказании услуг, поэтому отношения по аутсорсингу должны оформляться в зависимости от фактического содержания этих отношений одним из указанных видов договора [3].

В свою очередь, И.Д. Котляров [7], анализируя аргументы сторонников и противников выделения договора аутсорсинга в качестве самостоятельного типа договора, приходит к выводу, что договор аутсорсинга обладает собственным предметом и может быть выделен в качестве самостоятельного вида договора, однако в рамках действующих правовых норм такое выделение невозможно. В связи с этим, предлагается регламентировать на законодательном уровне те понятия, на использовании которых базируется договор аутсорсинга (в первую очередь, понятие «передача функции») [6, с. 14]. Следует также отметить, что в настоящий момент в отечественной научной литературе не только не выработан единый подход относительно содержания понятия «аутсорсинг», но и наблюдается смешение понятий аутсорсинга и аутстаффинга. Так, И.А. Ещенко указывает на то, что в пп. 19 п.1 ст. 264 Налогового кодекса РФ упоминается возможность заключения договора аутсорсинга [5, с. 7]. Од-

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) в ред. по состоянию на 05.05.2014 г.

нако, нормы данной статьи¹ позволяют учитывать в числе прочих расходов расходы на услуги по предоставлению работниками сторонними организациями для участия в производственном процессе, регулируемому договором о предоставлении персонала, то есть договором аутстаффинга.

Не всегда верно применяют понятие «аутсорсинг» и суды, разрешая, например, споры о предоставлении персонала и именуя данные отношения аутсорсингом. Все это способствует возникновению различных затруднений в теории и правоприменительной практике. Для того чтобы разрешить существующие противоречия, видится необходимым, прежде всего, определить, какое место занимает договор аутсорсинга в системе гражданско-правовых договоров и возможно ли признание договора аутсорсинга как самостоятельного вида договора. В доктрине существует мнение, согласно которому договор аутсорсинга представляет собой самостоятельный вид и является непоименованным договором в Гражданском кодексе РФ [5, с. 8; 8, с. 98]. В то же время, как верно отмечается в литературе, критерием отнесения договора к непоименованному является невозможность отнесения этого договора к тому или иному определенному типу.

По мнению Г.Ф. Шершеневича, под непоименованными договорами следует понимать договоры, которые, хоть и появились недавно, но уже успели «сложиться в определенный тип, хотя законодательства и не дали им еще места в своей системе» [9, с. 316]. Аналогичной позиции придерживает-

ся и М.И. Брагинский, который указывает на «отсутствие урегулирования как вида, так и типа договора» как на один из признаков непоименованного договора [1, с. 46]. Иными словами, основной критерий отнесения того или иного договора к непоименованным – невозможность квалификации его правовой модели в качестве относящейся к одному из типов договоров, существующих в настоящее время. В то же время, природа договора аутсорсинга, представляющего собой оказание услуг или выполнение работ, обнаруживает определенные сходства сразу с двумя из существующих договорных моделей: о выполнении работ и об оказании услуг. Таким образом, договор аутсорсинга не может быть отнесен к непоименованным в гражданском законодательстве договорам, а для его регулирования могут быть использованы нормы о договоре подряда либо о договоре возмездного оказания услуг в зависимости от содержания конкретного правоотношения.

Данной позиции придерживаются и суды, которые, рассматривая споры из договоров аутсорсинга, отмечают, что договор аутсорсинга чаще всего представляет собой договор по возмездному оказанию услуг, взаимоотношения сторон по которому регулируются главой 39 Гражданского кодекса Российской Федерации². Таким образом, договор аутсорсинга является поименованным в Гражданском кодексе РФ договором, который, как правило, от-

¹ Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) в ред. по состоянию на 04.10.2014 г.

² См.: Постановление Двадцатого арбитражного апелляционного суда от 08.05.2009 г. № 20АП-692/2009 по делу № А62-1793/2008 (по заявлению ООО «Квадро-Ойл» к Инспекции ФНС России по Ленинскому району г. Смоленска о признании частично недействительным решения от 31.03.2008 г. № 11/98-В).

носятся к договорам об оказании услуг, но, в зависимости от содержания конкретного правоотношения, может быть отнесен и к договорам о выполнении работ. По существу, прибегая к услугам аутсорсера, организация-заказчик в его лице получает «дополнительное структурное подразделение», которое в то же время остается от него юридически независимым. На наш взгляд, аутсорсинг представляет собой скорее экономическое понятие, нежели правовое, и подразумевает передачу определенных функций другим организациям на договорной основе.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Брагинский М. Непоименованные (безымянные) и смешанные договоры // Хозяйство и право. 2007. № 9. С. 36–49.
2. Васильева О.Н. К вопросу о сущности консалтинговых услуг // Основные направления экономического, правового, гуманитарного и информационного развития современного общества: доклады междунар. научно-практич. конф. (Белек, Турция, 16–23 мая 2010 г.). Тула: Левша, 2010. С. 166–169.
3. Витко В.С., Цатурия Е.А. Юридическая природа договоров аутсорсинга и аутстаффинга. М.: Статут, 2012. 128 с.
4. Гембл П., Стоун М., Вудкок Н. Маркетинг взаимоотношений с потребителями. М.: ФАИР-Пресс, 2002. 512 с.
5. Ещенко И.А. Договор аутсорсинга в гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 31 с.
6. Ещенко И.А. К вопросу о понятии договора аутсорсинга в теории и судебной практике // Российский судья. 2008. № 3. С. 13–16.
7. Котляров И.Д. Нужен ли отдельный договор аутсорсинга? // Нотариус. 2014. № 1. С. 19–23.
8. Санникова Л.В. Обязательства об оказании услуг в российском гражданском праве. М.: Волтерс Клувер, 2007. 112 с.
9. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. М.: Спарк, 1995. 556 с.

РАЗДЕЛ IV.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 343.915

Антонян Е.А.

Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина

ПОВЫШЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ К ТРУДУ В УСЛОВИЯХ ИСПРАВИТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ*

Аннотация. В статье рассматриваются возможности повышения экономической эффективности привлечения осужденных к труду на основе изученных данных о современном состоянии производственного комплекса уголовно-исполнительной системы, о проблемах в указанной сфере, потенциальной возможности или невозможности привлечения осужденных к тем или иным работам и получении положительного экономического результата. Описываются особенности организации и условия труда осужденных в уголовно-исполнительной системе, приводятся положительные примеры эффективного функционирования специализированных производственных мощностей осужденных.

Ключевые слова: экономическая эффективность, производство в исправительных учреждениях, уголовно-исполнительная система, адаптационный центр, труд осужденных.

Ye. Antonian

Kutafin Moscow State Law University (MSLA)

INCREASING ECONOMIC EFFICIENCY OF CONVICT LABOUR AT CORRECTIONAL INSTITUTIONS

Abstract. The article considers the possibility of increasing the economic efficiency of convict labour on the basis of the studied data on the current state of the industrial complex of the correctional system, problems in this area, the potential possibility or the lack of it to attract the condemned to certain types of works and obtain a positive economic result. The author describes the features of arrangement and working conditions of prisoners in the penitentiary system and provides examples of effective functioning of specialized production capacities of the convicted.

Key words: economic efficiency, correctional institutions, penitentiary system, adaptation centre, convict labour.

* Работа проводилась за счет средств гранта РГНФ по соглашению № 14-02-00421.

The work was done at the expense of the grant agreement on RFH № 14-02-00421.

© Антонян Е.А., 2015.

Одной из проблем функционирования пенитенциарных учреждений во всем мире является повышение экономической эффективности труда осужденных. В разных странах по-разному решается эта проблема, но главным при ее решении остается создание условий для привлечения осужденных к труду на производственных предприятиях. В одних случаях пенитенциарная система сталкивается с трудностями создания самого производственного предприятия, отвечающего современным требованиям технического оснащения, в других – с обучением осужденных и подготовкой их к работе на таких предприятиях.

В отечественных исправительных учреждениях одновременно отбывает наказание порядка 674 тыс. осужденных, и из них к работам привлечены только 34 % от общего количества трудоспособных. Остальных администрация привлечь к труду (кроме бесплатного, общественно-полезного) не может по причине отсутствия самой работы (производства) или по причине неподготовленности осужденных к такой работе (отсутствия навыков, квалификации). Вместе с тем, сама проблема привлечения осужденных к оплачиваемым работам важна с позиции их исправления, поскольку они должны возместить материальный и моральный вред, причиненный своим преступным деянием. Сегодня в исправительных учреждениях содержится, по данным ФСИН России, 290 тыс. осужденных, которые имеют исполнительные листы, из которых только 70 тыс. осужденных погашают иски.

При современном состоянии развития производственной базы отечественной уголовно-исполнительной

системы, российских экономических реалий, представляется необходимым разработать основные направления развития трудоустройства осужденных на оплачиваемых работах с позиции повышения их экономической эффективности. Сегодня большинство производственных предприятий представляют собой центры адаптации осужденных или производственные мастерские, которые призваны не только обеспечить рабочими местами осужденных, но одновременно создать условия для их моральной и материальной заинтересованности в его результатах, восстановлении и закреплении профессиональных и трудовых навыков. Последнее позволит им в дальнейшем адаптироваться в обществе (в исправительных учреждениях функционирует 587 центров трудовой адаптации осужденных, а также 41 учебно-производственная и 52 лечебно-производственных мастерских).

Отечественная пенитенциарная система обладает значительными ресурсами. На производственных объектах подразделений уголовно-исполнительной системы и их партнеров ежемесячно трудится более 14 тыс. осужденных. При этом ежегодно исправительными учреждениями производится продукции, выполняется работ и оказывается услуг в объеме более 300 млрд. рублей. Значительная часть (около 50 %) выпускаемой продукции поставляется исправительными учреждениями для собственных нужд, а также по заказам министерств и ведомств (например, спецодежда). Ряд производственных предприятий отечественной уголовно-исполнительной системы являются единственными в стране изготовителями наименований сертифици-

цированных изделий машиностроения и электротехнической продукции или занимают ведущее положение в соответствующих отраслях промышленности. Это, прежде всего, производство трубопроводной арматуры, тягодутьевых машин, высоковольтных предохранителей и разъединителей, понижающих и измерительных трансформаторов, экранирующей плетенки. Главной задачей уголовно-исполнительной системы является повышение использования производственных мощностей путем модернизации производства и увеличения рабочих мест для осужденных.

В настоящее время есть положительные примеры эффективного функционирования специализированных производственных мощностей, но их главной задачей является не наращивание потенциала, а удержание имеющегося. Вместе с тем, продукция, выпускаемая на этих мощностях, востребована и конкурентна на российском рынке. Сегодня такие специализированные производственные мощности выпускают: продукцию автомобилестроения, сельхозтехники; специального оборудования для приготовления и транспортировки пищи (контейнеры, пищевые боксы, термостойкую упаковку); металлоизделия (сборно-разборные здания, металлические тары, инструмент и др.); вентиляционное, подъемно-транспортное, аварийное-спасательное и пожарное оборудование; трубопроводную арматуру, насосы и редукторы; строительные материалы и электротехническое оборудование; изделия деревообработки, корпусную и мягкую мебель; форменную и специальную одежду и обувь, металлическую фурнитуру.

Повышение эффективности производственного потенциала отечественной пенитенциарной системы невозможно без обучения осужденных профессиональным навыкам и умениям. Для этого в уголовно-исполнительной системе созданы и функционируют 333 профессиональных училища и 302 обособленных структурных подразделения, в которых ежегодно проходит обучение около 100 тыс. осужденных. Для повышения качества выпускаемой продукции, наращивания производственных мощностей предприятий уголовно-исполнительной системы наряду с созданием условий для привлечения осужденных к труду и повышения качества профессионального обучения с учетом потребностей учреждения, в котором осужденные отбывают наказание, необходимо обеспечение потребностей в рабочих кадрах по отраслям и регионам по укрупненным группам профессий, востребованных на рынке труда [1]. Следует учитывать то важное обстоятельство, что научно-технический прогресс не стоит на месте и игнорирование при планировании и совершенствовании производственной деятельности прогрессивных научно-технических разработок и технологий, новых форм и методик при организации профессионального обучения осужденных к лишению свободы, внедрения передового опыта ведет к отставанию и постепенному снижению использования производственных мощностей. Другим последствием является снижение уровня конкурентоспособности выпускаемой продукции и ее невостребованность, и как итог, закрытие производства.

Сегодня организация труда является некапиталоемким фактором повы-

шения эффективности производства. В силу особенностей уголовно-исполнительной системы (далее – УИС) актуальность приобретает научно обоснованный подход к повышению эффективности организации труда в процессе трудовой адаптации лиц, отбывающих наказание, разработка концепции труда осужденных. Реализация данных разработок невозможна без изучения теоретических и методологических положений науки организации труда и ее особенностей в УИС [4]. В условиях реформирования предъявляются новые требования к управлению производственными мощностями исправительных учреждений, что вызывает объективную потребность повышения эффективности труда – улучшения не только качества выпускаемой продукции, ее конкурентоспособности, но и организации труда при изготовлении этой продукции [2]. Вопросы организации труда, культуры производства приобретают особую значимость в экономике знаний, потому что задачи управления внутренними процессами организации становятся более сложными. Вместе с тем очевидно, что эти сложности во многом обусловлены особенностями организации и условиями труда осужденных в уголовно-исполнительной системе, к числу которых можно отнести: ограниченность территории, режимные требования, отсутствие квалифицированной рабочей силы, дефицит профессионально-педагогических кадров и др.

Данные особенности определяют и эффективность деятельности центров трудовой адаптации осужденных, и их влияние на трудовой процесс. Должны быть разработаны правовые рекомен-

дации для законодателя, влияющие на социальные нормы организации труда осужденных в местах лишения свободы, отражающиеся в заключении трудовых договоров, разрешении индивидуальных трудовых споров, разграничении ответственности, определении труда как права, социального обеспечения и др. В настоящее время редкий работодатель открывает двери для бывших осужденных, и, тем более, для лиц, находящихся в местах лишения свободы. И хотя практически все они могут и хотят работать, предприниматели не спешат заключать с ними трудовые договоры. Для многих работодателей граждане ближнего и дальнего зарубежья привлекательнее, чем их же соотечественники, имеющие в документах отметку о пребывании в местах лишения свободы или состоящих на учете в уголовно-исполнительной инспекции. Имеется насущная потребность соблюдать принцип приоритета национальных трудовых ресурсов на рынке труда, несмотря на понятную обеспокоенность при принятии на работу таких лиц со стороны работодателя.

Длительное время производственный сектор УИС развивался, в основном, за счет кооперационных связей, партнерами по которым являлись автомобильные заводы, МПС, Россельхозмаш и многие другие производства, которые безвозмездно строили в колониях цеха, поставляли оборудование и технологии, обеспечивали заказами и, в конечном итоге, позволяли создать имеющуюся базу, которая существует по сей день. Даже в период максимального развития производства, в УИС самостоятельно новые виды производства не создавали, так как это было

создано на основе ранее по линии кооперации. Что же происходит сейчас: с одной стороны, износ технологического оборудования (более 60 %) с нарастанием технологической отсталости собственного производства, отсутствием возможности модернизации; с другой стороны, обеспеченность услугами на уровне 20–23 %, что равносильно отсутствию положительной динамики.

На сегодняшний день единственная реальная возможность получить современное эффективное производство – это сотрудничество с коммерческими структурами, по которому есть весьма немногочисленные положительные примеры. Вместе с тем, интерес к пенитенциарным учреждениям у предпринимателей есть: готовая инфраструктура выглядит достаточно привлекательно. Но есть такое понятие, как *инвестиционный климат*: насколько комфортно чувствует себя инвестор, то есть тот, кто вкладывает деньги. В этом направлении можно выделить несколько проблем. Во-первых, имеют место неурегулированные договорные отношения (например, пришел предприниматель, отремонтировал на свои деньги помещение, поставил оборудование, а через год расторгли с ним договор; соответственно, он, предвидя это, пытается через завышение стоимости услуг окупить свои расходы в течение года). Соответственно, возникает конфликт интересов – в УИС считают, что предприниматели мало платят. В ряде случаев оперативно-режимные службы начинают демонстративно подвергать личному досмотру на КПП сотрудников коммерческих фирм, служба охраны может позволить себе не запустать длительное время

автотранспорт, за простой которого, соответственно, платит коммерсант и т. д. Во-вторых, финансово-экономические службы, рассчитывая расценку на услуги при незагруженных мощностях, запросто включают в расходы все убытки учреждения; в результате услуги, предлагаемые учреждениям, не конкурентоспособны. В-третьих, большинство предпринимателей отмечают, что к ним сотрудники относятся предвзято: «Вы пришли, чтобы на нас деньги зарабатывать».

Анализ господдержки, оказываемой региональными органами власти развитию собственного производства, показал: только за 2012 г. учреждения и органы, исполняющие уголовные наказания, получили ее в размере 65 млн. рублей. Это никак не повлияло на объемы производства и трудовую занятость (если это не швейное оборудование, все остальное лежит мертвым грузом из-за отсутствия заказов). Это при том, что УИС получит ресурсы на модернизацию производств по аналогичной программе, действующей до 2015 г. На сегодняшний день необходимо пересмотреть свои отношения с коммерческими структурами – это единственный фактор, который позволит развиваться производственному сектору УИС [3]. Для обеспечения устойчивой работы производственного сектора УИС, эффективной организации труда осужденных и повышения эффективности их труда в условиях продолжающегося реформирования уголовно-исполнительной системы необходимо:

– создать новую структуру служб нормирования труда в УИС, в качестве основания для построения эффективной системы организации труда

осужденных с учетом особенностей исправительных учреждений, а также системы управления трудом осужденных;

- провести работу по укреплению и развитию материально-технической базы производственного сектора УИС с целью создания дополнительных рабочих мест для трудоустройства осужденных;

- обеспечить стабильную загрузку исправительных учреждений заказами на поставку продукции как для государственных и муниципальных нужд, так и для коммерческих организаций;

- выделить особенности в организации труда осужденных в уголовно-исполнительной системе, а также в характере их труда;

- обеспечить развитие и совершенствование системы профессионально-технического обучения осужденных с учетом ситуации, складывающейся на региональных рынках труда;

- устранить несоответствия и противоречия ряда положений гражданского, налогового, трудового и уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации, а также отдельных нормативных правовых актов, регламентирующих государственную политику в сферах управления производством и деятельности органов и учреждений, исполняющих уголовные наказания.

Реализация данных мероприятий позволит создать единые нормы труда, которые будут способствовать выдвиганию реальных требований к работе, выполняемой осужденными. Также это позволит заключенным обеспечить эффективное поддержание трудовых навыков и даст возможность освоения востребованных при освоении профессий. При этом со-

хранится имущественный комплекс и кадровый потенциал производственного сектора УИС, необходимый для исполнения требований действующего законодательства по обязательному привлечению осужденных к труду с целью их профессиональной подготовки в условиях изменения существующей организационно-правовой формы предприятий исправительных учреждений. Эти мероприятия позволят оптимизировать структуру производственного сектора УИС эффективной организацией труда осужденных с учетом задач, возложенных на уголовно-исполнительную систему действующим законодательством Российской Федерации. К другим положительным последствиям относятся возможности:

- эффективно использовать имеющийся промышленный потенциал для устойчивого функционирования исправительных учреждений, дальнейшего развития системы самообеспечения потребностей УИС в продуктах питания, вещевом имуществе, строительных материалах, продукции коммунально-бытового и специального назначения;

- усиления воспитательной направленности труда, профессионального обучения, ориентации трудовой деятельности осужденных на формирование и развитие стремлений к занятию общественно-полезной деятельностью, на повышение собственного образовательного и культурного уровня;

- для осужденных, повышающих уровень образования, более осознанно относиться к процессу исправления, правильнее воспринимать режимные требования;

- получить осужденным специальность, по которой может быть предо-

ставлена работа в исправительном учреждении, а главное – специальность, пригодную для трудового образа жизни после освобождения.

Предприятия исправительных учреждений всегда работали в условиях недофинансирования, отсутствия материально-технических ресурсов и собственных оборотных средств. Задолженность некоторых предприятий измеряется миллионами рублей. Поэтому от организации трудовой деятельности осужденных в какой-то мере зависит материальное положение этих учреждений в целом.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Антонян Е.А. Привлечение осужденных к труду в пенитенциарных учреждениях зарубежных стран // Человек: преступление и наказание. 2004. № 3 (47). С. 91–94.
2. Антонян Е.А., Перемолотова Л.Ю. Привлечение осужденных к труду и оценка его эффективности. Рязань: Академия ФСИН России, 2014.
3. Доклад начальника управления трудовой адаптации осужденных ФСИН России генерал-майора внутренней службы А.П. Сорокина на Всероссийском совещании заместителей начальников территориальных органов ФСИН России, курирующих вопросы трудовой адаптации осужденных, руководителей финансово-экономических служб и директоров ФГУП ФСИН России (г. Челябинск, 28 мая 2013 г.) / Федеральная служба исполнения наказаний [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fsin.su/structure/adaptation/soveshchanie-chelyabinsk-28-05-2013/index.php> (дата обращения: 12.05.2015 г.).
4. Емельянова Е.В. Социально-правовые и организационные аспекты труда осужденных в системе исполнения уголовных наказаний современной России. М.: НИИ ФСИН России, 2008.

УДК 34.096

Галушкин А.А.*Международный институт информатизации и государственного управления
им. П.А. Столыпина, г. Москва*

КИБЕРШПИОНАЖ – УГРОЗА СОВРЕМЕННОМУ ИНФОРМАЦИОННОМУ ОБЩЕСТВУ*

Аннотация. В статье рассмотрена одна из наиболее актуальных проблем современного информационного общества – кибершпионаж. Приведены результаты анализа различных аспектов кибершпионажа, и на его основе выдвинуты организационно-правовые предложения по противодействию ему исследуемому виду правонарушений. По мнению автора, последнее может способствовать обеспечению режима законности и правопорядка. В частности, отмечается целесообразность создания специализированной службы, способной отвечать меняющимся вызовам современного информационного общества, наделенной необходимыми кадровыми и материально-техническими ресурсами для оперативной компетентной реализации своих узкоспециализированных полномочий в рамках специальной подсудности.

Ключевые слова: информационная безопасность, информационное общество, компьютерная преступность, кибершпионаж.

A. Galushkin*International Institute of Informatization and Public Administration
Named after P.A. Stolypin, Moscow*

CYBERESPIONAGE – THREAT TO MODERN INFORMATION SOCIETY

Abstract. The article deals with one of the most acute problems of modern information society – the problem of cyberespionage. The author analyzes various aspects of cyberespionage and makes some organizational and legal propositions to counteract cyberespionage. One of them is the creation of a special service capable of meeting the challenges of modern information society and possessing necessary labour resources and technical facilities to implement its tasks within special jurisdiction.

Key words: information security, information society, cybercrime, cyberespionage.

«Каждое из направлений развития информационного общества, – справедливо отмечает профессор И.Л. Бачило, – касается реализации прав и интересов человека и ответственно-

сти субъектов, нарушающих установленный порядок противоправными действиями и бездействиями, а также деятельности правоохранительных и судебных органов в области защиты прав человека и гражданина в пределах, реализующих их компетенцию и правовой статус» [2, с. 169]. На протя-

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента РФ № МК-4283.2015.6.

© Галушкин А.А., 2015.

жении многих лет в Российской Федерации, как и во многих странах мира, по мнению автора, на государственном уровне не уделялось достаточно внимания вопросам правового регулирования порядка использования информационных технологий. В силу этого за противоправные действия фактически отсутствовала ответственность.

Еще меньше внимания уделялось вопросам профилактики правонарушений, предотвращения преступлений и их расследования. Если говорить о правовом регулировании деятельности в российском сегменте глобальной информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (далее – РуНЕТ), то за многие годы слабого правового режима возникла среда с очень низкой правовой культурой и многими проявлениями режима беззакония. «Излишне говорить, какое значение для поддержания правопорядка в рамках государства и в межгосударственных отношениях имеет единообразие понимания толерантности, уважения личности и имиджа государства, обеспечения правовой защиты религиозной, этнической культуры многонационального социума планеты» [5, с. 45].

С развитием информационных технологий стали разрабатываться инструменты для шпионажа с использованием как специализированных устройств, так и программного обеспечения. В отличие от классических методов разведки и шпионажа, новые технологии внесли в них существенные коррективы. В настоящее время иногда невозможно установить, кто именно разработал то или иное программное обеспечение для проведения разведывательных действий в сфере высоких

технологий (кибершпионажа). Разработчиками подобного специализированного программного обеспечения являются и частные лица, и организации различной организационно-правовой формы, с различными источниками финансирования (в том числе, в отдельных случаях, и с государственным участием). Часто лица, разработавшие программное обеспечение или специальное оборудование, не являются теми же лицами, которые его используют для осуществления кибершпионажа. Это затрудняет, а иногда делает невозможным, идентификацию лиц, осуществляющих кибершпионаж, и как результат – их привлечение к установленной форме ответственности. Подобная практика приводит к тому, что заинтересованные лица чаще всего самостоятельно изыскивают методы противодействия проявлениям кибершпионажа в каждом конкретном случае. Последние включают в себя классические методы повышения информационной защищенности объектов, а также специализированные методы кибер-контрразведки.

В отличие от встречающегося мнения, что объектами нападения в кибершпионаже являются международные, межгосударственные, государственные органы, организации и учреждения, на деле объектами часто оказываются коммерческие компании и предприятия. Однако, по каким-то причинам этому обстоятельству не уделялось должного внимания, особенно если это не было связано с хищением государственной тайны. Кибершпионы нередко ставят целью кражу массива информации, поскольку такие действия позволяют получать большое количество персональных данных и/или коммерчески значимой

информации. Целью может также быть изменение или удаление определенной информации, что позволяет устранить компрометирующие сведения, создать положительную (отрицательную) историю или, к примеру, создать определенные условия для совершения другого противоправного действия.

Кибершпионы стремятся похитить финансовую информацию в «условиях глобализации, когда информационные финансовые отношения не знают территориальных границ, а международных соглашений о пределах юрисдикций государств все еще нет» [7, с. 236]. Целью хищения нередко становятся не сами денежные средства, а информация (к примеру, не опубликованный годовой отчет), которая может позволить, к примеру, «сыграть» на акциях компании. Принимая во внимание, что благоприятное состояние информационной жизни общества является «условием, без которого невозможно ожидать социально-полезного результата от идеи и процессов формирования информационного общества» [3, с. 32], а также тот факт, что «в качестве новых угроз экономической безопасности в условиях информационной экономики» все чаще рассматривается «кибершпионаж» [9, с. 28], необходимо создание адекватного комплекса механизмов по своевременному выявлению киберугроз.

Необходимо понимать, что сама киберугроза «может быть как неумышленной, так и намеренной, нацеленной или не нацеленной, она может исходить из множества различных источников, включая иностранные государства, осуществляющие шпионскую деятельность и информационные вой-

ны, преступников, хакеров, создателей вирусов, определенных сотрудников и подрядчиков, работающих в организации» [11, с. 119]. В зависимости от указанных особенностей необходимы различные подходы. С нашей точки зрения, наибольшую опасность представляет преднамеренный, осознанный кибершпионаж. «Мотивами для этих нападений, по-видимому, являются возможности совершения кражи и совершения акта промышленного шпионажа против стран и коммерческих конкурентов. Нападение на компании и организации в финансовом и даже политическом секторе позволяет получить доступ к ценным разведанным в этих областях» [14, с. 50].

Работа по пресечению намеренных противоправных действий видится невозможной без четкого понимания наиболее значимых политических факторов развития компьютерной преступности. К «числу наиболее значимых политических факторов, определяющих развитие компьютерной преступности в Российской Федерации, следует отнести: 1) развитие хактивистского движения как политического протестного движения против государственного контроля в глобальной информационной сети «Интернет» и против соблюдения государством информационных прав человека; 2) причинение вреда государственным интересам, деятельности механизма государственной власти Российской Федерации вооруженными силами враждебных стран, путем использования вредоносных компьютерных программ в качестве информационного оружия; 3) деятельность спецслужб иностранных государств в отношении российских органов власти, учреждений, предприятий для получе-

ния информации геополитического, военно-технического, дипломатического и иного стратегического характера, т. е. «кибершпионаж» [6, с. 41]. Особое значение указанные проблемы приобретают для Российской Федерации с учетом фактического отсутствия эффективно функционирующего, закрепленного на законодательном уровне правового механизма обеспечения информационной безопасности, существенного отставания России от большинства развитых государств и ряда государств с переходной экономикой по уровню внедрения информационно-коммуникационных технологий [8, с. 4].

Как отмечают специалисты, «существует много случаев кибершпионажа, которые никогда не будут известны, и все-таки шпионаж существует для того, чтобы никогда не быть выявленным. К счастью, было несколько случаев кибершпионажа, которые были не только обнаружены, но также заявлены, и в некоторых случаях проанализированы» [10, с. 5]. Однако, «существование и развитие любой отрасли права связано с реальным состоянием общества. Это прослеживается на истории классических отраслей права: гражданского, уголовного, административного, конституционного. Правовая система – это живая область позитивного права. Она, будучи регулятором общественных отношений в своей совокупности, сама подвержена влиянию динамики экономических, социальных, политических условий жизни социума» [1, с. 95]. По аксиоме, «информационное общество может быть таковым только при условии, что оно является обществом гражданским, социальным, демократическим и правовым» [4, с. 54].

В силу своей природы кибертерроризм и кибершпионаж «бросают вызов областям исследования частично из-за крупного масштаба действий и событий, имеющих место» [12, с. 42]. Подобная особенность кибершпионажа, на наш взгляд, делает единственно возможным и целесообразным консолидацию усилий по обеспечения национальной информационной безопасности в одной федеральной службе. «Слабые места в информационной безопасности продолжают существовать до тех пор, пока развиваются новые технологии для обхода систем безопасности, однако компании могут внедрить последовательную систему управления информационной безопасностью <...>. Шаги могли бы включать внедрение ряда решений: политики безопасности предприятия, программы осведомленности о безопасности, обучение пользователей в сфере безопасности и средств устрашения» [13, с. 30]. Создание подобной службы позволит организовать единые подходы по обеспечению режима безопасности и правопорядка на национальном уровне, а в случае наличия должной политической воли и международной конъюнктуры – на международном уровне.

В условиях сложной экономической ситуации немаловажными являются консолидация материальных ресурсов и кадрового состава. Это позволит при условии создания должных организационно-правовых механизмов обеспечить необходимый режим национальной информационной безопасности, эффективно использовать бюджетные средства и имеющийся кадровый потенциал, эффективно противодействовать актам кибершпионажа, а также иным угрозам национальной информационной безопасности. По мнению

автора, такая служба должна быть наделена широкими полномочиями в соответствии с российским Кодексом об административных правонарушениях и Уголовным-процессуальным кодексом. Подобный подход позволит создать «живую» структуру, способную отвечать меняющимся вызовам современного информационного общества. Наделенная необходимыми кадровыми и материально-техническими ресурсами для оперативной компетентной реализации своих узкоспециализированных полномочий в рамках специальной подследственности, такая служба положительно повлияет на состояние информационной защищенности, уровне законности и правопорядка в российском сегменте национально информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бачило И.Л. Исчерпаны ли конституционные основы развития информационного общества и информационного права // Государство и право. 2013. № 12. С. 95–108.
2. Бачило И.Л. Обеспечение безопасности интернет-среды: правовые методы и толерантность отношений против киберпреступности // Право цифровой администрации в России и во Франции: сб. мат. российско-франц. междунар. конф. (г. Москва, 27–28 февр. 2013). М.: Конон-плюс, 2014. С. 168–177.
3. Бачило И.Л. О законодательстве в информационной сфере отношений // Информационное общество. 2001. № 4. С. 25–32.
4. Бачило И.Л. О неизбежном продолжении разговора о публичных услугах и более общих проблемах организации государственного управления (по поводу статьи И.Н. Барцица) // Государство и право. 2014. № 4. С. 53–57.
5. Бачило И.Л. Право и закон: инфокоммуникативный аспект // Труды ин-та государства и права РАН. 2013. № 4. С. 37–47.
6. Евдокимов К.Н. Политические факторы компьютерной преступности в России // Информационное право. 2015. № 1. С. 41–47.
7. Тедеев А.А. Социально-экономическая и интеграционная роль регламентации валютных операций в финансовой политике стран СНГ в условиях развития интернет-технологий // Бизнес в законе: экономико-юридический журнал. 2010. № 3. С. 236–238.
8. Тедеев А.А. Ценностные ориентиры государственной инновационной политики в сфере обеспечения устойчивого развития электронного бизнеса в России // Финансы и кредит. 2012. № 14. С. 2–6.
9. Ческидов М.А. Влияние развития информационной экономики на экономическую безопасность государства // Вестник Саратовского гос. соц.-экон. ун-та. 2013. № 3. С. 28–33.
10. Adkins G. Red Teaming the Red Team: Utilizing Cyber Espionage to Combat Terrorism // J. of Strategic Security. 2013. Vol. 6 (№ 3, Suppl.). P. 1–9.
11. Ghari W., Shaabi M. Cyber Threats In Social Networking Websites // International J. of Distributed and Parallel Systems. 2012. Vol. 3 (№ 1). P. 119–126.
12. Luppigini R. Illuminating the Dark Side of the Internet with Actor-Network Theory: An Integrative Review of Current Cybercrime Research // Global Media J. (Canadian Edition). 2014. Vol. 7 (№ 1). P. 35–50.
13. Opala O.J., Rahman S.M. Corporate Role in Protecting Consumers from the Risk of Identity Theft // International J. of Computer Networks & Communications. 2013. Vol. 5 (№ 5). P. 19–33.
14. Siboni G., Y.R. What Lies behind Chinese Cyber Warfare // Military and Strategic Affairs. 2012. Vol. 4 (№ 2). P. 49–64.

УДК 343.8

Грушин Ф.В.*Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, г. Рязань***УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ**

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные аспекты уголовно-исполнительного законодательства, относящиеся к вопросам повышения его эффективности. С учетом избранного подхода анализируются такие виды уголовных наказаний, как арест, принудительные работы, а также мера пресечения, предусмотренная Уголовно-процессуальным кодексом, в виде домашнего ареста. В дополнение к теме приводятся некоторые статистические данные по развитию уголовно-исполнительного законодательства. На основании проведенного анализа предлагаются варианты повышения качества этой отрасли российского законодательства.

Ключевые слова: уголовно-исполнительное законодательство, принудительные работы, арест, домашний арест, меры пресечения.

F. Grushin*The Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan***CRIMINAL EXECUTIVE LEGISLATION: CURRENT STATUS AND IMPROVEMENT PROSPECTS**

Abstract. This article discusses some aspects of criminal enforcement legislation, including the issues of improving its efficiency. The author analyzes such types of criminal punishment as arrest, forced labor, as well as a preventive measure under the Criminal procedure code, in the form of house arrest. In addition, the paper analyzes the statistical moments of criminal executive legislation of the Russian Federation. Some options to improve the quality of the sector in question are suggested.

Key words: criminal enforcement legislation, forced labor, arrest, house arrest, preventive measures.

Анализ действующего уголовно-исполнительного законодательства РФ с большой вероятностью позволяет утверждать о его недостаточной эффективности. Во-первых, вызывает сомнение качество действующего уголовно-исполнительного законодательства. Так, с момента принятия Уголовно-исполнительного кодекса (УИК

РФ) в 1997 г. в общей сложности было принято семьдесят семь федеральных законов, в той или иной степени внесших в него изменения. В среднем изменения в УИК РФ принимаются более четырех раз в год. Количество принятых за это время подзаконных нормативных правовых актов, направленных на регулирование правоотношений в уголовно-исполнительной

© Грушин Ф.В., 2015.

сфере, вообще не поддается подсчету. Такая путаница с основным нормативным правовым актом, а также с подзаконными нормативными правовыми актами, регулирующими порядок исполнения уголовных наказаний, едва ли может положительно сказаться на эффективности работы отдельных учреждений и всей уголовно-исполнительной системы в целом. В ситуации, когда правовая база меняется по несколько раз в год, вряд ли можно требовать от учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, стабильного и качественного выполнения своей работы.

Во-вторых, эффективность принимаемых положений вызывает большую озабоченность и сомнения в их дальнейшей реализации. Например, с момента принятия УИК РФ и до настоящего времени, то есть более восемнадцати лет, в кодексе содержатся нормы, регулирующие исполнение такого вида уголовного наказания, как арест. Однако до сих пор арест так и не был введен в действие. Если в начале еще принимались нормы, откладывающие введение ареста, сначала – до 2001 г., а затем и до 2006 г., то сейчас данное наказание просто «висит мертвым грузом» в УК РФ и УИК РФ. Не вдаваясь в спор относительно возможной эффективности наказания в виде ареста, в любом случае наличие «мертвых норм» позволяет говорить о недостаточном качестве отечественных криминальных кодексов.

Кроме того, Федеральным законом от 07 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» в отечественную систему

уголовных наказаний было включено новое наказание – принудительные работы. Однако введение его в действие, в силу различных причин, было отложено вначале на 1 января 2013 г., а затем и на 1 января 2017 г. О проблемах введения в действие принудительных работ писали и говорили неоднократно [1; 2]. С учетом отсутствия финансирования на строительство исправительных центров, в которых, по действующему законодательству, осужденные должны отбывать наказание, а также принимая во внимание тот факт, что значимых отличий в порядке исполнения наказания в виде принудительных работ в исправительных центрах и условиях отбывания наказания в виде лишения свободы в колониях-поселениях не имеется. Высока вероятность того, что принудительные работы, так же, как и сейчас арест, будут наказанием только «на бумаге». Следует согласиться с мнением профессора В.И. Селиверстова, который, анализируя арест и принудительные работы, утверждал, что «имеющийся опыт введения новых видов наказаний свидетельствует о явной бесперспективности этого пути с учетом экономического положения государства» [3, с. 58].

В-третьих, заслуживает отдельного рассмотрения вопрос о содержании уголовно-исполнительного законодательства, которое определено в ч. 2 ст. 2 УИК РФ. Редакция данной нормы, начиная с момента принятия УИК РФ в 1997 г., не претерпела ни единого изменения. Вместе с тем современное развитие общественных отношений в сфере борьбы с преступностью показывает необходимость пересмотра подхода в определении содержания

уголовно-исполнительного законодательства. В первую очередь, на наш взгляд, это касается правоотношений, связанных с исполнением мер пресечения, предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом РФ.

Так, в частности, до сих пор не определены место и вид правоотношений, регулирующих вопросы содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений. Существует как минимум три точки зрения о месте данных правоотношений в отечественной правовой системе. Первая состоит в том, что эти правоотношения являются уголовно-процессуальными с учетом следующих положений: мера пресечения в виде заключения под стражу определена в УПК РФ; подозреваемые и обвиняемые являются субъектами уголовно-процессуальных правоотношений. Вторая гласит: их необходимо выделить в самостоятельную отрасль права (например, «Стражное право»), так как существует совокупность нормативных правовых актов, регулирующих данные правоотношения во главе с Федеральным законом от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»; существуют специальные субъекты самостоятельных правоотношений в виде учреждений, следственных изоляторов, с одной стороны, и подозреваемых и обвиняемых, с другой. Согласно третьей, рассматриваемые правоотношения необходимо отнести к уголовно-исполнительным. Мы придерживаемся данной точки зрения по следующим причинам:

– следственные изоляторы структурно входят в уголовно-исполнительную систему;

– порядок и условия содержания под стражей весьма схожи с порядком и условиями исполнения лишения свободы, например, в тюрьмах;

– помимо подозреваемых и обвиняемых, в следственных изоляторах содержатся и осужденные (оставленные для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию), которые являются субъектами уголовно-исполнительных правоотношений;

– в настоящее время при многих исправительных учреждениях созданы так называемые ПФРСИ (помещения, функционирующие в режиме следственного изолятора);

– правоотношения, возникающие при исполнении меры пресечения в виде заключения под стражу, изучаются во всех вузах страны в рамках учебной дисциплины «Уголовно-исполнительное право».

Помимо содержания под стражей, после принятия Федерального закона от 07 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации», на уголовно-исполнительную систему было возложено исполнение еще одной меры пресечения в виде домашнего ареста. В соответствии с ч. 10 ст. 107 УПК РФ контроль за нахождением подозреваемого или обвиняемого в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением им наложенных судом запретов и (или) ограничений осуществляется федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим правоприменительные функции, функции по контролю и надзору в сфере исполнения уголовных наказаний в отношении осужденных. На

основании Постановления Правительства РФ от 23 апреля 2012 г. № 360 «О некоторых вопросах деятельности уголовно-исполнительных инспекций» на данные учреждения была возложена функция по контролю за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением ими наложенных судом запретов и (или) ограничений. К сожалению, до сих пор не определен ведомственной инструкцией предусмотренный УПК РФ порядок осуществления контроля за лицами, в отношении которых применен домашний арест.

Таким образом, на уголовно-исполнительную систему Российской Федерации помимо функций, связанных с исполнением уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера, предусмотренных УК РФ, возложены и функции по исполнению таких мер пресечения, как заключение под стражу и домашний арест, предусмотренных УПК РФ. В содержание уголовно-исполнительного законодательства, в действующей редакции УИК РФ, исполнение данных мер не входит. На основании изложенного, заслуживает отдельного рассмотрения вопрос, связанный с возможным расширением содержания уголовно-исполнительного законодательства, а именно включением в него порядка исполне-

ния отдельных мер пресечения, предусмотренных УПК РФ. Это далеко не полный перечень проблем, связанный с функционированием действующего уголовно-исполнительного законодательства РФ. Вопросы повышения его эффективности требуют дальнейшего рассмотрения и анализа в рамках самостоятельного исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев Т.Г., Маликов Б.З. Уголовно-правовые проблемы принудительных работ // Актуальные проблемы уголовно-исполнительного права и исполнения наказаний: мат. межд. науч.-теорет. семинара, посвящ. памяти проф. Н.А. Стручкова и М.П. Мелентьева (г. Рязань, 19 апр. 2013 г.). Рязань: Академия ФСИН России, 2013. С. 20–25.
2. Лядов Э.В. Принудительные работы: отдельные вопросы законодательной регламентации // Организация исполнения уголовного наказания в виде принудительных работ: сб. мат. науч.-практ. конф. (г. Москва, 20 сент. 2012 г.). Рязань: НИИ ФСИН России, 2012. С. 48–54.
3. Селиверстов В.И. Проблемы кодификации уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации // Актуальные проблемы теории и практики противодействия преступности в современной России: мат. межд. науч.-практ. конф. (г. Москва, 27 февр. 2013 г.). М.: Изд-во СовГА, 2013. С. 45–64.

УДК 343.211.6

Колчевский И.Б.*Научно-производственное объединение
«Специальная техника и связь» МВД России, г. Москва***Меликов Э.М.***Российский государственный университет правосудия, г. Москва*

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ИСКЛЮЧАЮЩИЕ РЕЦИДИВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ПРОБЕЛЫ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Аннотация. В статье раскрывается содержание понятия рецидива, освещены различные обстоятельства исключающие рецидив преступлений. Проанализированы пробелы в законодательстве и пути их устранения, в том числе различные точки зрения. Обоснована необходимость дополнения ч. 1 ст. 63 Уголовного кодекса Российской Федерации таким обстоятельством, отягчающим наказание, как наличие у лица судимости за ранее совершенное преступление при отсутствии рецидива. Проблемы института рецидива рассматриваются с учетом применения системного подхода к мерам уголовной репрессии.

Ключевые слова: уголовное право, рецидив преступления, судимость, квалификация преступления.

I. Kolchevsky*Research and Production Association "Special Engineering and Communications"
of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow***E. Melikov***Russian Academy of Justice, Moscow*

CIRCUMSTANCES EXCLUDING RECIDIVISM: LOOPHOLES IN LEGISLATION AND WAYS OF SOLUTION

Abstract. The article refers to the concept of recidivism. The circumstances excluding recidivism are specified. The loopholes in legislation are analyzed and the solutions to cover them are suggested from different points of view. The necessity is substantiated to integrate an annex for punishment strengthening (for former convicts with no recidivism in the past) into Section 63 of Part 1 of the Criminal Code of the Russian Federation. The issues of recidivism are considered through the prism of systemic approach to crime repression measures.

Key words: criminal law; recidivism; previous conviction, qualification of crime.

Уголовный кодекс Российской Федерации¹ (далее – УК РФ) определя-

ет рецидив преступлений как совершение умышленного преступления лицом, имеющим судимость за ранее совершенное умышленное преступление (ст. 18 УК РФ). Следует обратить

© Колчевский И.Б., Меликов Э.М., 2015.

¹ В статье используется редакция действующего Уголовного кодекса Российской Федерации по состоянию на 24 ноября 2014 г.

внимание на то, что при признании рецидива не учитываются умышленные преступления, совершенные лицом до 18 лет, и те, судимость за которые снята либо погашена. Такое законодательное положение существовало и в УК РСФСР 1960 г. при признании лица особо опасным рецидивистом, а также в первой редакции УК РФ 1996 г. Данное положение вполне логично, поскольку снятая либо погашенная судимость аннулирует все негативные правовые последствия, связанные с судимостью, и лицо считается несудимым.

Несомненно, совершение преступления до восемнадцатилетнего возраста не характеризует виновного как личность, представляющую повышенную общественную опасность в силу еще недостаточно сформированных асоциальных взглядов, привычек и несложившейся неисправимости. Отказ законодателя от учета умышленных преступлений, совершенных лицом до 18 лет, при признании рецидива, с одной стороны, реализует гуманистические начала уголовной политики в отношении несовершеннолетних. Но с другой стороны, полное исключение влияния факта совершения умышленного преступления в несовершеннолетнем возрасте на назначение наказания за преступление, совершенное вновь, создает условия если не безнаказанности, то нивелирования принципа дифференциации уголовной ответственности. Эта позиция законодателя подвергается справедливой критике. Например, В.Е. Южанин и А.В. Армашова предлагают учитывать при признании рецидива те умышленные преступления, совершенные лицом в несовершеннолетнем возрасте,

за которые оно отбывало наказание в воспитательной колонии, при этом отрицательно характеризовалось в период отбывания наказания и переводилось по достижении совершеннолетия в «изолированный участок воспитательной колонии, функционирующий как исправительная колония общего режима, или исправительную колонию общего режима» [11, с. 34].

Выборочный учет умышленных преступлений, совершенных в возрасте до 18 лет, для признания рецидива, по нашему мнению, носит сугубо оценочный характер. Для исключения формирования негативных личностных качеств несовершеннолетнего следовало бы учитывать совершение умышленных преступлений в возрасте до 18 лет как характеристику общественной опасности личности и в качестве обстоятельства,отягчающего наказание, не оставляя подобную ситуацию без уголовно-правовой оценки. Уголовно-правовая оценка криминального опыта, приобретенного несовершеннолетним, в таком случае будет исключать безнаказанность, которая порождает рецидив преступлений.

Федеральным законом Российской Федерации от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ законодатель изменил редакцию части 3 статьи 18 УК РФ, исключив преступления средней тяжести из перечня преступлений, учитываемых при признании рецидива особо опасным. Однако эти изменения не решили вышеуказанную проблему. Совершенно верно отметил А.В. Наумов: «Известно, что либерализация уголовной политики в области назначения наказания за преступления, не являющие-

ся тяжкими, должна уравниваться другой ее (уголовной политики) составляющей – применением самых строгих мер наказания к лицам, совершившим тяжкие и особо тяжкие преступления...» [8, с. 46]. В связи с этим, представляется нелогичной позиция Пленума Верховного Суда РФ, изложенная в п. 9 Постановления от 29 октября 2009 года № 20 «О некоторых вопросах судебной практики назначения и исполнения уголовного наказания»: «По смыслу статьи 18 УК РФ, совершение особо тяжкого преступления лицом, имеющим судимость за тяжкое преступление, за которое он отбывал лишение свободы, образует опасный рецидив преступления (часть 2 статьи 18 УК РФ)».

Законодательно закреплено признание особо опасным рецидивом совершение особо тяжкого преступления лицом, если ранее оно два раза было осуждено за тяжкое преступление или ранее осуждалось за особо тяжкое преступление. В то же время ситуация, когда лицом, имеющим судимость за ранее совершенное тяжкое преступление, вновь совершается преступление особо тяжкое, осталась за пределами внимания законодателя. На это указал А.В. Бриллиантов, считая, что четкое законодательное закрепление видов рецидива «будет исключать возможность неодинакового решения проблем вида рецидива преступлений» [2, с. 20].

Недопустимым пробелом также является отсутствие законодательной оценки преступной деятельности лица, последовательно совершающего два преступления – тяжкого, а затем, уже после осуждения за предыдущее, особо тяжкого. Разъяснение выше-

упомянутой ч. 2 п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 октября 2009 года № 20 «О некоторых вопросах судебной практики назначения и исполнения уголовного наказания» подразумевает применение аналогии, что в уголовном праве недопустимо.

В первоначальной редакции УК РФ 1996 г. особо опасным рецидивом признавалось совершение лицом особо тяжкого преступления, если ранее оно было осуждено за умышленное тяжкое или особо тяжкое преступление [4, с. 34], что логично, так как такое сочетание совершенных лицом преступлений свидетельствует о возрастании его общественной опасности. Было бы, на наш взгляд, правильно законодательно признавать совершение особо тяжкого преступления лицом, имеющим судимость за ранее совершенное тяжкое преступление, особо опасным рецидивом. И независимо от судебного усмотрения и правил назначения наказания при рецидиве преступлений, которые не гарантируют часто справедливого наказания, назначить отбывание лишения свободы такому лицу в исправительной колонии особого режима.

В связи с этим считаем, что следует законодательно закрепить в п. «б» ч. 3 ст. 18 УК РФ такое основание признания рецидива преступлений особо опасным, когда лицо осуждается за совершение тяжкого преступления, если ранее оно было осуждено за тяжкое преступление или за особо тяжкое преступление.

Федеральным законом Российской Федерации от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ был расширен перечень преступлений, которые не учитываются при признании рецидива. Так, при при-

знании рецидива не учитываются преступления небольшой тяжести и преступления, наказание за которые было назначено не в виде лишения свободы с отбыванием его в исправительных учреждениях, а условно или с отсрочкой исполнения приговора, если оно впоследствии не отменялось и лицо не направлялось в места лишения свободы.

Указание на то, что при признании рецидива не учитываются преступления небольшой тяжести, представляется спорным, поскольку это противоречит правовой природе рецидива и принципу справедливости. Рецидив преступлений как совершение умышленного преступления лицом, имеющим судимость за ранее совершенное умышленное преступление, не предусматривает исключений. Следует согласиться с В.Е. Южаниным и А.В. Армашовой, которые также считают, что подобное исключение влечет за собой безнаказанность, способствует формированию профессиональной преступности: «Почему должно делаться исключение для признания рецидива при совершении краж (ч. 1 ст. 158 УК), мошенничества (ч. 1 ст. 159 УК), присвоения и растраты (ч. 1 ст. 160 УК), умышленного уничтожения или повреждения имущества (ч. 1 ст. 167 УК) и других преступлений корыстной направленности? Такое исключение будет способствовать формированию профессиональных преступников, увеличению их количества» [11, с. 29].

Более того, преступления, формально относящиеся к категории небольшой тяжести, на деле способны по последствиям причинить общественным отношениям существенный вред. Пример такого преступления – неза-

конное предпринимательство, то есть осуществление предпринимательской деятельности без регистрации или без лицензии в случаях, когда такая лицензия обязательна, если это деяние причинило крупный ущерб в размере от полутора до шести миллионов рублей гражданам, организациям или государству, либо сопряжено с извлечением дохода в крупном размере (ч. 1 ст. 171 УК РФ) повторное совершение деяния, предусмотренного ч. 1 ст. 171 УК РФ, после осуждения за ранее совершенное преступление, представляет существенную опасность для общества, однако при признании рецидива ранее совершенное преступление, несмотря на осуждение, учтено не будет. Такое направление либерализации уголовной политики представляется спорным, поскольку не способствует эффективной борьбе с рецидивной преступностью.

При признании рецидива не учитываются и преступления, за совершение которых наказание было назначено без отбывания в местах лишения свободы. Как показывает анализ практики, в настоящее время, широко и, на наш взгляд, совершенно необоснованно за совершение краж при наличии рецидива применяется условное осуждение. Более того, применение судами условного осуждения исключает признание рецидива при последующем совершении умышленных преступлений, что нарушает принцип справедливости, а назначенное наказание, как правило, не достигает своих целей, в частности отсутствует частная превенция, что, в свою очередь, выступает одной из причин рецидива. Установление возможности назначения наказания условно при рецидиве нередко со-

вершенно справедливо расценивается как легализация безнаказанности.

Часть 4 ст. 18 УК РФ обеспечивает «учет разнообразных причин и обстоятельств, в которых совершаются рецидивные преступления. Они не всегда свидетельствуют о повышенной общественной опасности повторного деяния и лица, его совершившего. Во всяком случае, норма подтверждает вывод о том, что недифференцированный подход к рецидиву столь же опасен, как и отказ от учета рецидива» [9, с. 560].

Институту рецидива в современном российском законодательстве отведена существенная роль, заключающаяся, в первую очередь, во влиянии на назначаемое наказание.

Эффективность уголовной политики государства определяется степенью достижения целей наказания в отношении каждого виновного в совершении преступления и уровнем преступности в стране в целом. Еще Чезаре Беккариа отмечал: «Цель наказания <...> заключается не в чем ином, как в предупреждении новых деяний преступника, наносящих вред его согражданам, и в удержании других от подобных действий. Поэтому следует применять такие наказания и такие способы их использования, которые, будучи адекватны совершенному преступлению, производили бы наиболее сильное и наиболее длительное впечатление на души людей и не причиняли бы преступнику значительных физических страданий» [1, с. 106].

Определить вид и меру наказания, которые могут быть применены к виновному, невозможно без тщательного изучения и учета признаков, характеризующих личность преступника.

Субъект выполняет функцию построения основания уголовной ответственности – состава преступления, а личность преступника есть основание для ее индивидуализации [6]. «Особое значение при индивидуализации наказания имеет обязанность суда детально учитывать особенности личности виновного, все, что характеризует его как с положительной, так и с отрицательной стороны, ибо наказание всегда имеет личностный характер и обращено непосредственно к виновному и ни к кому другому» [3, с. 249].

Помимо превенции, назначение наказания подчиняется принципу справедливости, что предполагает учет всех обстоятельств совершенного преступления, в частности смягчающих и, особенно, отягчающих обстоятельств, которые имеют существенное значение и для индивидуализации наказания. Данные обстоятельства – это наиболее часто встречающаяся совокупность условий совершения преступного деяния, их основная функция – быть средством индивидуализации уголовного наказания, конечным итогом которой «является избрание судом справедливого наказания, которое позволяет достичь целей наказания, определенных уголовным законом в ч. 2 ст. 43 УК РФ» [7, с. 11–12].

Роль обстоятельств, отягчающих наказание, особенная; законодатель наделил их особыми свойствами – влиянием на назначение наказания в сторону его отягощения [7, с. 14], поскольку «социально-правовое назначение отягчающих обстоятельств заключается в усилении наказания при его назначении» [5, с. 14]. В.Д. Филимонов отмечал, что они «индивидуализируют сразу несколько обстоятельств, опре-

деляющих опасность преступника: характер общественной опасности преступления (следовательно, и личности виновного), степень опасности совершенного преступления, вероятность новых преступных деяний» [10, с. 51].

На первом месте в системе отягчающих и смягчающих наказание обстоятельств стоит рецидив преступлений как наиболее существенное отягчающее обстоятельство. Рецидив преступлений, в первую очередь, характеризует личность виновного, представляющую повышенную опасность для общества именно в связи с наличием судимости за ранее совершенное умышленное преступление как минимум средней тяжести и совершением умышленного преступления вновь.

Следует отметить и то, что признание рецидива в качестве обстоятельства, отягчающего наказание (п. «а» ч. 1 ст. 63 УК РФ), представляется излишним, поскольку рецидив уже в силу требований ст. 68 УК РФ является обстоятельством, отягчающим меры уголовной ответственности. Получается, что в плане ужесточения репрессии рецидив учитывается дважды, что расходится с тенденцией либерализации уголовного законодательства.

В то же время законодатель обошел вниманием такие ситуации, когда общественным отношениям причиняется вред, но совокупность обстоятельств не позволяет не только считать сочетание совершенных преступлений рецидивом, но и учитывать этот факт при усилении исправительного воздействия наказания. Отсутствие юридической оценки прежней преступной деятельности лица при отсутствии рецидива представляется очередным пробелом, так как только рецидив

характеризует личность виновного отрицательно в связи с прошлой преступной деятельностью, а все иные обстоятельства отражают личность виновного опосредованно.

Совершение нового преступления после осуждения за предыдущее, свидетельствует о наличии негативных, асоциальных свойств личности виновного и требует особого исправительного воздействия для достижения целей наказания. Поэтому наличие факта совершения нового преступления лицом, имеющим судимость за ранее совершенное преступление при отсутствии признаков рецидива должно быть закреплено в законе в качестве обстоятельства, отягчающего наказания, которое при оценке судом, с учетом всех иных обстоятельств, не будет оставлено без внимания и повлияет на назначаемое наказание в сторону его ужесточения.

С целью разрешения данной ситуации с позиции обеспечения соблюдения принципа справедливости и достижения целей наказания, назревшей видится необходимость дополнения ч. 1 ст. 63 УК РФ таким обстоятельством, отягчающим наказание, как наличие у лица судимости за ранее совершенное преступление при отсутствии рецидива.

Под это отягчающее обстоятельство подпадало бы ранее совершенное преступление в несовершеннолетнем возрасте, преступления небольшой тяжести, совершенные по неосторожности, те деяния, за которые было назначено наказание, не связанное с лишением свободы, или преступления, совершенные после постановления приговора, но до вступления его в законную силу. Такие обстоятельства

расценивались бы судом как характеризующие личность виновного.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М.: Фирма Стелс, 1995. 248 с.
2. Бриллиантов А.В. Проблемы применения дефиниции «рецидив преступлений» // Уголовное право. 2010. № 2. С. 15–20.
3. Индивидуализация наказания // Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева, В.Д. Зорькина, В.Е. Крутских. М.: Инфра-М, 1997. 790 с.
4. Комментарий к уголовному кодексу РФ. Общая часть / под ред. Ю.И. Скуратова, В.М. Лебедева. М.: ИНФРА Норма, 1996. 592 с.
5. Кузнецов А.В. Уголовное право и личность. М.: Юридическая литература, 1977. 168 с.
6. Кузнецов А.П., Пилипенко С.П. Обстоятельства, отягчающие наказание как критерий индивидуализации уголовной ответственности // Российский следователь. 2007. № 11. С. 12–14.
7. Курц А.В. Обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание по уголовному законодательству России: учеб. пособие. Казань: Таглитат ИЭУиП., 2005. 156 с.
8. Наумов А.В. Проблемы кодификации Российского уголовного законодательства: новый уголовный кодекс или новая редакция кодекса? // Уголовное право. 2009. № 4. С. 46–48.
9. Уголовное право: в 3-х т. [Т. 1. Общая часть] / под общ. ред. А.Э. Жалинского. М.: ИД «Городец», 2011. 864 с.
10. Филимонов В.Д. Криминологические основы уголовного права. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1981. 210 с.
11. Южанин Е.В., Армашова А.В. Проблемы рецидива преступлений и ответственности за него по современному законодательству России. М.: Юрлитинформ, 2007. 192 с.

УДК 343.915

Коновалова И.А.,*Московский государственный областной университет*

ОБЪЕДИНЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ГРУППЫ КАК ОСНОВА ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Аннотация. В статье описаны особенности формирования асоциальных групп несовершеннолетних разных типов: от «неформальных» до «преступных». Рассмотрены эмоциональные и психологические факторы поведения, действующие в группе подростков и влияющие на способы самоутверждения, распределения «ролей» и выдвижение «лидера». Особое внимание обращается на характер согласованных действий группы несовершеннолетних, отношения между подростками при возникновении преступных групп несовершеннолетних, а также отношения с подростками взрослых при вовлечении несовершеннолетних в совершение преступлений. Сделан вывод о связи взаимоотношений членов криминальных групп со складыванием основ их преступного поведения.

Ключевые слова: несовершеннолетние, межличностные связи, асоциальная группа, криминогенный, криминальный, групповые нормы поведения, вовлечение в преступную деятельность.

I. Konovalova*Moscow State Regional University*

ADOLESCENT SOCIAL GROUPING AS A BASIS OF CRIMINAL BEHAVIOR

Abstract. This article describes the features of the formation of antisocial youth groups of different types ranging from «informal» to «criminal». The author considers emotional and psychological factors of adolescent group behaviour influencing the ways of youth self-assertion, «role» distribution and «leader» promotion. The main focus of the article is on the peculiarities of coordinated actions of minors, the relationships among them at the point of criminal group creation and minor – adult relationships while involving the former into crime. The conclusion is made that there is a connection between intergroup relationships of juvenile delinquents and their criminal behaviour.

Key words: minors, interpersonal relationships, antisocial group, criminogenic, criminal, group standards of behavior, involvement of minors into criminal activity.

Любые группы несовершеннолетних формируются первоначально для удовлетворения потребностей в общении и самоутверждении. Главная цель совместной деятельности участников групп – обратить на себя вни-

мание, выделиться из среды взрослых и сверстников. Боязнь изоляции, потребность в поддержке, равноправии и элементарной «нужности» приводит подростка в группу. Межличностные связи членов кратковременны и неустойчивы, отношения эмоци-

онально-поверхностны. При отсутствии корректирующего воздействия на несовершеннолетних или слабом его осуществлении, подростки выражают свое стремление утвердиться через асоциальные формы поведения [1, с. 5].

Способы самоутверждения в неформальных группах иные, чем в формальных, и выражаются в невыполнении элементарных человеческих обязанностей и принятых в обществе норм поведения, в аморальном или правонарушающем поведении. В периоды общения в большинстве асоциальных групп несовершеннолетних поддерживается эмоционально приподнятый настрой, сопровождающийся розыгрышами, насмешками, унижением достоинства участников, имеющих низкий статус в группе, употреблением спиртных напитков, наркотических и токсических веществ, совершением мелких краж, хулиганств и других противоправных действий. В процессе общения и асоциальной деятельности в неформальных группах через механизмы «заражения», подражания, внушения, убеждения, принуждения, конформизма складываются групповые нормы и ценности, способствующие дальнейшей интеграции группы и снижающие профилактическую восприимчивость ее участников.

По данным криминологов, несовершеннолетние проявляют значительную степень зависимости от ожиданий-требований, предъявляемых группе к их поведению. Соблюдение групповых норм обеспечивается как действием социально-психологических механизмов заражения и подражания, так и неформальными санкци-

ями, применяемыми к нарушителям групповых ожиданий-требований, таких как осмеяние путем присвоения обидных прозвищ, постоянное вышучивание, распространение сплетен, установление вокруг нарушителя все возрастающей дистанции. Хотя групповые нормы практически никогда не бывают явно сформулированы, они, как правило, полностью усваиваются членами группы и становятся важным регулятором деятельности.

Определенную смысловую нагрузку несет внешний вид членов неформальных групп подростков. Атрибутика или символика обеспечивают быстрый обмен информацией и указывают на принадлежность к определенной группе молодежи. Вместе с тем, они выступают объединительным началом, заведомо настраивая позитивно друг к другу лиц со схожей внешностью. Такую же роль играет и принятый в группе жаргон. Для членов асоциальных групп, в отличие от иных, характерны бедный мировоззренческий кругозор, низкий словарный запас, зараженность преступной субкультурой. Ключевые позиции в этих группах оказываются, поэтому, чаще всего в руках наиболее отрицательно характеризующихся подростков и юношей.

Главным требованием в асоциальных группах несовершеннолетних является поддержание групповой солидарности. Любые инициативы группы, а их, как правило, формулирует лидер, должны безоговорочно поддерживаться всеми. Если члену группы требуется поддержка в разрешении какого-либо конфликта, возникшего вне группы, то она должна быть оказана. В этих условиях для совершения группового противоправного поведе-

ния оказывается достаточным одного предложения его совершить. Принципиальное значение для участников такого поведения приобретает не столько единство умысла и действия, сколько эмоциональное чувство общности, единства, чувство «своих». На этом мотиве основана, в частности, значительная часть правонарушений членов неформальных групп демонстративной или агрессивной направленности. Они нередко носят, как отмечают криминологи, «ритуальный» характер и обусловлены самим фактом принадлежности к неформальной группе.

После каждого безнаказанного правонарушения чувство групповой солидарности еще более укрепляется. В группе закрепляется определенная иерархия ролей, обусловленная вкладом каждого в совершение предшествующих правонарушений. Прогрессирующее усиление антиобщественной ориентации, солидарности членов группы ограничивает возможности выхода из группы, усиливает активность в совершении новых правонарушений, способствует возрастанию их интенсивности и тяжести. Так группа переходит от совершения административных проступков к совершению уголовно-наказуемых деяний, становится преступной [3]. При отсутствии достаточного контроля и педагогического воздействия стихийно возникающие неформальные досуговые группы имеют, таким образом, тенденцию перерастания в группы преступные. Этот момент в большинстве случаев связан с появлением в группе лидера-инициатора совершения преступления из числа подростков и юношей, имеющих преступный опыт, или же

взрослых, принадлежащих иногда к более широкой криминальной среде и осознающих, что групповая форма деятельности – наиболее удобная форма преступной активности.

Для вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность лидеры криминогенных групп или их руководящее ядро в некоторых случаях применяют в отношении членов, не проявляющих достаточного чувства групповой солидарности, прямое физическое насилие или угрозу его применения. Однако в подавляющем большинстве случаев в «пороговых» группах средством привлечения к совершению преступления служит не прямое насилие, принуждение, а применение иных механизмов. В криминогенных, как и в преступных, группах, взаимовлияние и взаимоотношения включают не только сотрудничество, взаимопомощь, обмен мнениями, информацию о результатах групповой деятельности, но и конкуренцию, конфликты, ссоры, драки, выяснение отношений. Основой согласованных действий группы нередко являются не столько дружеские, родственные или иные близкие связи ее участников, а подавление личности, круговая порука. Это обстоятельство следует активно использовать при проведении индивидуальной профилактической работы с участниками таких групп или с группой в целом [2, с. 17].

Отношения внутри предрасположенной к преступлениям группы складываются постепенно, по мере того, как группа начинает действовать (для этого требуется время). Особенности взаимодействия и характер групповой реакции обуславливаются количественным и качественным со-

ставом группы, видом и интенсивностью совершаемых правонарушений. Взаимоотношения в группе в немалой степени определяются типом ее лидера. В социальной психологии по стилю руководства различают авторитарных, демократических и нейтральных лидеров. Наиболее высокой степенью сплоченности характеризуются, как правило, группировки, возглавляемые авторитарными лидерами. Одновременно в таких группировках наблюдается и большая напряженность внутренних конфликтов. Перерастание криминогенных групп в криминальные не является единственным способом возникновения преступных групп несовершеннолетних. Некоторая часть криминогенных групп распадается, не совершив преступления, а отдельные группы первоначально формируются как преступные. Однако и в этом случае на поведении несовершеннолетних сказывается их прошлый асоциальный опыт, приобретенный в правонарушающих группах.

Нередко взрослые вовлекают в совершение преступления и несовершеннолетних, не состоящих в каких-либо правонарушающих группах или вне связи с членством в них. Так формируются, в частности, преступные группы, состоящие из несовершеннолетних и их родителей или других родственников. Взрослые используют при этом материальную или иную личную зависимость от них подростков. Такие взрослые, как правило, относятся к субкриминальному типу личности: ведут аморальный или паразитический образ жизни, имеют прошлую судимость. Несовершеннолетних, не явля-

ющихся их родственниками, взрослые вовлекают в совершение преступления путем уговоров, обещания материального вознаграждения и безнаказанности, через предварительное совместное употребление спиртных напитков. Случаи применения прямого шантажа, насилия, запугивания, угроз физической расправой со стороны взрослых встречаются крайне редко.

После совершения первого преступления во взаимоотношениях членов криминальной группы происходят качественные изменения. Направленность этих изменений во многом определяется реакцией компетентных органов на событие преступления и оценкой действий участников преступной группы со стороны органов правосудия [3]. Таким образом, криминологическое изучение «роста» группы несовершеннолетних важно с целью выработки перечня мероприятий, характерных для конкретного места и времени.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Иванцов С.В., Ивасюк О.Н., Калашников И.В. Криминологическая характеристика и предупреждение организованной преступности с участием несовершеннолетних: учебно-метод. пособ. М.: Юнити-Дана, 2014. 135 с.
2. Савельев А.И. Криминологическая характеристика и предупреждение преступности несовершеннолетних в крупных городах Сибири: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2006. 19 с.
3. Статистика и аналитика / Министерство внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mvd.ru/files/u281KzbmtHplrXo.pdf> (дата обращения: 01.06.2015 г.).

УДК 342.9

Кононов Э.А.*Дальневосточный юридический институт МВД России, г. Хабаровск***Разувакин А.А.***Управление на транспорте МВД России**по Дальневосточному федеральному округу, г. Хабаровск*

ПРОБЛЕМЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ЛИЦ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ И УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА СБЫТ КОНТРАФАКТНЫХ ЭКЗЕМПЛЯРОВ ПРОГРАММ ДЛЯ ЭВМ

Аннотация. Одним из главных направлений развития информационного общества является повышение уровня защищенности корпоративных и индивидуальных информационных систем. Механизм реализации права на защиту авторских и смежных прав в России до конца не проработан. По результатам анализа норм действующего законодательства в сфере интеллектуальной собственности выявлены актуальные проблемы привлечения к административной и уголовной ответственности за сбыт контрафактных экземпляров программ для ЭВМ. Авторами предлагаются пути решения этих проблем, связанные с юридически значимым уточнением понятия «программа для ЭВМ», с защитой от неправомерного использования демо-версий программ, с признанием контрафактными экземплярами произведений их аналогов.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, программное обеспечение, защита информации, контрафакт, правовая ответственность.

E. Kononov*Far East Law Institution of the Ministry of Internal Affairs, Khabarovsk***A. Razuvakin***The Internal Affairs Ministry Administration on Transport in the Far East Federal District ,
Khabarovsk*

THE PROBLEMS OF ADMINISTRATIVE AND CRIMINAL LIABILITY FOR COUNTERFEIT SOFTWARE COPIES MARKETING

Abstract. One of the main directions in the development of the Russian information society is to improve the security of corporate and individual information systems, though the mechanism of enforcement of intellectual property and related rights is not fully developed. The article analyses the Russian intellectual property legislation, reveals current problems connected with administrative and criminal liability for the marketing of counterfeit software copies and offers some solutions to these problems through the legal definition of the concept “software”, protection against illegal use of demo-versions of programs and recognition of their copies as counterfeit.

Key words: intellectual property, software, protection of information, counterfeit copies, liability.

Принятие Федерального закона «О введении в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» (18.12.2006 г. № 231-ФЗ) знаменовало переход к новой и более упорядоченной, систематизированной структуре норм, регулирующих правоотношения в сфере интеллектуальной деятельности. Гражданский кодекс РФ (далее – ГК РФ) в четвертой части устанавливает основы правовой охраны интеллектуальных прав в РФ. Одним из объектов исключительных прав автора является программа для ЭВМ, приравненная к литературным произведением и охраняемая наравне с ними.

В условиях общемировой тенденции к прогрессивному развитию информационных технологий (далее ИТ-технологии) важное место отводится защите прав автора на созданное им программное обеспечение. Степень развития и распространения безопасных ИТ-технологий в государстве напрямую влияет на состояние экономики и уровень жизни людей. Сфера высоких технологий ввиду своей слабой защищенности нередко становится объектом преступных посягательств. Нарушение авторских и смежных прав в указанной области принято именовать «компьютерным пиратством».

По данным, приведенным директором по консалтингу компании IDS Тимуром Фарукшиным, 127 млрд. долл. США в мире и 5 млрд. в России были потрачены в 2014 г. на устранение последствий технических рисков вследствие использования нелегального программного обеспечения (обнаружение проблем и восстановление данных). Самые большие по-

тери компаний возникли в результате утечек информации – 364 млрд. долл. США в мире и 15 млрд. в России [4]. Именно поэтому проблема обеспечения правовой защиты результатов интеллектуальной деятельности, в том числе программ для ЭВМ, является весьма актуальной. Одними из способов защиты прав на программы для ЭВМ являются административная и уголовная ответственность.

Правовую основу распространения на территории России программ для ЭВМ составляют нормы Конституции, Гражданского кодекса, международных договоров и соглашений, в первую очередь администрируемых Всемирной организацией интеллектуальной собственности (ВОИС) в области авторских и смежных прав, промышленной собственности, а также заключенного в рамках Всемирной торговой организации (ВТО) Соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС/TRIPS) и др.

В ст. 1261 ГК РФ закреплено: «Авторские права на все виды программ для ЭВМ (в том числе на операционные системы и программные комплексы), которые могут быть выражены на любом языке и в любой форме, включая исходный текст и объектный код, охраняются так же, как авторские права на произведения литературы. Программой для ЭВМ является представленная в объективной форме совокупность данных и команд, предназначенных для функционирования ЭВМ и других компьютерных устройств в целях получения определенного результата, включая подготовительные материалы, полученные в ходе разработки программы для ЭВМ, и порождаемые

ею аудиовизуальные отображения». Аналогичное, но более узкое понятие программы представлено в Единой системе программной документации: «Программа – это данные, предназначенные для управления конкретными компонентами системы обработки информации в целях реализации определенного алгоритма» [2, с. 160].

Указанные определения программы позволяют выделить характерные черты, присущие только программе и отличающие ее от иных объектов интеллектуальной деятельности:

- это совокупность команд, выраженных в любой материальной форме;
- она предназначена для управления электронно-вычислительными машинами или компонентами ее системы;
- ее цель – выполнение алгоритма и получение определенного результата.

Приведенные определения программы утверждают, что основным ее назначением является достижение определенного результата, посредством выполнения алгоритма для ЭВМ. В системном программировании существует более формальное определение программы как размещенных в оперативной памяти компьютера, либо ином материальном носителе, данных и машинных кодов, исполняемых процессором для достижения некоторой цели. Здесь подчеркиваются две особенности: нахождение программы в памяти и ее исполнение процессором. С технической точки зрения программа представляет собой текст, состоящий в большинстве языков программирования из списка инструкций, точно описывающих заложенный алгоритм, либо описания исходных и требуемых характеристик

обрабатываемых данных и предоставления выбора подходящего алгоритма (решения) специализированной программе-интерпретатору.

Таким образом, на наш взгляд, полноценное понятие «программа для ЭВМ» должно формулироваться следующим образом: *программой* является представленная в объективной форме совокупность данных и команд, состоящих из списка инструкций либо описания исходных и требуемых характеристик, предназначенных для функционирования ЭВМ и других компьютерных устройств в целях получения определенного результата, размещенных в памяти компьютера, либо ином материальном носителе, включая подготовительные материалы, полученные в ходе разработки программы для ЭВМ, и порождаемые ею аудиовизуальные отображения. Представленное понятие является своего рода симбиозом определений из области программирования, техники и права, что позволит в дальнейшем избежать спорных ситуаций по вопросам отнесения к программам конкретных результатов интеллектуальной деятельности, порождающих неопределенности в толковании указанного понятия для целей правоприменения.

В случае нарушения прав автора на созданную им программу для ЭВМ, в соответствии со ст. 1252 ГК РФ, автор или правообладатель может в судебном порядке потребовать возмещения убытков от лица, неправомерно использовавшего результат интеллектуальной деятельности. Вместо возмещения убытков он также вправе потребовать (в соответствии со ст. 1301 ГК РФ) выплаты компенсации в размере от 10 тыс. рублей до 5 млн. рублей,

определяемом по усмотрению суда. На практике применяется способ выплаты компенсации в двукратном размере стоимости контрафактных экземпляров произведения. Однако, гражданско-правовой метод защиты нарушенных прав является не единственным способом восстановления социальной справедливости и возмещения причиненного вреда.

Наряду с гражданско-правовой ответственностью, существует административная ответственность, предусмотренная ст. 7.12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП), и уголовная, закрепленная в ч.2 ст. 146 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ). Рассмотрение этих видов ответственности сквозь призму имеющихся гражданско-правовых способов защиты позволит увидеть значимые проблемы правоприменения и найти пути их решения. Статья 7.12 КоАП, помещенная законодателем в раздел административных правонарушений против собственности, предусматривает административную ответственность за ввоз, продажу, сдачу в прокат или иное незаконное использование экземпляров произведений или фонограмм в целях извлечения дохода в случаях, если экземпляры произведений или фонограмм являются контрафактными в соответствии с законодательством Российской Федерации об авторском праве и смежных правах, либо если на экземплярах произведений или фонограмм указана ложная информация об их изготовителях, о местах их производства, а также об обладателях авторских и смежных прав, а также иное нарушение авторских и смежных прав в целях извлечения дохода.

Перед тем, как приступить к анализу норм уголовного кодекса, регламентирующих вопросы привлечения к ответственности за нарушение авторских прав, следует отметить, что институт привлечения к административной ответственности, в некоторых случаях, предшествует уголовному преследованию за совершение преступления и является одним из важных доказательств наличия умысла в действиях лица. Основу применения уголовных санкций за действия, образующие состав преступления, составляют нормы, закрепленные ч.2 и 3 ст. 146 УК РФ. Помещение законодателем ч.2 ст. 146 УК РФ в гл. 19, содержащую перечень норм особенной части, предусматривающих ответственность за преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина, неслучайно. Это объясняется высокой степенью важности охраняемых законом прав граждан на результаты интеллектуальной деятельности и степенью ответственности за нарушение этих прав.

В соответствии с ч.2 ст. 146 УК РФ, «преступлением признается незаконное использование объектов авторского права или смежных прав, а равно осуществление приобретения, хранения, перевозки контрафактных экземпляров произведений или фонограмм в целях сбыта, совершенные в крупном размере...». Основным разграничением уголовной ответственности от административной является совершение действий, влекущих убытки в крупном размере, т. е. свыше 100 000 рублей. При этом правообладатель вправе требовать возмещение вреда в гражданско-правовом порядке, независимо от доказанности либо недо-

казанности наличия в действиях лица состава преступления в ходе предварительного следствия либо судебного разбирательства.

По смыслу п. 25 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 апреля 2007 г. №14 [3], размер вреда определяется на основании розничной стоимости экземпляров произведений. Определение стоимости программы для ЭВМ производится представителем правообладателя, реже – экспертом, в случае, если правообладатель не определился с точной стоимостью экземпляра произведения. Расчет осуществляется на основании «Справочника цен на лицензионное программное обеспечение»¹ (далее – справочник) Некоммерческого партнерства производителей программных продуктов (НП ППП).

Справочник представляет собой сборник программ для ЭВМ различных правообладателей, имеющих исключительные имущественные и неимущественные права на произведение, с указанием стоимости лицензионных версий экземпляров произведений. При этом, в справочнике не указана стоимость и порядок определения стоимости по аналогии программ, представляемых правообладателями на официальных Интернет-сайтах для бесплатного пользования, в виде так называемых «демонстрационных версий» (далее – «демо-версия»), с ограниченным сроком бесплатного действия (как правило, такой срок составляет 30 суток с момента инсталляции, т. е.

¹ Инициативное (неофициальное) издание, содержащее информацию о среднерыночных ценах на широко распространенные программные продукты, регулярно выпускается с 2004 г. НП ППП (сайт организации – <http://www.appp.ru>).

установки программы на компьютер), но обладающих всеми функциями, присущими полнофункциональным лицензионным версиям программ, перечисленных в справочнике.

С одной стороны, стоимость экземпляра произведения рассчитывается на основании справочника и выражается в твердом денежном эквиваленте. Но с другой стороны, перечень программ для ЭВМ, включенный в указанный список, не содержит в себе демо-версии лицензионных экземпляров произведений и не содержит положений относительно расчета стоимости таких программ по аналогии со стоимостью полнофункциональных версий. В сложившейся ситуации рационально рассмотреть программы для ЭВМ с ограниченным сроком бесплатного действия с технической точки зрения, на примере программы компании *Autodesk* «AutoCAD», предназначенной для выполнения изыскательских и конструкторских проектов. После использования программы в течение определенного времени (например, домашняя версия имеет срок бесплатного действия 30 суток, для корпоративных клиентов – 100) необходимо приобретение полной версии за определенную плату. Таким образом, демо-версия программы не имеет стоимостного выражения, однако является продуктом интеллектуальной деятельности и, следовательно, подлежит защите, аналогично полноформатной версии.

Согласно лицензионному договору в отношении программного обеспечения, компании *Autodesk* запрещено распределять, давать напрокат, давать взаймы, сдавать в аренду, продавать, публицизировать или каким-либо

другим способом передавать целиком или частично ее материалы, или какие-либо права, предоставленные лицензионным договором, никакому другому физическому или юридическому лицу без предварительного письменного согласия правообладателя. Данное положение действует в отношении всех видов лицензий. Демонстрационные версии не подлежат продаже или перепродаже, они подлежат использованию исключительно в ознакомительных целях. Лицо, устанавливающее (инсталлирующее) ознакомительную версию, имеет право инсталлировать и подключаться к одной копии программного обеспечения только в целях оценки и демонстрации. Не ограничивая вышесказанного, такое лицо не имеет права пользоваться демо-версией для конкурентного анализа или в коммерческих, профессиональных или иных предполагающих извлечение прибыли целях. Из вышесказанного следует, что последующая реализация любой демо-версии запрещена условиями лицензионного договора.

Эта широко используемая практика, иницируемая производителями в целях улучшения процесса ознакомления пользователя с продуктами компаний, создает ряд проблем при расследовании преступлений, связанных с нарушением авторских прав: следственные подразделения, при установлении предмета преступления, принимают спорную позицию, относя демо-версии к программам, незаконное использование которых не наносит вреда правообладателю в связи с отсутствием ее стоимостного выражения. Такая позиция представляется неверной, порождает практику отмены уголовных дел в связи с отсутствием

состава преступления и, как результат, уход виновного от уголовной ответственности и лишение возможности потерпевшего возмещения вреда, причиненного преступлением [1].

В целях недопущения создания подобных ситуаций на оперативные подразделения органов внутренних дел возлагается первостепенная задача, заключающаяся в установлении всех обстоятельств совершения преступления, а именно доказывание умысла лица на совершение преступления. В этой связи небезынтересным представляется апелляционный приговор №10-08/14 от 31.03.2014 г. Центрального районного суда г. Хабаровска по жалобе гр. А.В. Волочаева, в которой он просит отменить ранее вынесенный обвинительный приговор в отношении него, по ч.2 ст. 146 УК РФ, поскольку выводы суда не соответствуют фактическим обстоятельствам дела. Так, показания свидетелей не могут являться доказательством его виновности, поскольку последние не являются специалистами в области компьютерных технологий. Размер ущерба, вмененный ему, является необоснованным, поскольку стоимость программных продуктов установлена судом не была. Программные продукты, которые он установил, являются бесплатными, официально доступны на сайтах правообладателей и могут быть беспрепятственно скачаны, контрафактность программ не установлена.

В ходе рассмотрения дела судом были заслушаны показания свидетелей, представителей потерпевшей стороны, специалиста-эксперта. В противовес доводам, указанным в жалобе, представителем потерпевшей стороны – компании ЗАО «АСКОН»

С.В. Мальцевым были высказаны пояснения. Так, использование в личных целях программных продуктов ЗАО «АСКОН» допускается при заключении с правообладателем соответствующего лицензионного договора присоединения. Процесс установки программного обеспечения устроен таким образом, что установить программу невозможно, не выразив явного согласия с условиями данного договора. Таким образом, подсудимый, выбрав опцию «я принимаю», под текстом договора и устанавливая (записывая программу в память ЭВМ на жесткий магнитный диск компьютера), согласился связать себя юридическими обязательствами по данному договору. Согласно ст. 1229 ГК РФ правообладатель может по своему усмотрению разрешать или запрещать другим лицам использование результата интеллектуальной деятельности. Отсутствие запрета не считается согласием (о чем также указывалось нами в начале статьи). Подсудимый совершил действия с программами ЗАО «АСКОН», на которые правообладатель не давал своего согласия. Кроме того, как пояснил представитель потерпевшей стороны, демо-версии программ не имеют рыночной стоимости, так как распространяются бесплатно, в ознакомительных и учебных целях. Однако в случае незаконного коммерческого использования демо-версии программы, ее функциональность равноценна профессиональной системе программного продукта. В таком случае ущерб правообладателю от незаконного использования рассчитывается по аналогии стоимости полноценной версии, в случае использования нарушителем различных вре-

доносных программ («кряков») работа программного продукта будет полноценной и демо-версия не устранится по истечении лицензионного соглашения, хотя и будет атрибутировать себя как «демо-версия». По рассмотрении жалобы суд вынес решение об отказе в ее удовлетворении.

Важным, на наш взгляд, представляется позиция суда, принимающего во внимание указанные доводы представителя правообладателя, тем самым устанавливая, что бесплатные демонстрационные версии программ, в случае их незаконного использования, обретают материальную оценку. Вместе с тем, в случае сбыта программы путем ее установки с использованием программ, приводящих к преодолению средств защиты, содеянное дополнительно квалифицируется по ч.1 ст. 273 УК РФ как распространение вредоносных компьютерных программ. Рассматривая техническую природу вредоносных программ, необходимо разобраться в понятии «вредоносность». Под этим термином в юридической науке подразумевается качество, наносящее вред кому-либо. Применительно к описанной ситуации вредоносной программа будет признана тогда, когда ее использование нанесет вред охраняемым законом общественным отношениям, в частности, отношениям в сфере конституционных прав.

В представленном примере объективная сторона преступления выражалась в установке и «взломе» программы, т. е. изменения ее внутренней структуры, позволяющей продлить срок ее бесплатного действия. В ситуациях, когда лицо сбывает материальный носитель (ком-

пакт-диски формата CD-R, DVD-R) с программным обеспечением, без установки его на компьютер (записи в память ЭВМ) и без изменения ее технических параметров, суд признает указанные действия преступлением. Так, мировым судьей (судебный участок № 2 судебного района «Железнодорожный район г. Хабаровска») 28.10.2014 г. было вынесено постановление о прекращении уголовного дела №1-58-05/2014 в связи с примирением сторон в отношении Пономарева Д.Э., который, находясь в своей квартире № 2 дома № 25 по ул. Хабаровская, совершил запись на компакт-диск DVD-RW программного обеспечения Adobe Photoshop, Autodesk AutoCAD и осуществил перевозку с целью сбыта в главном учебном корпусе ДВГУПС, расположенном по ул. Серышева, д.4 7. Суд признал наличие в действиях Д.Э. Пономарева преступления, предусмотренного ч.2 ст. 146 УК РФ, но учитывая что подсудимым былглажен причиненный вред правообладателям, судья вынесла постановление о прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон.

Однако во избежание ситуаций, связанных с неправильным толкованием норм ч.2 ст. 146 УК РФ, применительно к определению сущности экземпляров контрафактных произведений, в ч.2 ст. 146 УК РФ следует внести конкретизирующие дополнения, а именно признать, что под кон-

трафактными экземплярами произведений признаются не только сами экземпляры, но и их аналоги. По нашему мнению, диспозицию ч.2 ст. 146 УК РФ необходимо изложить следующим образом: «Незаконное использование объектов авторского права или смежных прав, а равно приобретение, хранение, перевозка контрафактных экземпляров произведений и их аналогов или фонограмм в целях сбыта, совершенные в крупном размере...».

ЛИТЕРАТУРА:

1. Дорошков В.В. Проблемы защиты интеллектуальной собственности и условия обеспечения ее эффективности // Право интеллектуальной собственности. 2014. № 2 (34). С. 30–36.
2. Обеспечение систем обработки информации программное (термины и определения): межгосударственный стандарт [ГОСТ 19781-90] // Единая система программной документации: сб. стандартов. М.: Стандартинформ, 2010. С. 160–170.
3. О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 апреля 2007 г. № 14 // Российская газета. 2007. 5 мая.
4. Фарукшин Т. Тратить нельзя экономить // ИнформКурьер – Связь (ИКС). 2014. № 06-07. С. 47–48.

УДК 343.9.018.3:002.6

Осипов М.С.*Московский государственный университет приборостроения и информатики*

МОТИВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И СПОСОБЫ ЕГО УСТАНОВЛЕНИЯ ПРИ ПОМОЩИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ИНТЕРНЕТ-СЕТЕЙ

Аннотация. В центре внимания автора статьи – мотив как элемент субъективной стороны состава преступления. Рассматриваются противоречия в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве по поводу значения мотива преступления как квалифицирующего признака в некоторых составах преступлений Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, а также проблем его установления в процессе предварительного расследования. Предлагается использование информации страниц из «социальных сетей» Интернет-пользователей, совершивших преступления, в качестве одного из возможных источников криминалистически значимой информации о мотиве преступления.

Ключевые слова: мотив преступления, социальные сети, Интернет, следы преступления, профилактика преступлений.

M. Osipov*Moscow State University of Instrument Engineering and Computer Science*

CRIMINAL MOTIVE AND MEANS OF ITS IDENTIFICATION THROUGH SOCIAL NETWORKS

Abstract: This article considers a motive as an element of the subjective side of an offense. The article highlights the contradictions in criminal and criminal procedural law on the meaning of a criminal motive as an aggravating circumstance in some corpus delicti of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as the problems of motive identification during preliminary investigation. The author of the article proposes the use of social media pages of the users who have committed crimes as one of possible sources of information on their motives.

Key words: criminal motive, social networks, the Internet, traces of crime, crime prevention.

Установление мотива преступления является одной из главных задач при расследовании уголовных дел. Мотив имеет непосредственную связь со своим носителем, то есть с определенной личностью. Знания о мотиве преступления позволяют пролить свет на причинно-следственную связь действий лица в отдельно взятом преступлении. Своевременное и точное вы-

явление мотива преступления влияет на эффективность расследования, так как позволяет установить личность, совершившую противоправное деяние, и предпринять все необходимые меры уголовного преследования. Отметим также, что установление мотива преступления позволяет реализовать принцип справедливости при назначении наказания и привлечении лица к уголовной ответственности. Адек-

ватный анализ мотивов совершенных преступлений позволяет принимать определенные меры профилактики.

В науке существует ряд подходов к определению такого понятия, как *мотив преступления*. Например, профессор Я.М. Брайнин полагает, что «мотив преступного деяния с точки зрения уголовного права есть чувство (переживание), превратившееся в стимул к виновному поведению» [1, с. 27]. По мнению профессора Н.И. Загородникова, мотив представляет собой «определенного рода психическое состояние человека, которое побудило его к совершению общественно опасного деяния» [3, с. 72]. Профессор И.Г. Филановский относит к мотиву преступления «осознанный и конкретно опредмеченный интерес, побудивший к совершению общественно опасного деяния» [6, с. 46]. В новейшем учебнике уголовного права под редакцией профессора В.П. Ревина «под мотивом преступления имеется в виду побудительный стимул, источник активности человека» [5, с. 202]. Определения, данные авторитетными учеными, позволяют сделать вывод о том, что под *мотивом* следует понимать внутреннее побуждение индивида, обусловленное возникшими у него определенными потребностями (совершить те или иные действия, направленные на их удовлетворение). В рамках статьи нами рассматриваются те мотивы, которые толкают человека на совершение преступления.

Мотив преступления является элементом субъективной стороны любого состава преступления. Исключением могут являться преступления, совершаемые по неосторожности, хотя некоторые ученые считают это утверждение

ошибочным. Так, Б.А. Викторов [2, с. 18] рассматривает мотив как самостоятельный, необходимый элемент (признак) субъективной стороны преступления. По его мнению, неосторожное преступление, в том числе и совершенное в результате преступной небрежности, являясь волевым актом, не может одновременно не быть мотивированным и целенаправленным. В этой связи представляется неправильным утверждение о том, что мотив является элементом умысла. Мотив, наряду с умыслом и неосторожностью, характеризует субъективную сторону состава преступления.

Отношение к мотиву преступления спорное как с позиции наук уголовно-правового цикла, так и с позиции законодательства. В некоторых случаях, предусмотренных законом, мотив преступления является факультативным признаком, в других – квалифицирующим. Например, в п. «е¹», «п», «и», «л» ч.2 ст. 105 Уголовного кодекса (УК) РФ – «Убийство», перечислены квалифицирующие признаки, связанные с мотивом данного деяния. В свою очередь ч. 2 ст. 111 УК РФ «Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью» исключает такие мотивы, как «мечь» и «корысть», из перечня квалифицирующих признаков, делает их факультативными для данного преступления. В связи с этим может возникнуть спорный вопрос о том, почему убийство может совершаться по мотивам мести или корысти, а умышленное причинение вреда здоровью – не может. Данное обстоятельство или несовершенство уголовного законодательства может свидетельствовать о том, что законодатель не может определиться со значением мотивов в преступлениях. Возможно, это связано со сложностью

ми установления субъективной стороны преступлений в общем, и мотивов в частности, а также с различным подходом к самому определению мотива преступления и его классификации.

Несмотря на разное уголовно-правовое значение, мотив преступления, согласно п. 2 ч. 1 ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса (УПК) РФ, является одним из обстоятельств, подлежащих доказыванию. Также по каждому делу об убийстве должна быть установлена форма вины, выяснены мотивы, цель и способ причинения смерти другому человеку, а также исследованы иные обстоятельства, имеющие значение для правильной правовой оценки содеянного и назначения виновному справедливого наказания¹. Указанные положения УПК РФ и постановления Верховного Суда РФ подразумевают обязательное получение информации о мотиве преступления в процессе расследования, с последующим указанием данной информации и ее источников в обвинительном заключении, обвинительном акте и, в конечном итоге, в приговоре суда.

При анализе указанных выше правоприменительных актов усматривается тенденция к игнорированию процесса доказывания мотива преступления и отсутствия указания на источники получения информации о нем. В итоге мы сталкиваемся с сухими формулировками, такими как: «Убийство было совершено из личных неприязненных отношений с потерпевшим...» или «...гражданин А. из хулиганских побуждений причинил тяжкий вред здоровью гражданина Б.». Однако информация о том, что подтверждает такую оценку

мотива преступления и из каких источников была получена данная информация, – отсутствует. Следовательно, согласно действующему законодательству не выполнены требования УПК РФ, в виде отсутствия доказательств объективной стороны, что влечет за собой отсутствие состава преступления. По нашему мнению, это связано со сложностями определения источника информации о мотиве преступления. В связи с указанной проблемой предлагается определить конкретные источники криминалистически значимой информации о личности преступника, в частности о мотиве преступления.

Каждый преступный акт или действия по его подготовке либо сокрытию ведут к определенным изменениям в среде обитания путем образования следов. Стоит отметить, что образование следов может происходить как в процессе физической деятельности человека, так и психологической. Таким образом, под источником криминалистически значимой информации подразумевается след, либо объект материального мира, который может хранить информацию о событии преступления, в том числе о мотиве его совершения. Следы преступления являются любые изменения среды, возникшие в результате совершения в этой среде преступления. В криминалистике выделяют вербальные и материальные следы. Под вербальными следами в криминалистике понимается устная и письменная речь человека. Под материальными следами понимается результат отображения хода преступного деяния и его результатов на объектах материального мира [4, с. 137–138]. В целом, совокупность следов представляет собой следовую

¹ См.: п. 1. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)».

картину преступления, а в контексте исследования мы подразумеваем следовую картину мотива преступления, а именно процесса его формирования.

Так как речь зашла о следовой картине мотива преступления, следует дать пояснение, что мы понимаем под этим словосочетанием. *Следовая картина* – понятие, включающее описание материальных и вербальных отображений и условий, существующих на момент обнаружения преступления [7, с. 46]. Таким образом, данная следовая картина формируется в результате действий преступника по совершению преступления (подготовка, совершение, сокрытие). Нами выдвигается предположение о том, что психические процессы у человека в момент подго-

товки, непосредственного совершения и сокрытия преступления также могут иметь свое внешнее отражение в материальном мире. На основе данного положения мы предлагаем под *следовой картиной мотива преступления* понимать информацию, отобразившуюся в процессе формирования мотива преступления в виде вербальных или материальных следов, хранящуюся в определенных источниках. Следует заметить, что следовая картина начинает формироваться параллельно с формированием мотива преступления (см. рис. 1). Для каждого этапа формирования мотива будут характерны конкретные источники информации и информация о мотиве преступления.

Рис. 1. Формирование мотива преступления.

Классифицируя источники информации о мотиве преступления, следует упомянуть об известных и широко используемых в процессе доказывания источниках информации, к которым

относится сам человек (подозреваемый, потерпевший, свидетель и т. п.), предметы обихода преступника (личные дневники, литература) и т. п. В данной статье предлагается выделить сравни-

тельно новый источник информации о мотиве преступления: социальные интернет-сети. В настоящее время социальные сети играют важную роль в жизни граждан нашей страны и всего мира. Посредством социальных интернет-сетей пользователи ведут общение между собой, пользуются интересующей их информацией, представляют информацию о себе, что может заключаться в отражении их личных интересов, взглядов и т. д.

В целом, «социальная сеть» в настоящее время является одним из средств индивидуализации и самовыражения большого числа граждан. Социальные «страницы» в сети Интернет позволяют гражданам получать и размещать на них информацию различного содержания, начиная с научной информации и заканчивая видео и фото-материалами антисоциальной направленности. По нашему мнению, в соответствии с информацией, хранящейся на интернет-странице пользователя, можно дать первоначальную психологическую и моральную характеристику ее пользователю (при условии, что он лично осуществляет управление указанной «страницей»). Данная информация может указывать на определенные интересы пользователя, на их изменения, а его демонстрируемые в интернете интересы, в свою очередь, могут реализовываться в повседневной жизни, путем совершения конкретных действий. В качестве примера можно привести призывы представителей радикальных националистических и религиозных организаций, а также так называемых футбольных хулиганов, разнообразных видео- и аудиоматериалов, размещенных на личных интернет-страницах, которые указывают на

определенное мировоззрение и обуславливают поведение данных лиц.

В связи с вышесказанным мы считаем, что страница пользователя социальной сети, совершившего преступление, может являться одним из источников важной информации о мотиве преступления и являться элементом «следовой картины мотива совершенного преступления». Важно отметить то, что данный источник может быть актуальным только тогда, когда преступление было совершено, либо было совершено покушение или приготовление к нему. Для подтверждения уместен конкретный пример из сообщений новостных агентств: «Утром 7 ноября 2012 года Дмитрий Виноградов вошел в офис фармацевтической компании, в которой он работал, и открыл стрельбу по коллегам из карабинов. В результате трое мужчин и две девушки погибли на месте, еще одна жертва позднее скончалась в больнице». Непосредственно перед совершением данного преступления Виноградов опубликовал на своей странице в социальной сети «манифест» – текст, содержащий негативные высказывания о человечестве в целом: «Я ненавижу человеческое общество и мне противно быть его частью! Я ненавижу бессмысленность человеческой жизни! Я ненавижу саму эту жизнь! Я вижу только один способ ее оправдать: уничтожить как можно больше частиц человеческого компоста. Это единственно правильное и стоящее из всего того, что каждый из нас может сделать в своей жизни, это единственный способ ее оправдать, это единственный способ сделать мир лучше...»

28 ноября 2014 г. Дмитрий Виноградов был приговорен московским

городским судом к пожизненному лишению свободы за совокупность совершенных преступлений. Впоследствии защита Дмитрия Виноградова обжаловала приговор в Верховном Суде РФ, но суд оставил приговор нижестоящей инстанции без изменения. Мы приводим некоторые выдержки из апелляционного определения ВС РФ, в которых обращается внимание на доказательства, представленные стороной обвинения, среди которых присутствует информация интернет-страницы Дмитрия Виноградова и ее оценка: «Выводы суда о доказанности вины осужденного в публичных призывах к осуществлению экстремистской деятельности, убийствах М., Т., П., Л., Б., покушении на убийство С. и др. лиц являются правильными, основаны на совокупности исследованных в судебном заседании и приведенных в приговоре доказательствах».

Факты размещения в сети Интернет документа под названием «Мой манифест», авторство его содержания, совершение выстрелов в потерпевших из огнестрельного оружия при указанных судом обстоятельствах осужденный и его защитник не оспаривают. Вопреки доводам осужденного и его защитника в опубликованном Виноградовым в сети Интернет документе под названием «Мой манифест», причем за несколько часов до массового расстрела своих сотрудников, содержится побуждение к насильственным действиям, массовым убийствам людей, физическому уничтожению человечества, словесно выражено враждебное отношение ко всему человечеству как к биологическому виду. При этом текст иллюстрирован изображениями, в которых содержится совокупность признаков пропаганды

нацизма, фашизма. Как правильно установил суд, мотивом действий Д.А. Виноградова, когда он стрелял в офисе своей компании, являлось стремление самоутвердиться, доказать своей знакомой и коллеге по работе К., с которой он ранее поддерживал отношения, свою значимость и способность, по его мнению, на «серьезные поступки». При этом осознанная и прицельная стрельба в людей из огнестрельного оружия, подготовка к этому, приобретение ружей, необходимого снаряжения и пр., свидетельствуют об умысле на убийство и прямо опровергают доводы Д.А. Виноградова о том, что он не хотел убивать коллег по работе. Сам Д.А. Виноградов в своих приведенных показаниях указывал, что он хотел убить как можно больше людей. Именно в результате его действий были убиты шесть человек, а умысел на убийство остальных сотрудников, в том числе и С., которой в результате выстрелов был причинен тяжкий вред здоровью, Д.А. Виноградов не смог довести до конца по независящим от него причинам, так как был обезврежен, его действия были пресечены, а С. оказана своевременная медицинская помощь¹.

В приведенной выдержке апелляционного определения содержатся положения о том, что Верховный суд РФ подтверждает доводы следствия и нижестоящего суда касательно оценки информации, содержащейся на личной интернет-странице Дмитрия Виноградова. Суд указывает на взаимосвязь возникновения размещенной информации и побуждения у него к убийству неопределенного круга лиц, что в свою очередь свидетельствует о фор-

¹ См.: Апелляционное определение Верховного Суда РФ по делу № 5-АПУ13-76 от 28 ноября 2013 г.

мировании мотива ненависти и самоутверждения, который реализовался в совершении преступления. Учитывая приведенный пример, а также описанный ранее механизм формирования мотива преступления, а также результаты рассмотрения дела во второй инстанции, следует сказать о том, что именно страницу социальной сети следует считать источником информации о мотиве данного преступления. В дан-

ном случае сложно определить, с чем связано возникновение самой потребности в удовлетворении чувства ненависти, однако благодаря тексту данного «манифеста» можно установить устойчивость интереса Виноградова к волнующей его потребности. Это подтверждается наличием иллюстраций на его странице, а также содержанием текста «манифеста» (см. рис. 2).

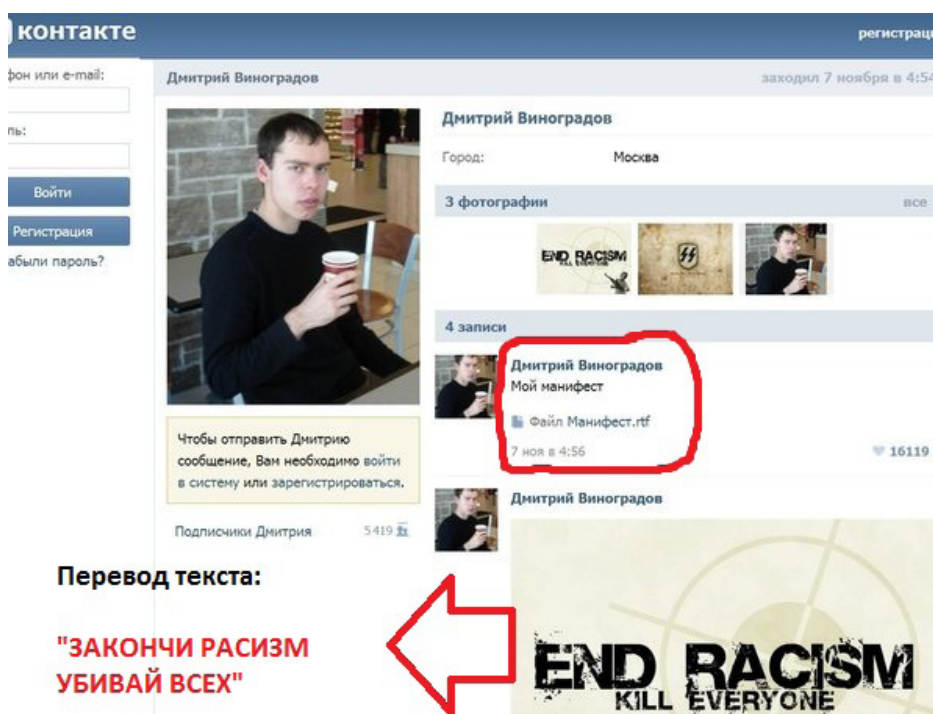

Рис. 2. Страница Дмитрия Виноградова в социальной сети.

Таким образом, при помощи информации, содержащейся на «странице» пользователя «социальной сети», представляется возможным получить доказательственную информацию о мотиве уже совершенного преступления. Так, человек, совершивший преступление против половой сво-

боды и неприкосновенности, может размещать на своей странице разнообразные видео- и фотоматериалы порнографического, садистского содержания и т. п., что дает информацию о сексуальном или сексуально-насильственном мотиве совершенного им преступления.

К сожалению сегодня мотиву преступления и процессу его установления уделяется недостаточно внимания со стороны правоохранительных органов и суда. Исключением являются резонансные дела, такие как дело Дмитрия Виноградова, хотя уголовно-процессуальное законодательство прямо указывает на необходимость установления мотива преступления по каждому уголовному делу. Проблема установления и доказывания мотива преступления может быть связана с отсутствием необходимых сведений о способе обнаружения источников информации о мотиве преступления и о получении этой информации.

Подводя итог сказанному, следует отметить, что изучение вопроса использования такого источника информации о мотиве преступления как страница преступника в социальных сетях, требует разработки специальной криминалистической методики поиска и оценки такого источника и информации, их процессуальной фиксации и отработки процесса получения такой информации. Вместе с тем необходимо отметить, что использование исследуемых источников может

представлять важное значение в процессе профилактики преступлений и преступности в целом.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Брайнин Я.М. Основания уголовной ответственности и важнейшие вопросы учения о составе преступления в советском уголовном праве: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Харьков, 1963. 37 с.
2. Викторов Б.А. Цель и мотив в тяжких преступлениях. М.: Госюриздат, 1963. 82 с.
3. Загородников Н.И. Преступления против жизни по советскому уголовному праву. М.: Госюриздат, 1961. 278 с.
4. Криминалистика / под общ. ред. Е.П. Ищенко, А.Г. Филиппова. М.: Высшая школа, 2007. 743 с.
5. Уголовное право России. Общая часть: учебник / под ред. В.П. Ревина. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юстицинформ, 2010. 496 с.
6. Филановский И.Г. Социально-психологическое отношение субъекта к преступлению. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1970. 174 с.
7. Шавер Б.М. Об основных принципах частной методики расследования преступлений // Соц. законность. 1938. № 1. С. 42–56.

НАШИ АВТОРЫ

Багдасарян Вардан Эрнестович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета; e-mail: vardanb@mail.ru

Васильева Оксана Николаевна – кандидат юридических наук, доцент Финансового университета при Правительстве Российской Федерации; e-mail: vasilieva@mail.ru

Маркичева Ирина Александровна – бакалавр юриспруденции, помощник адвоката коллегии адвокатов «АДВОКАТ»; e-mail: Markicheva_irina@mail.ru

Чихладзе Леван Теймуразович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного областного университета; e-mail: levanbook@gmail.com

Колчевский Игорь Борисович – кандидат юридических наук, доцент ФКУ Научно-производственное объединение «Специальная техника и связь» МВД России, начальник сектора

Меликов Эльнур Мамедагаевич – Российская академия правосудия, аспирант, помощник судьи, Октябрьский районный суд г. Новосибирска, г. Новосибирск; E-mail: msergnsk@rambler.ru

Осинов Максим Сергеевич – аспирант кафедры «Уголовно-правовое обеспечение национальной безопасности» (КБ-12) «Московский государственный университет приборостроения и информатики»; e-mail: Max_joker2315@mail.ru

Барышников Иван Сергеевич – аспирант кафедры гражданского права Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации; e-mail: bis.92@mail.ru

Макеева Елена Анатольевна – доцент кафедры теории и истории государства и права Московского государственного областного университета; e-mail: kaf-gospd@mgou.ru

Шаповалов Николай Иванович – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного и международного права Московского финансово-промышленного университета «Синергия»; e-mail: Shapovalov_n@list.ru

Грушин Федор Владимирович – докторант Академии ФСИН России, e-mail: Fedor062@yandex.ru

Демьянов Евгений Викторович – председатель Избирательной комиссии Ставропольского края, старший преподаватель кафедры конституционного и международного права юридического института федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования Северо-Кавказского федерального университета; e-mail: demyanov75@rambler.ru

Валеев Хайдар Арсланович – кандидат юридических наук, доктор политических наук, заслуженный работник сельского хозяйства Республики Башкортостан, председатель Центральной избирательной комиссии Республики Башкортостан; e-mail: cikrb@cikrb.ru

Верзилина Ирина Геннадьевна – председатель Избирательной комиссии Кировской области; соискатель кафедры конституционного и муниципального права ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»; e-mail: sovetsnikpfo@yandex.ru

Борисова Лилия Владимировна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Московского государственного областного университета; e-mail: Lilya-borisova@yandex.ru

Горячих Андрей Анатольевич – главный специалист юридического отдела Управления организации избирательного процесса Избирательной комиссии Московской области; e-mail: gorya4ix@yandex.ru

Кононов Эдуард Анатольевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры административного права и административно-служебной деятельности полиции ДВЮИ МВД России; e-mail: 450424@mail.ru

Разувакин Артем Андреевич – оперуполномоченный отдела экономической безопасности и противодействия коррупции Хабаровского линейного Управления МВД России на транспорте УТ МВД России по Дальневосточному Федеральному Округу (г. Хабаровск) ; e-mail: 450424@mail.ru

Галушкин Александр Александрович – заведующий кафедрой гуманитарных, социальных, экономических и информационно-правовых дисциплин Международного института информатизации и государственного управления им. П.А. Столыпина; e-mail: alexander.galushkin@yandex.ru

Коновалова Ирина Анатольевна – кандидат юридических наук, доцент, декан юридического факультета, заведующий кафедрой уголовного права Московского государственного областного университета; e-mail: ia.konovalova@mgou.ru

Антонян Елена Александровна – профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) ; e-mail: antonyaa@yandex.ru